Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ

2018 г., том 25, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ермакова Е.Е. История почитания народных святынь в Тобольской епархии: отношение власти и народные практики в XVIII–XIX вв. . . . 5
Каженова Г.Т. Организация органов земского самоуправления в Степном крае (1917–1919 гг.) . . . 11
Симонов Д.Г. К истории 12-й Сибирской (Томской) стрелковой дивизии вооруженных сил адмирала А.В. Колчака (1919 г.) . . . 19
Попов Г.Г. Индустриализация и развитие ОПК СССР в первую пятилетку в «координатах» эпохи мировых войн. . . . 25
Куперштох Н.А. Академик Михаил Федорович Жуков: страницы научной биографии. . . . 32

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Славина Л.Н. К вопросу о формировании теоретико-методологической основы в историко-демографических исследованиях . . . 38
Журавлева В.А. Смертность городского населения Урала от инфекционных заболеваний в 1920–1923 гг. . . . 44
Снегирева Л.И. Медико-санитарное обслуживание населения, эвакуируемого в западносибирский тыл (1941–1943 гг.) . . . 49
Араловец Н.А. Младенческая и детская смертность в городах РСФСР в 1960-е гг. . . . 54
Григорьев Ю.А., Баран О.И. Последствия принудительной трезвости на исходе советского периода (1985–1991 гг.): структурные изменения смертности и продолжительности жизни в региональном разрезе . . . 59
Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., Панарина И.А. Динамика смертности и продолжительности жизни населения Республики Коми . . . 64
Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Заболеваемость населения Сибири в контексте российских тенденций . . . 71

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Есипова В.А. К вопросу о читательских практиках старообрядцев: об одной рукописи из собрания Тиуновых в ОРКП НБ ТГУ . . . 81
Михеева А.А. Редакция певческих текстов Л.А. Гребнева в контексте старообрядческой полемики о «хомонии» первых десятилетий XX в. . . . 91
Зольникова Н.Д. Сочинение писателя-старовера А.Г. Мурачева «О начертании» в свете споров о штрих-коде как печати антихриста . . . 96

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кышпанаков В.А. Засуха и голод в Хакасии. 1946–1947 гг. . . . 101
Матханова Н.П. Представители власти в записках сибирских казаков второй половины XIX в. . . . 107
Базаров Б.В., Курас Л.В. «Белая» Сибирь в зеркале современной российской историографии, или Покушение на историю. Рецензия на кн.: Кокоулин В.Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.). Новосибирск: Офсет-ТМ, 2017. 528 с. . . . 111
Корзун В.П., Рыженко В.Г. Советский историк в фокусе культурологической парадигмы (размышления о новой книге Л.А. Сидоровой). Рецензия на кн.: Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248 с. (Historia Russica) . . . 115

© Сибирское отделение РАН, 2018
© Институт истории СО РАН, 2018
© Издательство СО РАН, 2018

ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

Учредители: **Сибирское отделение РАН;**
Институт истории СО РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук, д-р ист. наук *Н.З. Зайц* (Словения), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), профессор *С. Чулуун* (Монголия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперштох,* д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова,* д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7–383) 330–24–31
http://www.hssiberia.info; http://www.sibran.ru
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 30.03.18. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 58.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA

2018, vol. 25, N 1

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

Ermakova E.E. The History of public shrine veneration in Tobolsk eparchy: the authoritie's attitudes and folk practices in the XVIII–XIX centuries . . . 5
Kazhenova G.T. Organization of Zemstvo institutions in Steppe region (1917–1919) . . . 11
Simonov D.G. On the History of the 12th Siberian (Tomsk) Rifle Division of Admiral A.V. Kolchak's Armed Forces (1919) . . . 19
Popov G.G. Industrialization and the development of the military industry of the USSR in the first five years within the "coordinates" of the epoch of the World wars . . . 25
Kupershtokh N.A. Academician Mikhail Fedorovich Zhukov: Pages of Scientific Biography . . . 32

HISTORICAL DEMOGRAPHY

Slavina L.N. On the Issue of Forming the Theoretical-Methodological Base in Historical Demography Research . . . 38
Zhuravleva V.A. Urban population mortality from infectious diseases in the Urals in 1920–1923 . . . 44
Snegireva L.I. The medical-sanitary service provided to the population in process of its evacuation to the West-Siberian rear area (1941–1943) . . . 49
Aralovets N.A. Infant and child mortality in the cities of RSFSR in the 1960s . . . 54
Grigoryev Yu.A., Baran O.I. Consequences of forced sobriety in the late Soviet period (1985–1991): structural changes in mortality and life expectancy in a regional context . . . 59
Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N., Panarina I.A. Dynamics of Mortality and Life Expectancy of the Population of the Komi Republic . . . 64
Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V. Siberian population morbidity in the context of Russian trends . . . 71

BOOK CULTURE

Esipova V.A. On the issue of the Old Believers' reading practices: a manuscript from Tiunov's collection in the OMBM RL TSU . . . 81
Mikheeva A.A. L.A. Grebnev's edition of liturgical texts in the context of the Old Believer polemics on "khomonia" in the first decades of the 20th century . . . 91
Zolnikova N.D. The essay "On tracing" by an Old Believer writer A.G. Murachev in the light of debates on a bar code as antichrist's seal discussion . . . 96

MESSAGES, ACADEMIC LIFE

Kyshpanakov V.A. Drought and Famine in Khakasia. 1946–1947 . . . 101
Matkhanova N.P. Authorities in Siberian Cossacks notes in the second half of the XIX century . . . 107
Bazarov B.V., Kuras L.V. "White" Siberia in the Mirror of Modern Russian Historiography, or an Attempt Upon History. A review of: Kokoulin V.G. Belaya Sibir': bor'ba politicheskikh partiy i grupp (noyabr' 1918 – noyabr' 1919). – Novosibirsk: Ofset-TM, 2017. 528 p. . . . 111
Korzun V.P., Ryzhenko V.G. The Soviet Hisorian in Focus of Culturological Paradigm (Reflections on L.A.Sidorova's New Book). Rec. ad op.: Sidorova L.A. Soviet Historians: spiritual and scientific image. [Sovetskiye istoriki: dukhovnyy i nauchnyy oblik]. Moscow: Institute of Russian History; Center of Humanitarian Initiatives, 2017. 248 p. . . . 115

© Siberian Branch RAS, 2018
© Institute of History, SB RAS, 2018
© Publishing House, SB RAS, 2018

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
"GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI"
("HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA")

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

F o u n d e r s: **Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Professor *S. Chuluun* (Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Doctor *M. Junge* (Germany), Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *N.Z. Zajc* (Slovenia)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinyh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev,* Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev,* Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev,* Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov,* Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras,* Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova,* Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva,* Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova,* Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov,* Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina,* Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina,* Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

E d i t o r i a l a d d r e s s: Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
http://www.hssiberia.info; http://www.sibran.ru
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal "Humanitarian Sciences in Siberia" is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20180101
УДК 398.5 (571.12)

Е.Е. ЕРМАКОВА

ИСТОРИЯ ПОЧИТАНИЯ НАРОДНЫХ СВЯТЫНЬ В ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ: ОТНОШЕНИЕ ВЛАСТИ И НАРОДНЫЕ ПРАКТИКИ В XVIII–XIX вв.

Тюменский государственный университет,
РФ, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

В статье на основе архивных материалов, а также других источников рассматривается практика почитания локальных народных святынь и реакция на них духовной власти Тобольской епархии в XVIII–XIX вв. Высказывается предположение, что в Тюмени ключ, ранее находившийся в одном из оврагов ее «исторической» части, является первым в Сибири почитаемым водным источником. В день Девятой Пятницы к нему с начала XVII в. ежегодно устраивался крестный ход. Раскрываются возможные причины появления этого почитаемого места именно в первом сибирском русском городе. Во время петровских церковных реформ сподвижником монарха Филофеем Лещинским крестный ход здесь был запрещен, а источник засыпан землей. Кроме того, архивные документы свидетельствуют, что священство на местах пристально наблюдало за возможными отступлениями от «синодального благочестия», а народные практики почитания водных источников или икон выявлялись и пресекались.

Ключевые слова: Тобольская епархия, синодальный период, народные святыни, почитаемый водный источник, почитаемая икона.

E.E. ERMAKOVA

THE HISTORY OF PUBLIC SHRINE VENERATION IN TOBOLSK EPARCHY: THE AUTHORITIE'S ATTITUDES AND FOLK PRACTICES IN THE XVIII–XIX CENTURIES

University of Tyumen
6, Volodarskogo str., Tyumen, 625003, Russia

The article is based on the review of archival materials and other sources. It aims to study the specific character of public local shrine veneration and the relevant reaction of the religious governance in Tobolsk eparchy in the XVIII–XIX centuries.

While studying popular shrines the least attention is paid to the historical aspect, particularly to the reaction of the official religious community in the XVIII and XIX centuries (or a synodic period) to new or "uncontrolled" venerated shrines. Combatting pilgrimage to shrines that were not included in "the rules" of church, up to removing them, in the XVIII and XIX centuries, became the result of Peter I's legislaive initiatives.

It has been supposed that the spring, which was formerly situated in Tyumen and spurted out in one of the gullies in its "historical" part, was the first venerated water spring in Siberia, where Cross Processions were held every year on the Ninth Friday from the beginning of the XVII century. The article reveals eventual reasons of emergence of this venerated place in the first Siberian Russian city. During Peter I's clerical reforms, the monarch's ally Phylophey Leshchinsky forbade Cross Proces-sions, and the spring was filled up with soil.

Елена Евгеньевна Ермакова – канд. филол. наук, доцент, Тюменский государственный университет, e-mail: elenaprema@mail.ru.
Elena E. Ermakova – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, University of Tyumen.

© Ермакова Е.Е., 2018

The archival depository of Tobolsk clerical consistory remains the main source of restoring the historical canvas. Twice a year all clerical ruling councils were to report to the authority, executing supervisory function as well, about the absence, as stated in the headline of a case dated from 1774, of "any superstitions, veneration of non-recognized dead bodies as holy relics, icon false miracles, springs, wells, monks dissolutely hanging around and other mischiefs". In order to prevent different "unorthodoxies" in ecclesiastic canon, religious authorities had to nip in the bud probable rumors by applying prohibition of eventual shrines. For example, a number of Cross Processions with popularly venerated icons were called off and eventual practices of "weeping" icons veneration were suppressed.

Key words. Tobolsk eparchy, synodic period, public shrine, sacred water spring, holy icon.

Одной из характерных черт религиозного сознания является придание сакрального статуса некоторым местам и объектам, которые в силу этого обретают статус святыни. Для православной народной культуры, о почитаемых местах и объектах которой и пойдет речь, особое значение представляют водные источники, рощи и деревья, горы и камни, церкви и часовни, иконы и кресты, мощи и захоронения святых – их существование в качестве народных святынь зависело от тех умонастроений, которые главенствовали в тот или иной исторический период. Один дискурс – это массовая религиозная культура, «материнское лоно», в котором и возникали почитаемые места или объекты; другой дискурс – это оппонирующие ей церковная среда XVIII – начала XX вв. (поддерживаемая светской властью) и идеология советского государства XX в. Представляющие их институты контролировали, а зачастую уничтожали сакрализованные народом святыни. Следует признать, что в данной проблеме меньше всего внимания уделяется реакции официальной религиозной среды XVIII и XIX вв. на новые или «бесконтрольно» действующие почитаемые святыни. В начале 1720-х гг. Петром I осуществляется церковная реформа, которая «ставила своей целью регламентировать религиозную жизнь, очистив ее от различных элементов "суеверия"» [1]. 21 февраля 1722 г. вышел указ о запрещении ходить с образами в дома прихожан, который «в широком смысле слова <…> можно трактовать как запрет выноса иконы за церковные стены, запрет крестных ходов. Уже в 1723 г. был отменен ряд ежегодных крестных ходов» [1]. Итогом петровских законодательных инициатив стало то, что и в XVIII, и в XIX вв. с паломничеством к святыням, не включенным в церковный «обиход», рьяно боролись, вплоть до ликвидации этих мест.

Трудности в освещении избранной темы связаны, прежде всего, с наличием (вернее – отсутствием) этих материалов. Как отмечает Е.В. Платонов, если архивные материалы XVIII в. практически отсутствуют (единственный источник для реконструкции народных религиозных культов того времени), то XIX в. оставил нам по сравнению с предыдущим периодом большое количество следственных дел об отдельных случаях почитания, в частности, исследуемых им водных святынь [2, с. 162–175; 3, с. 61–70]. К документам прошлых эпох, в которых отражается борьба с «суеверями», обращаются в своих исследованиях А.С. Лавров [4], А.А. Панченко [5], Е.В. Платонов [2; 3], Е.Б. Смилянская [6], П.Г. Чистяков [1], И.А. Припачкин [7], С.А. Иникова [8]. Однако в целом «исторические источники, повествующие о возникновении сельских почитаемых мест в XVIII–XIX вв., еще недостаточно разработаны и почти не введены в научный оборот, хотя представляют несомненный интерес» [2, с. 162]. Особенно это касается тех территорий, которые были отдалены от центра, и в частности Сибири. Собственно, в настоящей статье впервые рассматриваются архивные материалы, а также привлекаются иные источники с целью изучения специфики почитания локальных народных святынь и реакции на них духовной власти в Тобольской епархии в XVIII–XIX вв.

Начну свое исследование с истории почитаемого родника, находившегося в г. Тюмени. Традиция поклонения водным источникам уходит корнями в глубь веков, и именно они являются наиболее распространенными природными почитаемыми объектами в Европе, в России, а также в Сибири [3, с. 61; 9, с. 41; 10, с. 27–32]. Смею предположить, что ключ, ранее находящийся в Тюмени и бьющий в одном из оврагов ее «исторической» части, – это первый в Сибири почитаемый водный источник. Сведений о его возникновении немного, и зафиксированы они главным образом в краеведческой работе Н.А. Абрамова «Город Тюмень: из истории Тобольской Епархии».

Известно, что во время отмечавшегося в Тюмени в день Девятой Пятницы праздника «Ключ» устраивался крестный ход к роднику в знак благодарности за отвращение конского падежа в 1603–1605 гг., т.е. «начало празднования на ключе относится к самым первым годам XVII столетия» [11, с. 414]. К роднику из женского монастыря несли иконы, уже на месте устраивали молебен и освящали воду. В других посвященных почитаемому роднику работах, имеющих краеведческий характер, исторических подробностей паломничества не сообщается. В статье С. Кубочкина «Старинные забавы» речь идет о светском праздновании «Ключа» в начале XX в. [12, с. 108–109]. В статье Ю. Зотина «Где же ты, святой ключ» или пересказывается работа Н. Абрамова, или высказываются предположения о месте нахождения ключа [13, с. 129–132]. Позднее Е.А. Бушаров на основании всех имеющихся данных делает вывод, что родник выходил из недр земли на территории, где в настоящее время располагается комплекс Тюменского высшего военно-инженерного командного училища и прилегающего к нему жилого массива [14, с. 21–34].

Вероятность формирования одной из первых сибирских народных святынь именно в Тюмени была достаточно высока. Тюмень – первый русский город в Сибири (основан в 1586 г.), через него происходило

дальнейшее освоение этой огромной территории. За 27 лет (до 1603 г., когда возникла упомянутая эпизоотия) Тюмень, по меркам Сибири, была достаточно обжитой, хотя и нестабильной ввиду расположения на 1-й оборонительной линии. Город был основан как крепость-острог в недружественной среде бывших правителей Сибирского ханства и их наследников (кучумовичей), а также кочевников (ногаев, киргизов, калмыков), совершавших набеги на новые опорные точки границы Российского государства [15, с. 62–63]. Как отмечает В.В. Трепавлов, «соседство воинственных кочевников создавало среди русских новоселов края чрезмерную настороженность. Люди верили любым слухам, пугались всяких сведений о надвигающемся набеге» [16, с. 75]. Для отражения атак и преследования совершавших набеги на русские деревни и татарские селения кучумовичей немногочисленному местному населению нужны были лошади. Кроме того, в Тюмени в 1605 г. появляется слобода ямщиков, а для ямщика лошадь – основное средством существования. Соответственно, прекращение «конского падежа» 1603–1605 гг. было для местных ямщиков избавлением от нищеты и голода. По данным И.Л. Маньковой, в честь этого события в церкви Рождества Богородицы (всего по данным дозорной книги 1623/24 гг. в городе к этому времени функционировало 5 церквей) появилась икона Флора и Лавра, которые почитались как защитники лошадей, и в честь этих святых был освящен придел Ильинской церкви [17, с. 59]. Однако не только церкви или часовни были маркерами «духовной освоенности и обжитости территории» [18, с. 75]. К тому же в остроге явно недоставало квалифицированных священников – они «в большинстве своем были неграмотные, едва умевшие отправлять церковную службу, при том не отличались высокой нравственностью» [19, с. 9].

Вехой в «духовном» освоении нового, русского пространства, маркером «своего» в противовес «чужому», враждебному, наполненному слухами и толками о возможных бедах, мог стать и родник. Новый источник явил способ структурирования нового социального пространства в народном дискурсе, «стянув» на себя кризисную информацию о несчастье – конском падеже – и одновременно предоставив способ преодоления подобных ситуаций (посредством крестного хода и молебна), которые могли бы возникнуть в будущем [20, с. 119].

Следующая веха в истории этого локального почитаемого места – первая треть XVIII в., т.е. время петровских реформ, когда светским и духовным властям надлежало обращать особо пристальное внимание на народные святыни, а при обнаружении применять к ним репрессивные меры. При обнаружении почитаемого источника его следовало закопать [1]. Этот «сценарий» был полностью реализован и в Тюмени. Как сообщает Н. Абрамов, из-за «пьянства, разных бесчинств и соблазна», которые добавились к «церковному установлению», по велению схимонаха Федора (в миру Филофея Лещинского) паломничество с иконами на ключ было запрещено, а сам источник засыпан землей. Точная дата запрещения паломничества Н. Абрамовым не названа, однако известно, что схиму сподвижник Петра I Филофей Лещинский принял в 1711 г., а окончательно обосновался в Тюмени в 1720-м г., где отошел в мир иной в 1727 г. Следовательно, запрет на паломничество наложен в 1720-х гг., после петровских указов. Скорее всего, при запрете паломничества на ключ схимонах Федор проводил в Тюмени радикальную государственную политику, так что «пьянство, разные бесчинства и соблазн» были лишь внешним, а возможно, и надуманным поводом для прекращения крестного хода. Интересно, что ни в одном из популярных изданий о жизни Филофея Лещинского, созданных уже в наши дни, уничтожение им ключа не упоминается [21; 22], возможно, в силу того, что современная Православная Церковь относится к почитаемым источникам благосклонно, включая их в круг своих святынь.

Известно, что «через несколько лет после смерти Петра I были вновь разрешены крестные ходы с иконами» [1]. Это «послабление» в отношении почитаемых народом мест коснулось и тюменского ключа. К тому же вскоре после смерти монарха ушел из жизни и его сподвижник Филофей Лещинский. Снова процитирую Н. Абрамова: «…Опять учредился туда [на ключ] крестный ход, иконы по-прежнему носили из девичьего монастыря, по упразднении же его – из Архангельской церкви, только не в девятую пятницу, а в следующее воскресенье. Всеобщее гулянье опять появилось на месте бывшего ключа. Церковный ход впоследствии прекращен, но многолюдное гулянье остается до настоящего времени, только не с теми соблазнами и бесчинствами, какие были в прежние времена» [1]. Полагаю, что фраза «соблазны и бесчинства» не передает особенности почитания святого ключа. Таких наблюдений просто не сохранилось, а Н. Абрамов сам не был их свидетелем, и, видимо, лишь цитирует предшествующий документ, отражающий «строгую» риторику схимонаха Феодора.

К настоящему времени утеряно как само место, где пробивался источник (возможно, оно находилось на закрытой ныне территории военного училища), так и какие бы то ни было традиции церковного или светского праздника. Впрочем, культурно просвещенная молодежь Тюмени в последние годы «заимствовала» название и ландшафт праздника и проводит фестиваль искусств «Ключ» в Городищенском логу, находящемся неподалеку от предполагаемого оврага с почитаемым родником. Впрочем, о возрождении именно почитаемого родника речи не идет.

Кроме тюменского ключа, местные краеведы прошлого и настоящего не уделили внимание другим почитаемым святыням, поэтому основным источником для реконструкции исторической канвы возможного почитания народных святынь в XVIII–XIX вв. остаются архивы местных духовных консисторий, и в частности фонд Тобольской консистории, хранящийся в Государственном архиве в г. Тобольске (фонд И 156). В итоге изучения этого фонда и обобщения материа-

лов, представленных в нем, можно сделать первое наблюдение. Два раза в год в целях регламентации духовной жизни все духовные правления должны были рапортовать в Тобольскую духовную консисторию об отсутствии в них, как следует из заголовка дела от 1774 г., «всяческих суеверий, почитания мертвых неосвидетельствованных тел за святые мощи, ложных чудес при иконах, источниках, колодцах, беспутно волочащихся чернецов и прочих шалостей»[1]. В разные годы заголовки дел менялись, но суть их оставалась прежней. Например: «Рапорты духовных правлений о ложных чудесах и суевериях» за 1760 г.[2], «Рапорты духовных правлений о состоянии заказов (о суевериях, ложных чудесах, кликушах и проч.)» за первую половину 1789 г.[3], «Рапорты духовных правлений о благосостоянии церквей и приходов: о своевременном отправлении церковной службы, о суевериях и кликушах» за вторую половину 1819 г.[4] и мн. др. Тексты в рапортах «с мест» были примерно одинаковыми, видимо, шаблонными. Например, в рапорте из Рафайловского духовного правления за вторую половину 1765 г. сообщается[5]:

«Понеже по репорту Рафайловскаго заказа десятоначалника Кодской Николаевской заимки Троицкой церкви священника Василия Андреева: а сим по собранным от священников с причетники писмяннозаручным сказкам значит, что в здешнем заказе при приходах никаких суеверий ложных чудес при иконах при кладезях и источниках и мертвых неосвидетельствованных телес и почитанию за мощи святых не имеется: также кликуш притворноюродцев босых и с колтунами шатающихся бродяг и ханжей и волочащихся безпутно чернцов по тому ж не имеется и состоит благополучно: о чем в канцелярию Тоболской Духовной консистории Рафайловское Духовное правление сим и репортует декабря 22 дня 1765 года Архимандрит Нектарий»[6].

После того, как все рапорты с отчетами за половину года были собраны, в Святейший Правительствующий Синод уже рапортовал епископ Тобольский и Сибирский. Пример рапорта епископа Варлаама от 3 октября 1777 г.:

«За силу духовнаго регламента и ея императорскаго величества из Святейшаго Правительствующаго Синода указом велено о состоянии Епархии репортовать в каждый год не делается ль где каких суеверий не проявляются ль притворноюродцы и с колтунами и о протчем, и на оное Святейшему Правительствующему Синоду благопочтенно репортую, что в здешней Тоболской Епархии по присланным из духовных правлений (*сверху подписано:* по 29 число сентября сего 1777 года) репортам в первой минувшаго 776го года половине притворноюродцев и с колтунами не имелось, кроме того что расколники родившихся детей своих православным священникам крестить не дают, а браки в [неразб.] церкви венчают»[7].

Во избежание различных «отступлений» от церковного канона духовные власти должны были на корню пресекать возможные толки. Например, следовало контролировать каноничность изображений на иконах. В 1759 г. был издан указ, «чтобы нигде не искуснописанных икон не было». Печатная его копия приложена к «Делу о запрещении продажи плохо напечатанных и не освидетельствованных архиереями икон»[8]. В связи с этим во исполнение указа ввозимые иконы на местах тщательно проверялись. Об этом, например, свидетельствует вскоре появившееся после указа «Дело об освидетельствовании привезенных суздальскими крестьянами святых икон» от 1761 г.[9]. Позже обстоятельства предоставили возможность тобольским духовным властям в точности исполнить указ Святейшего Синода от 21 февраля 1722 г., в котором «иконы, оглашенные чудотворными, должны быть немедленно отбираемы и поставляемы для хранения в ризницы кафедральных соборов» [1]. Это явствует из «Дела о течении воды из иконы Богоявления Господня, находящейся в с. Куминовском Туринского ведомства» от 1859 г.[10].

Туринский уездный благочинный священник Лев Брызгалов докладывал, что в доме священника села Куминовского Александра Тутолмина находится икона, с которой стекает вода. В документе благочинный приводит все обстоятельства, связанные с этим явлением, и просит наставлений «касательно оной иконы; пред нею Куминовский причет может ли служить молебны, по просьбе желающих»[11]. Вслед за этим Тобольская духовная консистория потребовала, «чтобы Туринское духовное правление распорядилось доставить сюда икону без всякой огласки и без всякого оказательства». Сделать это нужно было с особым тщанием: предписывалось, чтобы правление «обтерло оную, и завернуло в чистое полотно, и закупарив в нарочито сделанный для того из дерева футляр представило в Консисторию без повреждения»[12].

В результате обследования, проведенного 17 июля 1859 г., в журнале Тобольской духовной консистории появляется запись: «Как икона Богоявления Господня находит в присутствии Консистории с 30 апреля по настоящее время не оказала ни того чудесного маслянистого истечения, какое оказывала будучи бы в доме священника Тутолмина, не оказала и ни особенной

[1] Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГБУТО ГА в г. Тобольске). Фонд Тобольской духовной консистории. Ф. 156. Оп. 3. Д. 387.

[2] Там же. Д. 2947.

[3] Там же. Оп. 4. Д. 512.

[4] Там же. Оп. 8. Д. 1480.

[5] При публикации документов соблюдаются следующие правила: 1. Использование строчных и прописных букв модифицируется в соответствии с современными стандартами. 2. «Ъ» на конце слова опускается, «ѣ» заменяется на «е», а «і» на «и».

[6] Там же. Оп. 2. Д. 1169. Л. 21.

[7] Там же. Оп. 3. Д. 864. Л. 1.

[8] Там же. Оп. 1. Д. 2956.

[9] Там же. Оп. 2. Д. 19.

[10] Там же. Оп. 11. Д. 620.

[11] Там же. Л. 3 об.

[12] Там же. Л. 4.

Божественной силы, то поэтому консистория не имея причин полагать в ней что-либо сверхъестественное считает правильным, не назначать никакого следствия, в прекращение толков и молвы народной, внести ее в Соборную Архиерейскую ризницу для всегдашнего хранения»[13]. Туринскому правлению, благочинному, а также сыну священника Тутолмина предписывалось «в случае, если уже толки и молвы об иконе распространились между народом в прекращение их приняли бы самые действенные меры, ибо в отношении иконы они должны были действовать самым секретным образом, а не открывать и распространять слухи, что строжайше запрещается и законом»[14].

Возможно, что икона не стала почитаемой народом именно потому, что она принадлежала священнику, понимавшему нюансы ситуации. В других случаях, например, если такая «плачущая» икона находилась в доме крестьянина, мог сложиться культ почитаемой святыни. П.Г. Чистяков приводит пример, из которого узнаем, что в Богородском уезде Московской губернии 25 июня 1885 г. священник около дома крестьянки увидел множество народа. Он выяснил, что в этом доме находилась плачущая Ахтырская икона Богоматери. В дальнейшем икона была изъята и отправлена на хранение в ризницу Чудова монастыря [1].

Материалы, приведенные в статье, показывают, насколько твердой со стороны официальных церковных властей Тобольской епархии была «опека» над возможными проявлениями народной религиозности. Стихийные практики почитания водных источников или икон, которые начинали складываться, выявлялись и пресекались. Возможно, эта строгая «синодальность» предшествующих эпох (до начала XX в.), наряду с иными причинами, не способствовала формированию того особого религиозного ландшафта, который отражал бы именно массовую, народную религиозную культуру, материальными маркерами которой являются почитаемые места или объекты (в частности, в границах современной Тюменской области) [23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чистяков П.Г.* Почитание местных святынь в российском православии синодального периода // Православный собеседник: альманах Казанской духовной семинарии. Вып. 1(14)–2007. Материалы VI ежегодной науч.-практ. конференции «Богословие и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи». Казань, 2007. С. 187–193.

2. *Платонов Е.В.* Почитаемые родники в XIX в.: роль «хранителя святыни» в формировании культа // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 162–175.

3. *Платонов Е.В.* К вопросу о почитании родников в XIX веке: модели поведения и практика принятия решений // Традиционная культура. 2014. № 1(53). С. 61–70.

4. *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М.: Древлехранилище, 2000. 576 с.

5. *Панченко А.С.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998. 320 с.

6. *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и духовные преступления в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. 463 с.

7. *Припачкин И.А.* Чудо чаемое и восхищаемое // Чудесное и обыденное: сборник материалов науч. конф. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. С. 94–107.

8. *Иникова С.А.* Святые источники Рязанской земли: православные традиции в их почитании // Православие и традиционная культура Рязанской области / под ред. С.А. Иниковой. Рязань: Рязанский обл. науч.-метод. центр народного творчества, 2001. С. 155–170.

9. *Любимова Г.В.* Сибирская традиция почитания святых мест в контексте народной исторической памяти // STUDIA MYTHOLOGICA SLAVICA. XVI. 2013. С. 27–45.

10. *Ермакова Е.Е.* Исцеление водой: почитаемые источники юга Тюменской области // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2011. № 2. С. 27–32.

11. *Абрамов Н.А.* Город Тюмень: из истории Тобольской Епархии / Сост. тома, примеч. Ю.Л. Мандрики и В.А. Чупина, предисл. Ф. Петухова. Тюмень: СофтДизайн, 1998. 576 с.

12. *Кубочкин С.* Старинные забавы // Лукич. 2000. №2. С. 103–111.

13. *Зотин Ю.* Где ты, Святой ключ? // Лукич. 2001. № 1. С. 129–132.

14. *Бушаров Е.А.* Площадь «Красных бойцов» (святой ключ) в г. Тюмени (об истории появления, проведения праздника «Ключ» и о местонахождении площади) // Земля Тюменская: Ежегодник Тюм. обл. краевед. музея. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008. Вып. 21. С. 21–34.

15. *Словцов П.А.* История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2014. 530 с.

16. *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 231 с.

17. *Манькова И.Л.* Православный ландшафт Тюмени в XVII – первой половине XVIII века: опыт прочтения // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 8: История. С. 58–68.

18. *Курилов В.Н., Люцидарская А.А., Майничева А.Ю.* Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII – начале XX в. Новосибирск: Изд-во ПреПресс-Студио, 2005. 100 с.

19. *Половинки Н.С.* Западно-Сибирский регион в религиозном отношении и церковные преобразования в 16–20 вв. // Религия и церковь в Сибири: сб. науч. стат. и документальных материалов. Тюмень: Рутра, 1993. Вып. 5. С. 3–39.

20. *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995. Вып. 5. С. 110–176.

21. *Яковлев М.* Слово о святителе Филофее, который Сибирь крестил. Тюмень: Сити-пресс, 2008. 240 с.

22. *Бакулин М.* Сказ о святом Филофее, сибирском чудотворце. Тюмень: Русская неделя, 2015. 40 с.

23. Летопись возрождения Тобольской епархии 1990–2010 гг. Тюмень: Изд.-информ. отдел Тюменско-Тобольской епархии, 2011. 524 с.

REFERENCES

1. *Chistjakov P.G.* Veneration of local shrines in the Russian Orthodoxy under the synodic period. *Pravoslavnyi sobesednik: al'manakh Kazanskoy dukhovnoy seminarii.* Kazan', 2007, vol., pp. 187–193. (In Russ.)

2. *Platonov E.V.* Water springs venerated in the XIX century: the "shrine keeper" role in worship development. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, no. 5, pp. 162–175. (In Russ.)

3. *Platonov E.V.* Revisiting the water springs veneration in the XIX century: behaviour patterns and decision making practice. *Traditsionnaya kul'tura*, 2014, no. 1, pp. 61–70. (In Russ.)

[13] ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 11. Д. 620. Л. 6 об. – 7.
[14] Там же. Л. 7.

4. *Lavrov A.S.* Sorcery and religion in Russia in 1700–1740. Moscow: Drevlekhranilishche, 2000, 576 p. (In Russ.)

5. *Panchenko A.S.* Popular Orthodoxy research. Rural holy objects in North-West of Russia. Saint Petersburg: Aleteiya, 1998, 320 p. (In Russ.)

6. *Smilyanskaya E.B.* Sorcerers. Blasphemers. Heretics. Public religiosity and clerical crimes in Russia in the XVIII century. Moscow: Indrik, 2003, 463 p. (In Russ.)

7. *Pripachkin I.A.* A miracle to believe in and to admire. *Chudesnoe i obydennoe: sbornik materialov nauch. konf.* Kursk, 2003, pp. 94–107. (In Russ.)

8. *Inikova S.A.* Sacred water springs of Ryazan region: Orthodox traditions of veneration. *Pravoslavie i traditsionnaya kul'tura Ryazanskoy oblasti*. Ryazan', 2001, pp. 155–170. (In Russ.)

9. *Lyubimova G.V.* The Siberian tradition of holy places veneration in the context of public historical memory. *Studia Mythologica Slavica,* 2013, no. 16, pp. 27–45. (In Russ.)

10. *Ermakova E.E.* The water healing: venerated water springs of Tyumen region. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*, 2011, no. 2, pp. 27–32. (In Russ.)

11. *Abramov N.A.* Tyumen city: on the history of Tobolsk eparchy. Tyumen': SoftDizain, 1998, 576 p. (In Russ.)

12. *Kubochkin S.* Ancient entertainments. *Lukich,* 2000, no. 2, pp. 103–111. (In Russ.)

13. *Zotin Yu.* Where are you, Holy spring? *Lukich,* 2001, no. 1, pp. 129–132. (In Russ.)

14. *Busharov E.A.* Red Fighters Square (sacred water spring) in Tyumen city (on the history of appearance, the "Spring" feast organization and the square locality. *Zemlya Tyumenskaya: ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*, Tyumen', 2008, vol. 21, pp. 21–34. (In Russ.)

15. *Slovtsov P.A.* The history of Siberia. From Yermak to Catherine the Great. Moscow: Veche, 2014, 530 p. (In Russ.)

16. *Trepavlov V.V.* The Siberian yurt after Yermak: Kuchum and his descendants in vengeance fighting. Moscow: Vostochnaya literatura, 2012, 231 p. (In Russ.)

17. *Man'kova I.L.* The Orthodox landscape of Tyumen in the XVII century – the first half of the XVIII century: the reciting experience. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2015, vol. 14, iss. 8: Istoriya, pp. 58–68. (In Russ.)

18. *Kurilov V.N., Lyutsidarskaya A.A., Mainicheva A.Yu.* Siberia exploration: the Russian culture conservation and transformation in the XVII – early XX centuries. Novosibirsk: Izd-vo PrePress-Studio, 2005, 100 p. (In Russ.)

19. *Polovinki N.S.* West Siberian region with regard to religion and church reforms in 16–20 centuries. *Religiya i tserkov' v Sibiri*. Tjumen', 1993, vol. 5, pp. 3–39. (In Russ.)

20. *Shchepanskaya T.B.* The crisis network (traditions of spiritual space exploration). *Russkiy Sever. K probleme lokal'nykh grupp*. Saint Petersburg, 1995, vol. 5, pp. 110–176. (In Russ.)

21. *Yakovlev M.* A message of Saint Phylophey, who baptized Siberia. Tyumen': Siti-press, 2008, 240 p. (In Russ.)

22. *Bakulin M.* A tale about Saint Phylophey, Siberian wonderworker. Tyumen': Russkaya nedelya, 2015, 40 p. (In Russ.)

23. The chronicles of the Tobolsk eparchy revival in 1990–2010. Tyumen': Izdatel'sko-informatsionnyy otdel Tyumensko-Tobol'skoi eparkhii, 2011, 524 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.01.2018

DOI: 10.15372/HSS20180102
УДК 94(574) "1917/1919"

Г.Т. КАЖЕНОВА

ОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СТЕПНОМ КРАЕ (1917–1919 гг.)

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Пушкина, 11

В статье рассматривается процесс формирования земских учреждений в казахских волостях Степного края, который пришелся на 1917–1919 гг. Анализируется позиция казахской либеральной интеллигенции по поводу введения земства в крае. Прослежено отношение сменявших друг друга правительств к организации земских учреждений. На основе архивных источников рассматривается работа уездных и волостных избирательных комиссий. Трудности организации земств в казахских волостях были обусловленны такими объективными факторами, как тяжелое экономическое положение казахского населения, «джут», эпидемия тифа в отдельных районах, а также субъективными факторами – нехваткой кадров в земских учреждениях. Образованные на местах Советы Алаш-Орды фактически выполняли многие функции земских управ.

Ключевые слова: Степной край, казахское население, органы местного самоуправления, волостные земства, Алаш-Орда, гражданская война.

G.T. KAZHENOVA

ORGANIZATION OF ZEMSTVO INSTITUTIONS IN STEPPE REGION (1917–1919)

L.N. Gumilyov Eurasian National University,
11, Pushkin str., Astana, 010000, Kazakhstan

Zemstvo reform was carried out in the territory of Kazakhstan during the period of Revolutions and Civil War in 1917–1919. Kazakh liberal intelligentsia, which considered zemstvo as the first step towards self-administration on the national level and as a way of transfer to the territorial national autonomy, were interested in creating territorial institutions. The majority of the Kazakh population showed their interest in zemstvo. Changing governments were also interested in spreading the national self-administration system. Despite this, zemstvos were not created in a majority of Kazakh regions. It was due to a low activity of regional committees organizing zemstvo's self-administration. The regional election commission activity was complicated by the Kazakh population's nomadic way of life.

The launched work on introducing zemstvo was interrupted by the Soviet system's establishment, and after its overthrow, the elections of public persons (glasnyi) to zemstvo, appointed for the winter of 1918–1919, were slowed down by the difficulties of communication in winter, snowstorms and severe weather conditions. The zemstvo elections stopped due to the cold winter, loss of livestock, typhus epidemic in some regions and a difficult economic situation of the Kazakh population. In the summer the military operations began.

The government of Alash-Orda, which had a great influence on the Kazakh population, played a contradictory role related to zemstvo. It was supposed that it closely cooperated with zemstvos. Zemstvos were often headed by its supporters. The councils of Alash-Orda created in districts, trying not to interfere in the competence of territorial justices, performed lots of their functions de facto. Representatives of the Kazakh population working as a part of district territorial zemstvo justices got familiar with the experience of local government. Involving the Kazakh population in zemstvo's elections was a great achievement in their political rights development.

Key words: Akmola region, Kazakh population, local government, zemstvos, Alash-Orda, Civil War.

Основы самоуправления на территории Казахстана зародились еще в эпоху возникновения родовых и племенных общин, когда складывался кочевой уклад жизни. Родовые старшины и племенные вожди выбирались на курултаях и сходах кочевников. Они наделялись полномочиями разбирать споры, формировать

Гульнар Тулегеновна Каженова – канд. ист. наук, и.о. доцента кафедры, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, e-mail: gkazhenova@mail.ru.

Gulnar T. Kazhenova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University.

© Каженова Г.Т., 2018

подразделения воинов и командовать ими. При этом родовые общины обладали широкой автономией и значительным авторитетом. Традиции степной демократии были юридически закреплены в XVII в. в знаменитом своде законов «Жеты Жаргы» («Семь правил», «Семь установлений»), который, по словам академика С. Зиманова, «в имманентном его понимании», формировался и достиг развития в Кипчакской степи «в условиях большой свободы кочевников и самоопределения кочевых сообществ» [1, с. 156].

После распада в 1718 г. Казахского ханства на три жуза и поэтапного вхождения казахских земель в состав Российской империи насущные проблемы жизнеобеспечения населения требовали сохранения элементов самоуправления в виде выборов из представителей знати ага-султанов (старших султанов), окружных приказов и управителей областей, аульных старшин, а также судов биев с ограниченной юрисдикцией. Для решения некоторых местных вопросов созывались аульные и волостные сходы.

В дальнейшем формирование системы местного самоуправления в Казахстане было связано с административными реформами Временного правительства 1917 г. Как известно, первые местные органы самоуправления в России – земства – были введены Положением о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 г. В Сибири и Степном крае, как и в некоторых других губерниях и областях Российской империи, земские учреждения были введены только в 1917 г.

Степной край, имевший официальное название Степное генерал-губернаторство, включал территорию Северного, Восточного и Центрального Казахстана и делился на Акмолинскую и Семипалатинскую области (входившая в его состав Семиреченская область в 1899 г. была передана в состав Туркестанского генерал-губернаторства). Центром края и одновременно центром Акмолинской области был г. Омск, центром Семипалатинской области – г. Семипалатинск.

Вопрос о введении земства на территории Казахстана поднимался казахской интеллигенцией еще в период революционных событий 1905–1907 гг. О распространении земских учреждений на области Степного края говорилось и во время летней сессии 1916 г. на заседаниях Государственной думы [2, с. 240–241].

Земства, занимавшиеся исключительно местными, «безвредными» для правительства делами, не представляли для правящего режима опасности. Казахская либеральная интеллигенция, не имея возможности добиться каких-либо уступок со стороны царского правительства в других областях политической жизни, сосредоточила свои усилия на требовании открытия земства на территориях проживания казахского населения. Представители интеллигенции пытались теоретически обосновать необходимость и полезность земств, рассматривая их как первую ступеньку в достижении самоуправления и перехода к территориальной национальной автономии.

В цикле статей, объединенных под названием «Что такое земство?» («Земство не нарсе?»), газета «Казах» пыталась доказать, что земство означает добровольную передачу со стороны государства части своих функций в руки населения. Издатели газеты называли это «частной свободой». По мнению авторов статей (большинство статей написано М. Дулатовым), тенденция исторического развития такова, что рано или поздно народ должен стать хозяином положения в стране. Газета выступала за установление новых порядков, подразумевая под ними строй, при котором власть служит интересам народа. Под новыми порядками газета подразумевала буржуазную демократию в европейских странах[1]. Лидер будущей партии «Алаш» А. Букейханов писал, что введение земства поможет грамотному ведению общественных дел[2]. В этом вопросе казахская интеллигенция возлагала большие надежды на Государственную думу, полагая, что через нее сможет добиться открытия земства в казахской степи. Газета «Казах» подробно описывала различные стороны деятельности земских учреждений, доказывая, что от введения земства казахи получат большие выгоды. Стремясь вызвать интерес к земству, эта газета подчеркивала, что земство будет разумно распределять средства, поступающие с населения по земскому сбору, определять назначение этих расходов с учетом нужд и запросов местного населения, что средства будут расходоваться на открытие школ и медресе, на улучшение здравоохранения, борьбу с эпизоотией и другие мероприятия.

Проблема введения земства в крае обострилась после февральских событий 1917 г., которые усилили политическую активность населения бывшей империи и способствовали общей демократизации жизни. Пришедшее к власти Временное правительство фактически заложило новую форму земского самоуправления. Во-первых, был изменен выборный закон, согласно которому все граждане, независимо от имущественного ценза, сословной принадлежности, пола и вероисповедания получали избирательные права. Во-вторых, впервые было введено волостное земство. Правительство рассчитывало, что будет опираться только на земство: в селах и деревнях – на волостное, в уездах – на уездное и в губерниях – на губернское. Поэтому вся полнота власти на местах, в том числе и такие функции, которые всегда принадлежали государству – полицейские, мобилизации и другие, передавалась земским учреждениям. Предусматривалось, что расходы на содержание органов земского самоуправления будет нести местное население [3, с. 76–89, 325].

17 июня 1917 г. Временное правительство утвердило Временное положение о введении земства в Архангельской губернии, Сибири и Степном крае. 1 июля 1917 г. вышел Наказ по выборам земств в Сибири и Степном крае[3]. Однако уже до этого времени на ме-

[1] *Дулатов М.Д.* Земство не нарсе // Дулатұлы М. Шығармалары: Мақалалар мен зерттеулер. 2 т. Алматы: Ғылым, 1997 (на казах. яз.).

[2] *Букейханов А.Н.* Земство и казачьи депутаты // Степной пионер. 1906. № 37. С. 10–13.

[3] Об утверждении Наказа о производстве выборов земских гласных в губернии Архангельской, в Сибири и в областях Акмо-

стах широко обсуждался вопрос о введении земства. Так, с 1 по 9 июня 1917 г. в Семипалатинске проходил Первый свободный областной крестьянский и казачий съезд, на который прибыло 367 делегатов. 5 июня был заслушан доклад о местном самоуправлении, по которому единогласно была принята резолюция, содержавшая следующие пункты: 1) земство в Семипалатинской области следует ввести как можно скорее; 2) основной ячейкой местного народного самоуправления должна быть мелкая земская единица – волостное земство; 3) в состав волости входят все постоянно проживающие здесь граждане, как русские, так и киргизы, и все «инородцы», которые имеют одинаковые права и несут равные земские повинности. Указывались основные источники средств для содержания земств.

К этому времени в Акмолинской и Семипалатинской областях, как и по всей Сибири, власть была сосредоточена в руках новых органов власти – общественных исполнительных комитетов, созданных на коалиционной основе и представлявших местные организации и учреждения. Согласно принятым юридическим актам, исполнительные комитеты губернских и уездных народных собраний преобразовывались во временные земские управы, с возложением на них полномочий по сбору налогов и организации выборов земских собраний [4, с. 383–408, 415–436].

К общественной жизни стали приобщаться самые различные слои казахского общества. Уже 21–28 июля 1917 г. в г. Оренбурге прошел Первый Общеказахский съезд. На нем обсуждался вопрос о введении земства. Съездом было принято постановление, которое содержало следующие пункты: 1) ...немедленно создать земства среди кочующих, как и среди оседлого населения; 2) выборы волостных и уездных гласных должны произойти одновременно; 3) в волостных земских управах должно быть не свыше 5 членов; 4) на русские и казахские съезды должны быть посланы уездными, областными комитетами специальные инструкторы[4]. Казахи с большим интересом относились к выборам в земство и Учредительное собрание[5].

Летом 1917 г. повсеместно стали создаваться комиссии по введению земства при уездных исполнительных комитетах. Типичным примером может служить комиссия по введению земства при Кокчетавском уездном исполкоме, которая 12 сентября 1917 г. проводила уже 16-е заседание. Было решено списки избирателей в волостное земство вывесить 20 сентября в помещениях сельских избирательных комиссий и в городской управе. Комиссия постановила – избирать по одному уездному земскому гласному от 4200 душ, уезд разделить на 12 избирательных округов, 9 русских и 3 казахских. Избирательные округа были поделены на более мелкие единицы для приема бюллетеней с целью «приближения выборов к населению». Русские округа разделились на участки в границах округов по выборам в волостное земство. Казахские округа разбили на участки в границах существующих волостей. На каждом участке с казахским населением организовали четыре пункта для приема бюллетеней. Руководство выборами в русских волостях возложили на сельские избирательные комиссии, в казахских – на окружные и волостные[6].

Проведение уездных земских собраний гласных и создание земских управ началось только в ноябре 1917 – январе 1918 г. Так, с 27 ноября по 3 декабря 1917 г. проходила первая сессия Омского уездного земского собрания, на котором присутствовало 45 гласных из 54, в том числе 14 от казахского населения [5, с. 143–145]. 13 декабря 1917 г. начала свою работу Атбасарская уездная земская управа.

Земская реформа в основном охватила районы с проживанием русского населения. Приступить к созданию земских учреждений в казахских волостях не успели в связи с установлением советской власти.

Большевики, захватив власть в свои руки, начали упразднение и разгон всех только что образованных волостных земских собраний и управ, заменяя их волостными Советами и исполнительными комитетами. Однако, не имея возможности в короткий срок создать новые органы управления и подготовить собственные кадры, новая власть не везде распускала органы местного самоуправления, созданные на основании законодательства Временного правительства. Зачастую она пыталась использовать городские думы и земства. Сохраняя за ними хозяйственные функции, большевики преобразовывали их в советы народного хозяйства или использовали при организации других органов. Более того, работники земства продолжали выполнять свою работу в новых отделах новых учреждений [6, с. 159]. Так, в Кокчетавском уезде волостные земские управы, образованные в январе 1918 г., функционировали до марта 1918 г. «В марте большевики превратили земства в совнархоз... произведя полный разгром в земском хозяйстве. В таком положении они просуществовали до 7 июня», как позднее сообщала уездная управа[7]. В Акмолинском уезде закон 17 июня 1917 г. о введении земских учреждений вообще не удалось реализовать.

На этом, собственно, и закончилась первая стадия работы по введению земства в Степном крае. Все усилия местных общественных деятелей по введению земства были проигнорированы. «Дальше среди населения, как русского, так и киргизского, началась экономическая и политическая разруха и народная жизнь, выбывшись из обычных колей, пошла хаотичным путем. Все нормальные основы человеческого

линской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской от 1 июля 1917 г. См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 1917. 29 июля. Ст. 175.

[4] Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 78. Оп. 2. Д. 4558. Л. 11.

[5] ЦГА РК. Ф. 2300. Оп. 9. Д. 1; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667. Оп. 1. Д. 63. Л. 2–4 об.; Оп. 1. Д. 16. Л. 67–70.

[6] Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 1617. Оп. 1. Д. 126. Л. 40–41.

[7] Там же. Д. 30. Л. 1–8 об.

общежития были нарушены, никакой власти население не признавало, налогов не платило, началось царство произвола и всезможных насилий над личностью и имуществом тех граждан, которые имели гражданское мужество и смелость возвышать свой голос в пользу правопорядка и законности. В таком положении находилось дело вплоть до падения большевистской власти», – докладывала впоследствии Акмолинская уездная земская управа[8].

Об этом периоде Э. Карр писал: «Внешние проявления, связанные с Октябрьской революцией, приводили на окраинах в ужас. Формы, которое движение большевиков приняло в центральных частях России, были им не знакомы, в то время как на окраинах оно сопровождалось повсюду насилием, грабежом, злоупотреблениями и своеобразной диктаторской властью. Короче говоря, движение на окраинах часто представляло собой не революцию (как обычно это понимается), а полнейшую анархию» [7, с. 768].

Советская власть продержалась недолго. В конце мая – начале июня 1918 г. в результате восстания Чехословацкого корпуса в ряде городов Сибири и Степного края власть большевиков была свергнута. 31 мая чехословацко-белогвардейские войска взяли Петропавловск, 2 июня – Кокчетав, 3 июня – Акмолинск, 6 июня был занят Омск, 9 июня – Павлодар, 11 июня – Семипалатинск. К власти, сменяя друг друга, приходили созданные на Востоке России антибольшевистские правительства.

Одним из первых, пришедших к власти, был Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства автономной Сибири, под властью которого находились Акмолинская и Семипалатинская области. В декларации к населению от 1 июня 1918 г. главной задачей местных уполномоченных Западно-Сибирский комиссариат назвал восстановление органов самоуправления, которые и должны были стать представителями высшей государственной власти на местах. Временное Сибирское правительство, пришедшее на смену Западно-Сибирскому комиссариату 30 июня 1918 г., официально не опровергало такого характера взаимоотношений губернских и уездных комиссаров и органов самоуправления [8].

Созданный в это же время в Самаре Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч) тоже вел политику по восстановлению досоветских учреждений, в том числе земства. Отношение к земству не изменилось и после прихода к власти Временного Всероссийского правительства (Уфимской Директории), образованного вследствие вынужденного компромисса различных антибольшевистских сил на Государственном совещании 23 сентября 1918 г. в Уфе. Самый длительный этап в организации и функционировании земских учреждений в Степном крае пришелся на период правления Российского правительства, захватившего власть в результате военного переворота 18 ноября 1918 г.

[8] ГИАОО. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 140. Л. 19.

От приходивших к власти антибольшевистских правительств земства не получали какой-либо значимой помощи, но фактически им была предоставлена определенная свобода действий.

Имелась еще одна политическая сила, сыгравшая немаловажную роль в создании и функционировании органов земского самоуправления в казахских волостях. В декабре 1917 г. в Оренбурге на Втором общеказахском съезде было провозглашено казахское автономное государственное образование под управлением правительства, именовавшегося «Всекиргизский временный народный совет Алаш-Орда». Правительство Алашской автономии распространило свою власть на территорию Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской и других областей, где проживало казахское население. После утверждения советской власти Алаш-Орда вынуждена была пойти на контакт с советским правительством, чтобы добиться от СНК РСФСР признания созданной автономии Алаш. После безуспешных попыток Алаш-Орда перешла в антисоветский лагерь.

После свержения советской власти лидеры Алаш-Орды вступили в союзные отношения с антибольшевистскими силами России. Так, Алаш-Орда предложила Временному Сибирскому правительству проект соглашения, согласно которому оно должно было признать национально-территориальную автономию Алаш. Комиссия Сибирского правительства сняла с обсуждения пункт о взаимном признании, но зато с небольшой редакцией одобрила предложения о порядке управления и деятельности органов Алаш-Орды. Проект соглашения не был утвержден, но фактически он признавался [8, с. 233–234]. Кроме того, совещание представителей Комуча и Сибирского правительства, состоявшееся 26 августа 1918 г., признало полномочия областных и национальных правительств, среди них называлась и Алаш-Орда[9].

Алаш-ордынцы активно подключились к работе по созданию земских учреждений в крае. Одновременно они создавали областные, уездные советы и казахские комитеты Алаш-Орды, созывали казахские съезды.

Таким образом, после антибольшевистского переворота одной из важнейших задач новых органов власти стало восстановление распущенных Советами городских дум и земских управ. Во многих местах городские и земские управы возобновили деятельность в первые же дни после падения советской власти. Часто органы местного самоуправления оказывались единственной властью на освобожденных территориях. Во многих уездах временное управление в городе и уезде переходило к объединенному собранию выборных представителей станицы и гласных городской думы. Собранием избирался Временный исполнительный комитет по управлению городом и станицей, который и принимал на себя обязанности по организации власти в уезде.

[9] Вестник Комитета членов Учредительного собрания. 1918. 24, 26 авг.

В Акмолинске 3 июня 1918 г. был избран Временный исполком. Уже 4 июня комитет разослал по всем волостям воззвание к населению о переизбрании волостных земских управ и об избрании двух представителей от русских и одного представителя от казахских волостей для участия на уездном съезде, созываемом для организации уездной власти. Уездный съезд был назначен на 6 июня старого стиля, к этой дате в г. Акмолинске собралось 105 делегатов от всех русских волостей, а также от ближайших к городу казахских волостей. На съезде было избрано 12 делегатов в областное земское собрание. Приняв во внимание то, что выборы земских гласных в 1917 г. в Акмолинском уезде прошли не везде, а также то, что «таковые производились под давлением большевистской пропаганды», съезд на заседании 7 июня 1918 г. постановил: «Происходившие в 1917 году выбора уездных земских гласных признать анулированными и в текущем 1918 году произвести новые выборы. Настоящий же съезд представителей от русских и киргизского населения, избранных на основе равного и всеобщего голосования, считать заменяющим уездные земские собрания, присвоившим все права и функции таковой»[10]. По вопросу об исполнительном органе уездной власти съезд постановил образовать Акмолинскую уездную временную земскую управу, в состав которой на правах членов управы вошли 4 представителя от русских волостей, 4 – от киргизских, 4 – от городских, 4 – от станицы и 1 – от Спасских заводов, всего 17 чел. На организованную таким порядком уездную земскую управу было возложено дальнейшее проведение мероприятий по устроению земской жизни среди населения Акмолинского уезда[11].

Съезд, проходившийв Атабасаре с 5 по 9 июня 1918 г., представлял собой земское собрание. На съезд явилось 84 делегата от уезда и станицы. Съезд решил провести новые выборы уездных земских гласных из числа съехавшихся на съезд делегатов, с расчетом выбрать одного уездного гласного от 3000 чел. Участники съезда высказали пожелание о немедленном присоединении казахов к общей земской работе и «не разделении на казаков, крестьян и киргиз»[12].

Во многих уездах Степного края уже в июне удалось провести земские собрания. Из-за отсутствия достаточного количества гласных они зачастую назывались чрезвычайными. Так, 27 июня 1918 г. в г. Петропавловске проходило уже Второе чрезвычайное уездное земское собрание[13]. В Усть-Каменогорском уезде заседание 2-го чрезвычайного земского собрания состоялось только 22 декабря 1918 г.[14].

На протяжении лета 1918 г. большая часть функционировавших до установления советской власти органов местного самоуправления возобновила свою деятельность. 17 июля Семипалатинская областная земская управа уведомляла о том, что она приступила к приему от различных учреждений подлежащих ее ведению дел и к исполнению своих обязанностей[15]. О начале своей деятельности 20 июля сообщила в областную управу Семипалатинская уездная управа[16]. Началась работа по созданию новых земств. Выборы земства осложнялись тем, что население самовольно образовывало новые волости до проведения самих выборов, а количество гласных от волостей уже было определено по прежнему административному делению. Это нарушало пропорциональное представительство гласных. Кроме того, выборы земских управ происходили с отступлением от закона 1917 г., так как во всех русских волостях они были избраны не земскими собраниями, а волостными сходами. Все эти временные органы самоуправления предполагалось заменить земскими управами на предстоящих выборах, которые должны были пройти в течение января и февраля 1919 г.[17].

Там, где проживало казахское население, продолжали функционировать волостные комитеты, избранные еще на сходах в 1917–1918 гг. В основном их возглавляли бывшие волостные управители, а в отдельных аулах – аульные старшины. Так, в 11 отдаленных Баганалинских волостях Атбасарского уезда председателем комитета этих волостей был Касен Каскымбаев, бывший волостной управитель, которого называли эмиром или ханом. Докладывали, что Каскымбаев – боролся с большевизмом, следил за порядком и искоренял конокрадство. У него на службе состояло около 3 тыс. вооруженных джигитов. Сообщали также, что отряды Каскымбаева останавливали на дорогах людей, едущих с товаром и накладывали на них контрибуцию на содержание своих отрядов[18].

Создание земств в казахских волостях происходило с большим трудом. В Акмолинской области относительно благополучным выглядел Кокчетавский уезд. В уезде было выделено три казахских избирательных округа, назначены председатели окружных комиссий. Каждый округ мог избрать 18 земских гласных[19]. В новом и уже законном составе в феврале 1919 г. состоялось очередное Кокчетавское уездное земское собрание, избравшее постоянную управу[20]. В уездной управе, которая состояла из председателя и 4 членов, казахские волости представляли: медицинский фельдшер Еркосай Мукучев и волостной писарь Мухамет-Галий-Абулгазы Абулгазин. Они оба были членами партии Алаш[21].

В соседнем Атбасарском уезде положение было куда хуже. Председатель Атбасарской уездной земской управы полагал, что казахское население «принять активное участия в земской управе едва ли сможет, в особенности в зимнее время, ввиду разбросанности его

[10] ГИАОО. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 140. Л. 19.

[11] Там же. Л. 19.

[12] Там же. Д. 133. Л. 19–24.

[13] Там же. Д. 134. Л. 16–22 об.

[14] Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО). Ф. 37. Оп. 1. Д. 94. Л. 4–4 об., 5.

[15] ЦДНИ ВКО. Ф. 37.Оп. 1. Д. 6. Л. 67.

[16] Там же. Д. 126. Л. 22.

[17] ГИАОО. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 140. Л. 19.

[18] Там же. Л. 25–26 об.

[19] Там же. Д. 126. Л. 39.

[20] Там же. Д. 140. Л. 65.

[21] Там же. Л. 9 об.

на сотни и тысячи верст и отсутствию средств и путей сообщения»[22]. Кроме того, председатель управы указывал на тяжелое экономическое положение уезда. Зима 1918/19 г. действительно выдалась очень суровой. «...У киргизского населения, вследствие последних метелей, а затем гололедицы, в пяти волостях явилась бескормица и связанный с ней падеж скота, так называемый „джут". Вообще состояние уезда во всех отношениях нельзя назвать благополучным»[23], – докладывали из Атбасарской управы. В результате выборы провести не удалось. Не состоявшиеся зимой выборы гласных не начались и весной. 25 мая 1919 г. председатель Атбасарской уездной земской управы Г.В. Яценко сообщал управляющему Акмолинской областью о том, что выборы гласных в земство как русского, так и казахского населения приостановились[24].

В Акмолинском уезде проведение выборов гласных в казахских волостях было назначено на 2 февраля, а уездных гласных – на 9 февраля 1918 г. Однако выборы уездных гласных прошли лишь в отдельных волостях, а выборы волостных гласных вообще не состоялись, за исключением одной Еркесайской волости[25].

О тяжелом положении казахского населения «ввиду большой убыли скота, вследствие буранов и бескормицы» доносили и из Семипалатинской области[26]. Возвратившиеся из разных мест инструкторы сообщали, что проведение выборов в означенных волостях не представляется возможным, причем не только вследствие суровой зимы, но главным образом «вследствие бездеятельности существующих ныне в киргизских волостях так называемых волостных комитетов, которые совершенно не принимают никаких мер к ознакомлению населения с сущностью земского самоуправления и проведению такового в жизнь»[27].

Из Петропавловского уезда информировали еще об одной проблеме: за годы советской власти многие волости разделились таким образом, что образовалась чересполосица. Этот факт, а также кочевой образ жизни казахского населения сильно затрудняли работу волостных избирательных комиссий. В конце мая 1919 г. из 23 казахских волостей выборы были проведены только в 7[28].

Об отношении казахского населения к земству поступала самая противоречивая информация. Из Семипалатинской области доносили, что в сентябре 1918 г. сход казахов Черно-Иртышской волости Зайсанского уезда вынес решение «без замедления внести денег по сметам уездной земской управы»[29]. Позже из этой же волости сообщали, что «отношение населения к земству хладнокровно, так как земство для населения никакую пользу не принесло»[30]. Из Акмолинской области председатель Атбасарской уездной земской управы сообщал: «Казахская интеллигенция относится к земству сочувственно, но ее слишком мало, а про все остальное киргизское население положительно сказать что-либо трудно»[31]. Управляющий Петропавловским уездом докладывал в своем рапорте: «...Киргизы вводить волостное земство не желают»[32]. Причину неблагожелательного отношения казахского населения к земским управам он видел в существовании в уезде совета Алаш-Орды.

Касательно последнего обстоятельства следует отметить, что изначально предполагалось тесное сотрудничество советов Алаш-Орды с земствами, без вмешательства в компетенцию земских управ. Однако, как отмечает Д.А. Аманжолова, «при всей привлекательности замысла эта система затрудняла решение повседневных административных и хозяйственных задач, так как создавала своеобразное двоевластие, к тому же дополнявшееся энергичным вмешательством в местные дела эмиссаров «центральных» властей – Сибирского Временного правительства и Комуча» [9, с. 228]. Показательной в этом плане является следующая ситуация. 3 июля 1918 г на заседании Акмолинской уездной управы выступил Т.Б. Нуралин, прибывший из Омска для организации в уезде комитета Алаш-Орды. При обсуждении постановления уездного казахского комитета от 26 июня о передаче делопроизводства казахской секции бывшего Совдепа комитету он указал, что задача комитета – «исключительно заведование чисто национальными делами и проведение в жизнь культурно-просветительных дел». Управа решила не препятствовать созданию комитета или совета Алаш-Орды. Она рассматривала его не как особый орган казахской власти, а как организацию, преследующую «цели защиты киргизских национальных и культурно-просветительных идей». Дела казахской секции Совдепа ему не были переданы, так как при управе создавался особый отдел «для заведования киргизскими делами» [9, с. 210].

Развернулась острая борьба за самостоятельность совета Алаш-Орды. Совет решил передать в распоряжение Алаш-Орды все налоги и подати, минуя земство. Обеспокоенный такими действиями алаш-ордынцев, уездный комиссар Грибанов просил на этот счет указаний от областного комиссара. В результате председатель Акмолинского уездного совета Алаш-Орды Д. Избасаров был арестован на три месяца «за непризнание Временного Сибирского правительства»[33]. Такие конфликты возникали из-за того, что функции земства и советов Алаш-Орды не были четко разграничены. Об этом же в сентябре 1918 г. министр тузем-

[22] ГИАОО. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 140. Л. 19.Л. 27–27 об.

[23] Там же. Д. 25. Л. 6–6 об., 7.

[24] Там же. Д. 140. Л. 67.

[25] ЦГА РК. Ф. 2300. Оп. 9. Д. 4; ГАРФ. Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 12. Л. 37, 38 об.

[26] ЦДНИ ВКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 178. Л. 61–62 об.

[27] ЦГА РК. Ф. 2300. Оп. 9. Д. 4; ГАРФ. Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 12. Л. 37, 38 об.

[28] ГИАОО. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 140. Л. 62.

[29] ЦДНИ ВКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 96. Л. 20–21.

[30] Так же. Л. 24–25.

[31] ГИАОО. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 140. Л. 27–27 об.

[32] Там же. Д . 25. Л. 13.

[33] ЦГА РК. Ф. 2300. Оп. 9. Д. 4; ГАРФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 6 а. Л. 45.

ных дел Временного Сибирского правительства писал в МВД: «Облсовет Алаш-Орды имеет отчасти функции земских самоуправлений в отношении культурно-просветительской деятельности»[34]. Создавшееся такого рода двоевластие затрудняло налаживание работы земских учреждений.

В Семипалатинской области была схожая ситуация. На февральском совещании 1919 г. управляющий Каркаралинским уездом С.А. Акаев заявил, что причина слабого поступления сборов с казахского населения, в значительной мере должна быть отнесена за счет деятельности Алаш-Орды, так как казахскому населению, в сущности, приходится платить повинности за 1917 г. вторично. В связи с этим совещание высказало пожелание, чтобы «вторжениям киргизской организации Алаш-Орды в область государственного управления, выразившимся в сборе с населения государственных повинностей, был положен предел»[35].

Органы местного самоуправления постоянно находились на грани банкротства. С первых же дней на повестку дня собранию гласных, земские управы регулярно ставили вопрос об изыскании средств на ее существование. Так, в Атбасарском уезде 5 июня 1918 г., т.е. сразу же после восстановления земства, собрание гласных постановило одобрить и принять программу самообложения. Управой по всему уезду были разосланы циркулярные распоряжения в надежде хотя бы отчасти собрать необходимое количество денежных средств и тем самым поддержать существование земства. Но все эти мероприятия не принесли существенной пользы. 17 сентября 1918 г. Атбасарской уездной управой было объявлено, что средств в земстве нет, и управа не может в дальнейшем существовать. Для взыскания налогов принудительными мерами не было достаточного штата милиции. Кроме того, как докладывали, она не вооружена, не имеет надлежащей ей формы и «вызывает у населения только насмешки»[36].

17 октября 1918 г. было принято постановление о том, чтобы для изыскания средств как к временной мере «прибегнуть к косвенному обложению населения Атбасарского уезда на мануфактуру по 10 %»[37]. 14 марта 1919 г. провели сокращение штата управы[38]. В конце мая 1919 г. Атбасарская земская управа была почти ликвидирована, из восьми членов управы осталось только два, один делопроизводитель, один регистратор и мальчик – рассыльный. Земская гоньба была прекращена с 13 апреля[39].

Трудности по сбору земских податей управы связывали и с последствиями периода большевистского правления. «Самым главным наследием большевисткой политики является нежелание населения платить земские сборы. После того как население привыкло смотреть, что все расходы по содержанию каких-либо учреждений и организаций могут покрываться из собранных контрибуций с состоятельного класса, взыскание земских сборов показалось слишком странным, якобы являющимся предзнаменованием осуществления старых дореволюционных порядков», – докладывали в Омск[40]. В Семипалатинской области отмечали утрату или, во всяком случае, ослабление у населения «психики повиновения»[41].

Вопрос о принудительных мерах взыскания недоимок решался примерно таким образом, как в Павлодарском уезде. Когда 25 января 1919 г. на специальном совещании управляющий Г. Серебрянский попросил принять меры к понуждению населения платить налоги, поступило предложение – командировать карательные отряды, но выяснилось, что в распоряжении управляющего уездом не имеется средств, из которых могли быть уплачены суточные солдатам. Податной инспектор предложил послать в таком случае милиционеров. Однако начальник уездной милиции заявил, что милиционеры в настоящее время почти не вооружены и совершенно не имеется конной милиции. В конечном итоге совещание постановило просить начальника гарнизона выдать, хотя бы во временное пользование, необходимое для вооружения милиции оружие и боевые припасы. Кроме того, было решено, что если эти меры к побуждению населения к уплате причитающийся с него недоимки казенных и земских сборов не будут иметь успеха, то командировать карательные отряды. Необходимые же при этом расходы должны были производиться за счет тех селений, которые отказывались платить налоги[42].

Начавшаяся повсеместно работа по восстановлению земских учреждений крайне затруднялась из-за отсутствия «культурных работников»[43]. В докладах с мест жаловались: «В земстве нет интеллигентных людей. Лица, исполняющие какие-либо обязанности в земстве, с делом не знакомы»[44]; «в большинстве волостных управ секретари не только неопытные, но есть и малограмотные...»[45]. Все эти причины тормозили налаживание работы уездных и волостных земств. Факты, имевшие локальное значение, характеризуют общее положение земских управ в крае.

Летом 1919 г. ситуация на фронтах Гражданской войны развивалась явно не в пользу белых. Постепенно произошел перелом. Началось наступление Красной армии. В ноябре – декабре 1919 г. территория Акмолинской и Семипалатинской областей была освобождена от белогвардейских войск. Но в конце 1919 г. советская власть проводила уже не такую политику, как два года назад. Большевики, пришедшие к власти в ноябре – декабре 1917 г., подвергли гонениям служащих органов земского самоуправления, но аппарат

[34] ЦГА РК. Ф. 2300. Оп. 9. Д. 4; ГАРФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 6 а. Л. 84.

[35] ЦДНИ ВКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 178. 69–69 об.

[36] ГИАОО. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 133. Л. 1–1 об.

[37] Там же. Л. 51.

[38] Там же. Д. 25. Л. 6–6 об.

[39] Там же. Д. 140. Л. 67.

[40] Там же. Л. 62.

[41] ЦДНИ ВКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 178. Л. 68–68 об.

[42] Там же. Л. 61–62 об.

[43] ГИАОО. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 140. Л. 25–27 об.

[44] Там же. Д. 30. Л. 1–8 об.

[45] Там же. Д. 125. Л. 31.

земских управ использовали, передав их соответствующим подразделениям исполнительных комитетов Советов. Теперь продвигавшаяся на восток через области Степного края 59-я дивизия 5-й армии под командованием М.Н. Тухачевского по пути своего следования полностью ликвидировала земские учреждения. Повсеместно создавались уездные революционные комитеты, осуществлявшие на местах военно-гражданское управление. Волостные ревкомы, организованные проходящими частями Красной армии, нередко возникали раньше, чем возникал уездный ревком[46]. С момента своего создания ревкомы работали в тесном контакте с военными организациями, что позволило им за короткий срок провести советизацию уездов. В какой бы ни было форме сохранить созданные с таким трудом органы земского самоуправления не представлялось возможным.

Местное самоуправление в Степном крае в лице земства просуществовало неполных три года. Участие различных слоев казахского общества в выборах и их представительство в земских учреждениях было большим достижением в развитии их политических прав. Появление в крае земств впервые создавало для коренного населения возможности самостоятельно решать вопросы своей повседневной жизни. Но за такой короткий период оно не успело осознать преимущества земского самоуправления.

Кочевой образ жизни казахов, отсутствие средств и путей сообщения создавали сложности при организации земских учреждений в их волостях. Неблагоприятные погодные условия, гололедица, падеж скота, ухудшившие и без того тяжелое экономическое положение кочевого населения, во многих волостях сорвали выборы в земство, запланированные на зиму 1919 г. Сохранявшиеся в казахских волостях исполнительные комитеты, которые возглавляли бывшие волостные управители или аульные старшины, не были заинтересованы в образовании земских органов и не способствовали реализации земской реформы. Серьезным препятствием в работе созданных земских учреждений явился недостаток финансовых средств.

Противоречивая позиция по отношению к земству, сложившаяся у сторонников Алаш-Орды, создавала дополнительные сложности по налаживанию работы этих органов. С одной стороны, лидеры национального движения всецело поддерживали внедрение самоуправления в крае, вели большую разъяснительную работу среди казахского населения, успешно продвигая земскую идею. Во многих казахских волостях алаш-ордынцы сами организовывали и возглавляли земства. Вместе с тем в областях и уездах края они создавали советы и казахские комитеты Алаш-Орды, которые дублировали функции земских управ и приводили к образованию двоевластия на местах. Это серьезно ослабляло земскую работу.

Сложную ситуацию, в которой создавались органы земского самоуправления в крае, усугублял еще тот факт, что этот процесс проходил на фоне периодической смены власти антибольшевистских правительств и Советов. Это ограничивало возможности земского самоуправления. Исход Гражданской войны не дал возможности завершиться земскому строительству в крае. Окончательно установившаяся советская власть полностью ликвидировала земство.

[46] ГИАОО.Ф. Р-1. Оп.1. Д. 247. Л. 21.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зиманов С.* Казахский суд биев – общекультурологическая ценность. Алматы: Арыс, 2009. 408 с.

2. *Жиренчин К.А.* Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков. Алматы: Жетіжарғы, 1996. 352 с.

3. *Каргалов В.И.* Земства России с февраля 1917 г. до завершения их деятельности, февраль 1917 г. – июль 1918 г.: дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2000. 141 с.

4. Журналы заседаний Временного правительства: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 2. Май–июнь 1917 г. 512 с.

5. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / сост. Т.В. Якимова, Э.И. Черняк. Томск: Том. гос. ун-т, 1992. 207 с.

6. Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти (март 1917 май 1918 г.): док. и материалы. Омск, 1958. 277 с.

7. *Карр Э.* История Советской России. М.: Прогресс, 1990. Кн. 1, т. 1–2: Большевистская революция. 1917–1923. 768 с.

8. *Рынков В.М.* Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 – конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012. С. 125–158.

9. *Аманжолова Д.* На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009. 411 с.

REFERENCES

1. *Zimanov S.* Kazakh Bij court is a common culturological value. Almaty: Arys, 2009, 408 p. (In Russ.)

2. *Zhirenchin K.A.* Political development of Kazakhstan in the XIX – early XX centuries. Almaty: Zhetízharġy, 1996, 352 p. (In Russ.)

3. *Kargalov V.I.* Russian zemstvos from February 1917 till the end of their work, February 1917 – July 1918: candidate dissertation. Orenburg, 2000, 141 p. (In Russ.)

4. Journals of the Provisional Government meetings: in 4 vols. Moscow: ROSSPEN, 2002, vol. 2. May–June 1917, 512 p. (In Russ.)

5. Sessions, conferences and meetings of social-class, political, religious, national organizations in Akmola region (March 1917 – November 1918). Eds. T.V. Yakimova, E.I. Chernyak. Tomsk: Tomskiy gosuniversitet, 1992, 207 p. (In Russ.)

6. Omsk Bolsheviks during the October revolution and consolidation of Soviet power (March 1917 – May 1918): documents and materials. Omsk, 1958, 277 p. (In Russ.)

7. *Karr E.* The history of Soviet Russia. Moscow: Progress, 1990, bk. 1, vol. 1–2: Bolshevik Revolution. 1917–1923, 768 p. (In Russ.)

8. *Rynkov V.M.* Local government bodies in Antibolshevik camp at the Russian East (mid-1918 – late 1922). *Politicheskie sistemy i rezhimy na vostoke Rossii v period revolyutsii i grazhdanskoi voiny.* Novosibirsk, 2012, pp. 125–158. (In Russ.)

9. *Amanzholova D.* At breaking off. *Alash in the ethnic-political history of Kazakhstan.* Almaty, 2009, 411 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 01.02.2018

DOI: 10.15372/HSS20180103
УДК 94 (470) ″1919″

Д. Г. СИМОНОВ

К ИСТОРИИ 12-Й СИБИРСКОЙ (ТОМСКОЙ) СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА (1919 г.)*

Институт истории СО РАН,
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассмотрены организационная структура, численность, особенности комплектования личным составом и боевая деятельность 12-й Сибирской стрелковой дивизии. Дивизия формировалась с марта 1919 г. в Томске как часть стратегического резерва вооруженных сил адмирала А.В. Колчака и выступила на фронт в июне необученной и слабовооруженной. Как следствие – приступив к проведению военных операций, дивизия продемонстрировала небоеспособность и была расформирована. Провал планов высшего военного командования по формированию в тылу резервов для фронта был обусловлен несогласованностью организационных мероприятий Ставки Верховного главнокомандующего и Военного министерства Российского правительства, отсутствием в распоряжении военных властей достаточных материально-технических ресурсов для формирования боеспособной армии.

Ключевые слова: Гражданская война, Сибирь, армия Колчака, дивизия, полк.

D.G. SIMONOV

ON THE HISTORY OF THE 12TH SIBERIAN (TOMSK) RIFLE DIVISION OF ADMIRAL A.V. KOLCHAK'S ARMED FORCES (1919)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article considers the organization structure, strength, specifics of recruitment and military activities of the 12th Siberian rifle division formed in March 1919 in Tomsk as a part of the strategic reserve of Admiral Kolchak armed forces. Military draft of the new recruits born in 1900–1901 was implemented to staff the newly formed divisions in the rear. Calls-up were timed by delivering uniforms and weapons from England and the United States, that were absent at the military authorities' disposal.

A successful offensive of Kolchak armed forces in March-April 1919 caused complacent confidence in speedy victory over the Bolsheviks in high command, which eased tension on the issue of reserves preparation for the current army. However, in May the situation at the front changed dramatically in favor of the Red Army. In order to regain the strategic initiative, the Supreme Commander-in-Chief became actively moving to the war theatre military units, which were in the rear.

At the time of sending to the front the majority of the 12th Siberian rifle division soldiers – 18-year-old recruits – had been in formations for no more than three- four weeks. They had not had time to get a training course of a "young soldier", had not worked out the interaction of units within a squadron, a battalion, a regiment, as well as a division. It was the disorganized community of village guys, non-adapted to the military service conditions. As a consequence, the division was unfit for military actions and disbanded.

The failure of the military high command plans to form the front reserves in the rear was due to the lack of coordination in organizational arrangement of the Supreme Commander Headquarters and the Military Ministry of the Russian Government, the absence of adequate material-technical resources to form the battle worthy army.

Key words: Civil War, Siberia, Kolchak Army, division, regiment.

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-81-01023 «Гражданская война в Сибири в антропологическом, институциональном и геополитическом измерениях».

Дмитрий Геннадьевич Симонов – канд. ист. наук, заместитель директора, Институт истории СО РАН, e-mail: simonov_dg@mail.ru.
Dmitry G. Simonov – Candidate of Historical Sciences, Deputy Director, Institute of History SB RAS.

© Симонов Д. Г., 2018

История антибольшевистских вооруженных сил на востоке России, в том числе конкретных войсковых объединений и соединений, является одним из приоритетных направлений в современной историографии Гражданской войны в России. В этой связи представляет интерес 12-я Сибирская стрелковая дивизия, формировавшаяся как часть стратегического резерва вооруженных сил адмирала А.В. Колчака. Через рассмотрение истории этой дивизии представляется возможным более предметно осветить вопрос о причинах поражения антибольшевистских вооруженных сил на Восточном фронте летом – осенью 1919 г.

Инфраструктура будущей 12-й Сибирской стрелковой дивизии начала складываться летом–осенью 1918 г. В июле с целью подготовки укомплектований для I Средне-Сибирского корпуса Сибирской армии была образована Средне-Сибирская кадровая бригада в составе восьми стрелковых полков, артиллерийского дивизиона и двух инженерных рот под командованием подполковника П.И. Иванова[1]. Бригада должна была принять, подготовить и отправить в действующие на фронте части корпуса новобранцев 1898–1899 гг. рождения, призванных в войска на основании указа Временного Сибирского правительства от 31 июля 1918 г. В октябре 1918 г. эта бригада была переформирована в две кадровые дивизии – 1-ю и 2-ю. В состав 2-я кадровой дивизии вошли 5-й Томский, 6-й Мариинский, 7-й Кузнецкий и 8-й Бийский кадровые полки. Начальником дивизии был назначен подполковник П.И. Иванов [1, с. 219–223]. 5 марта 1919 г. приказом по Омскому военному округу дивизия была переименована во 2-ю кадровую дивизию Омского военного округа[2]. К этому времени весь переменный состав дивизии был маршевыми ротами отправлен на фронт, а в ее частях остался немногочисленный постоянный состав.

В преддверии весеннего наступления колчаковских армий Военное министерство Российского правительство разработало план формирования на территории Омского и Иркутского военных округов пяти стрелковых дивизий, которые должны были составить резерв для действующих на фронте войск [2, с. 56]. Однако нерасторопность военного министерства привела к тому, что формирование этих дивизий запоздало на два-три месяца. Лишь 18 марта 1919 г.[3] вышел в свет приказ адмирала Колчака о формировании этих дивизий: трех (11-й, 12-й и 13-й) – на территории Омского военного округа и двух (8-й и 14-й) – на территории Иркутского военного округа. Каждая из дивизий должна была иметь в своем составе по четыре стрелковых полка, а также по одному егерскому батальону, артиллерийскому и инженерному дивизиону[4].

Двенадцатая Сибирская стрелковая дивизия со штабом в г. Томске формировалась из частей 2-й кадровой дивизии Омского военного округа, а 45-й Сибирский стрелковый полк создавался на базе 5-го Томского кадрового полка (г. Томск), 46-й полк – на базе 6-го Мариинского кадрового полка (г. Мариинск, Томск), 47-й полк – на базе 7-го Кузнецкого кадрового полка, 48-й полк – на базе бывшего 38-го Красногорского стрелкового полка, егерский батальон дивизии – на базе офицерской роты и летучего отряда I Средне–Сибирского корпуса, 12-й Сибирский стрелковый артдивизион – на базе Томского кадрового артдивизиона, 12-й Сибирский инженерный дивизион – на базе 1-й и 2-й

[1] Иванов Павел Иванович (1873 – ?), подполковник старой армии. Окончил военно-училищные курсы Московского пехотного юнкерского училища. Служил в 51-м пехотном Литовском, 8-м пехотном Сибирском резервном Томском, 42-м и 54-м Сибирских стрелковых полках. В белой армии: с 2 июня 1918 г. – командир 1-го Томского Сибирского стрелкового полка; с июля 1918 г. – начальник Средне-Сибирской запасной (кадровой) бригады. С 5 по 26 сентября 1918 г. – уполномоченный командира корпуса по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Томской губернии. С 31 октября – начальник 2-й кадровой дивизии I Средне-Сибирского армейского корпуса. За боевые отличия приказом по Сибирской армии от 31 октября 1918 г. произведен в полковники со старшинством с 30 мая 1918 г. С 3 декабря 1918 г. по 16 января 1919 г. – и. д. главного начальника округа I Средне-Сибирского корпуса. С 19 марта 1919 г. – помощник начальника 12-й Сибирской стрелковой дивизии. «За отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны» приказом адмирала А.В. Колчака от 20 апреля 1919 г. награжден орденом Св. Владимира III ст. С 10 июня 1919 г. командовал 2-й сводной дивизией Омского военного округа, одновременно с 14 июня исполнял обязанности начальника Томского гарнизона и уполномоченного командующего войсками Омского военного округа по Томскому району. С 12 ноября 1919 г. – командир 1-й отдельной Омской стрелковой бригады. Сдался в плен красным; в начале 1920 г. состоял на учете в Красноярском уездном военном комиссариате.

[2] *Путеводитель* по фондам белой армии / Рос. гос. воен. архив; сост. Н.Д. Егоров, Н. В. Пульченко, Л. М. Чижова. М.: Рус. Библиогр. о-во; издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 154.

[3] Соответствующий приказ войскам Омского военного округа был подписан 23 марта 1919 г.

[4] Приказом по военному ведомству от 30 апреля 1919 г. вновь формируемым частям была присвоена походная форма одежды общеармейского образца со следующими отличиями. Для солдат: погоны шириной 6,5 см из темно-зеленого сукна с белым кантом; шифровка номера части у стрелков, егерей и штабных работников – белого цвета, в артиллерии – красного, в инженерных и технических войсках – желтого, с отличительными значками соответственно родам войск, располагались они выше номера части; у унтер-офицеров на погонах – поперечные нашивки из темно–желтой тесьмы в 3/4 см, у фельдфебелей – из желтого галуна; обшлага – у рядовых без отличий, у унтер-офицеров и фельдфебелей – обшитые темно-желтой тесьмой шириной 1 см; фуражка – защитного цвета. Для офицеров: погоны солдатского образца с серебряным галуном шириной 0,5 см, нашитым у генералов зигзагообразно, у штаб- и обер-офицеров – вдоль погона (два или один просвета) с соответствующим чину количеству звездочек; шифровка номера части и отличительные по родам войск значки – накладные из белого металла, у артиллеристов – золоченые; петлицы в строевых частях – из темно-зеленого сукна с белыми кантами, в егерских частях – из темно–зеленого сукна без канта, в артиллерии, инженерных и технических частях – из черного бархата с красными кантами, в штабах – из красного сукна с белыми кантами; у генералов и штаб-офицеров – петлицы с металлическими пуговицами, золочеными – в артиллерийских частях и посеребренными – во всех остальных; обшлага – обшитые темно–зеленой тесьмой с белыми краями: у генералов – шириной 2,5 см, у штаб-офицеров – 2 см, в два ряда, у обер-офицеров той же ширины, но в один ряд; цвет и окантовка околыша фуражки – такие же, как и у петлиц, тулья – защитного цвета (Русская армия. 1919. 7 мая).

кадровых инженерных рот I Средне–Сибирского корпуса (все части в Томске)[5]. Части, предназначенные для формирования дивизии, располагались в Томске, за исключением 48-го Сибирского стрелкового полка, находившегося в Новониколаевске. Этот полк 11 апреля передислоцировался в Томск в составе 48 офицеров, шести чиновников, одного врача, одного священника и 308 солдат[6].

Приказом А. В. Колчака от 19 марта начальником дивизии был назначен генерал Я.Т. Сергеев[7], ранее командовавший 1-й бригадой, действовавшей на фронте 8-й Камской стрелковой дивизии. По прибытии к новому месту службы, 1 апреля 1919 г., он вступил в должность начальника 12-й Сибирской стрелковой дивизии и одновременно – начальника гарнизона города Томска и уполномоченного командующего войсками Омского военного округа по поддержанию государственного порядка в Томском, Мариинском и Щегловском уездах Томской губернии[8].

Возглавлявший бывшую 2-ю кадровую дивизию полковник П.И. Иванов и начальник его штаба гвардии капитан Е.Н. Сумароков заняли соответственно должности помощника начальника и начальника штаба 12-й Сибирской стрелковой дивизии. Командирами полков, вошедших в состав 12-й Сибирской стрелковой дивизии, были назначены следующие офицеры: 45-м – полковник Григорьев, 46-м – подполковник М.Г. Молотков, 47-м – подполковник Г.К. Парницке, 48-м – полковник В.И. Поляков[9].

Формирование егерского батальона дивизии первоначально было возложено на командира бывшей офицерской роты при штабе 2-й кадровой дивизии – капитана М.Ф. Остапова, а 5 апреля командование батальоном принял капитан Н.П. Кукуранов. Первоначально батальон должен был выполнять функции учебно-инструкторской школы для подготовки офицеров и унтер-офицеров, направлявшихся в части дивизии. В состав батальона влилась 9 апреля прибывшая из Владивостока 3-я рота Учебно-инструкторской школы на о. Русском в составе 73 офицеров. Согласно приказу по дивизии предписывалось оставить в стрелковых полках по 40 офицеров, а остальных с 10 апреля передать в егерский батальон.

Во главе 12-го Сибирского инженерного дивизиона был поставлен командир бывшей 1-й кадровой инженерной роты – капитан Е.А. Алексеев, а 12-й Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион возглавил командир бывшего 1-го Томского кадрового артиллерийского дивизиона, полковник А.С. Бибиков, его помощником был назначен подполковник Н.В. Потулов. В состав дивизиона вошли три легкие батареи – 1-я (поручик Циммерман), 2-я (поручик Хитров) и 3-я (поручик Кавказов) и одна гаубичная (подполковник Прозоровский)[10].

Для укомплектования вновь формируемых частей личным составом в Сибири был организован призыв на военную службу нескольких категорий мужского населения. Согласно постановлениям Совета министров Российского правительства от 4 марта и 3 апреля в войска была призвана интеллигенция (лица с образовательным цензом, не занимавшиеся физическим трудом) в возрасте от 18 до 35 лет, постановлениями от 8 апреля – молодые люди, родившиеся в 1897–1900 гг., а также в январе, феврале и марте 1901 г. Первым днем мобилизации для лиц, родившихся в 1900 г. и в январе, феврале и марте 1901 г., назначалось 5 мая, для родившихся в 1898 и 1899 гг. – 25 мая, в 1897 г. – 2 июня 1919 г.[11]. Указанные призывы были по срокам приурочены ко времени поставок из Англии и США обмундирования и вооружения, каковые отсутствовали в распоряжении военного ведомства.

К концу мая полки 12-й дивизии, за исключением 48-го полка, были укомплектованы до штатного состава, но при этом из-за нехватки винтовок около трети их личного состава числились невооруженными (см. таблицу). Дивизия, как и все формировавшиеся в тылу резервные соединения, была прекрасно обмундирована. Еще 16 апреля начальник дивизии приказал всем командирам частей одеть наличный состав в полученное английское обмундирование. Находившееся у солдат русское обмундирование предлагалось оставить у них же как рабочий комплект[12].

Успешное наступление вооруженных сил Колчака в марте–апреле 1919 г. вызвало в высшем командовании благодушную уверенность в скорой победе над большевиками, что в свою очередь привело к снятию напряженности в решении вопроса подготовки резервов для действующей армии. Однако в течение мая положение на фронте начало резко меняться в пользу Красной армии. Чтобы вернуть утраченную стратегическую инициативу, Ставка Верховного главнокоман-

---

[5] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 176. Оп. 2. Д. 32. Л. 10–11.

[6] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39908. Оп. 1. Д. 1. Л. 90.

[7] Сергеев Яков Тихонович (1866 – ?), полковник (1916). Окончил Казанское пехотное юнкерское училище (1889) и Офицерскую стрелковую школу (1911). Служил в 8-м пехотном Эстляндском и 21-м Сибирском стрелковом императрицы Александры Федоровны полках. В 1916–1917 гг. – командир 21-го Сибирского стрелкового полка. Награжден Георгиевским оружием (1916) и орденом Св. Георгия IV ст. (1917). В белой армии: с осени 1918 г. командовал 1-й бригадой Сводной Уфимской (8-й Камской) стрелковой дивизии. Приказом адмирала А.В. Колчака от 8 января 1919 г. произведен в генерал-майоры со старшинством с 20 августа 1917 г. 19 марта 1919 г. назначен начальником 12-й Сибирской стрелковой дивизии (вступил в должность 1 апреля). Одновременно до 14 июня 1919 г. являлся начальником Томского гарнизона и уполномоченным командующего войсками Омского военного округа по Томскому району. После расформирования дивизии состоял в резерве чинов при штабе Омского военного округа. 21 октября 1919 г. назначен начальником гарнизона г. Каинска и уполномоченным командующего войсками Омского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия по Каинскому району.

[8] ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 32. Л. 24, 34.

[9] Там же. Л. 26, 28об.

[10] РГВА. Ф. 39908. Оп. 1. Д. 1. Л. 71, 84; Д. 2. Л. 55.

[11] ГАРФ. Ф. 182. Оп. 4. Д. 9. Л. 2, 5; Д. 10. Л. 16.

[12] РГВА. Ф. 39908. Оп. 1. Д. 1. Л. 93.

Численность личного состава и количество винтовок в полках 12-й Сибирской стрелковой дивизии в мае 1919 г.

Воинская часть	Офицеров	Солдат и унтер-офицеров	Винтовок		
			3-линейных	других систем	всего винтовок
45-й Сибирский стрелковый полк	130	2262	934	978	1912
46-й Сибирский стрелковый полк	106	2188	890	197	1087
47-й Сибирский стрелковый полк	95	2081	844	453	1297
48-й Сибирский стрелковый полк	104	728	112	147	259
Всего	435	7259	2780	1775**	4555

* Составлено по: РГВА. Ф. 39908. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–29.

** В том числе 1371 – системы «Бердан», 246 – «Гра», 43 – «Ватерли», 35 – японских, 8 – винчестеров, 60 карабинов и 12 – учебных.

дующего стала активно выдвигать на театр военных действий находившиеся в тылу воинские части и соединения.

Приказом по дивизии от 7 июня ее частям предписывалось 10 июня начать погрузку в эшелоны для отправки в прифронтовую полосу, где и предполагалось завершить формирование соединения. Выдвижение дивизии осуществлялось в следующем порядке: 45-й, 47-й и 48-й полки, 12-й артдивизион и 12-й инженерный дивизион. 46-й полк и егерский батальон временно оставались в местах прежней дислокации в распоряжении командующего войсками Омского военного округа[13]. В ходе выдвижения на фронт в дивизии произошли кадровые изменения. 9 июня гвардии капитана Е.Н. Сумарокова в должности начальника штаба дивизии заменил подполковник С.Г. Сычев[14], а 16 июня вместо полковника В.И. Полякова командиром 48-го Сибирского стрелкового полка был назначен полковник Н.Н. Кондратьев[15].

Ко времени отправки на фронт подавляющее большинство солдат – 18-летние новобранцы – находилось в строю не более трех–четырех недель. Они не успели пройти курса подготовки «молодого бойца», не говоря уже об отработке взаимодействия подразделений в масштабах роты, батальона, полка и частей в составе дивизии. Это была слабоорганизованная, несплоченная и необученная масса деревенских парней, не адаптировавшихся к условиям военной службы.

По прибытии на театр военных действий 12-я Сибирская стрелковая дивизия была придана Уральской группе (бывший 3-й Уральский корпус) 3-й (бывшая Западная) армии Восточного фронта, в составе которой в конце июля 1919 г. она приняла участие в Челябинской операции. По распоряжению командующего Уральской группой генерала П.М. Иванова-Мумжиева дивизия заняла участок фронта между 3-й Оренбургской казачьей бригадой, являвшейся связующим звеном с Уфимской группой, и 11-й Уральской стрелковой дивизией, прикрывавшей правый фланг группы и всей 3-й армии белых. При этом 45-й Сибирский стрелковый полк сменил на фронте полуразвалившуюся 7-ю Уральскую дивизию горных стрелков, которая, уходя в тыл, разоружилась и передала свои орудия и пулеметы 12-й Сибирской стрелковой дивизии. Дальнейшее сосредоточение частей 12-й дивизии было сорвано противником. Перешедшая в наступление 5-я стрелковая дивизия красноармейцев отбросила Уральскую группу к р. Караболка, при этом, согласно оперативным сводкам красных штабов, в ходе боев 20–21 июля 47-й полк 12-й Сибирской стрелковой дивизии был разгромлен, а более половины его состава – 53 офицера и около 1 тыс. солдат, сдались в плен [3, с. 74].

По мнению командующего 3-й армией генерала К.В. Сахарова, 12-я Сибирская стрелковая дивизия, прибывшая из Томска в распоряжение Уральского корпуса, не только не усилила, но, напротив, ослабила его: некоторые части оказались распропагандированными в этом городе (одном из самых главных эсэровских гнезд) и, придя на фронт, предательски перешли на сторону красных [2, с. 123]. Верить на слово генералу Сахарову не стоит. Оправдывая собственные просчеты как командующего, он в своих воспоминаниях стремился везде выявлять деятельность заговорщиков и тлетворное эсеровское влияние. Генерал явно не прав в отношении «предательской» сдачи в плен частей 12-й Сибирской стрелковой дивизии. Согласно воспоминаниям В.И. Чуйкова, командира 43-го полка 5-й красной стрелковой дивизии и непосредственного участника описываемых событий, пленение 47-го Сибирского стрелкового полка белых происходило несколько иначе.

По его воспоминаниям, 20 июля 1919 г. перед д. Аллаки разведывательные дозоры 43-го полка обнаружили большую колонну белогвардейской пехоты, как позднее выяснилось, из 47-го Сибирского стрелкового полка, двигавшуюся по тракту со стороны д. Караболки без всякого охранения. Чуйков принял решение пропустить колонну противника в д. Аллаки, закрыть выходы из нее на запад огнем авангардного батальона с артиллерией, а главными силами обойти колонну с востока и атаковать ее во фланг и тыл, отбрасывая к озерам Большие и Малые Аллаки.

[13] РГВА. Ф. 39908. Оп. 1. Д. 2. Л. 47; ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 32. Л. 55.

[14] РГВА. Ф. 39908. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.

[15] ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 32. Л. 28 об.; РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 21. Л. 8–9.

Как свидетельствует Чуйков, после обнаружения его авангардной группы головная часть колонны белых начала развертываться в боевой порядок. Видя, что противник все свое внимание и силы сосредоточивает для удара на северо-запад, обходя справа и слева Аллаки, Чуйков решил атаковать стоявший еще в колонне арьергардный батальон противника силами находившейся в его непосредственном распоряжении конной разведки. При поддержке двух пулеметов, размещенных на тянувшейся вдоль тракта возвышенности, конная разведка – около 40 сабель – перешла в атаку. Фактор неожиданности оказался столь сильным, что сотни солдат с офицерами побросали оружие и подняли руки вверх. Одновременно главные силы красных предприняли атаку на развернувшиеся подразделения противника. Окруженные и прижатые к озеру солдаты и офицеры прекратили сопротивление и сдались в плен. По свидетельству Чуйкова, его полк захватил более тысячи пленных, в том числе 17 офицеров, около тысячи винтовок и 12 пулеметов. Солдаты, как отмечает Чуйков, были рады тому, что «так скоро отвоевались», но он ничего не говорит о их преднамеренной, добровольной, сдаче в плен [4, с. 225–227].

В тот же день 43-й стрелковый полк занял Русскую и Татарскую Караболку, откуда 21 июля выступил в направлении д. Урукуль. В районе этого пункта авангардный батальон красных был атакован противником со стороны оз. Терен-Куль. В результате «горячего боя» белые начали отступать. В.И. Чуков вспоминал: «От пленных офицеров я узнал, что против нас ведут бои остатки 47-го полка… Командовал этой частью капитан Ткаченко, который сумел удрать под Караболкой. Решили во что бы то ни стало окружить 47-й полк, прижав его к озеру Терен-Куль… Этот на ходу созревший план боя был осуществлен успешно. Остатки 47-го полка с инженерной ротой были разбиты вдребезги. Ткаченко с ординарцами отстреливались до последнего патрона. Мы загнали его в хутор на берегу озера и считали, что он уже в наших руках. Но когда ворвались в хутор, услышали сильный взрыв. Вскочив во двор крайнего дома, увидели троих офицеров, лежащих на земле. Они подорвали себя ручной гранатой. Один из них был Ткаченко. Он еще дышал, когда из кармана его гимнастерки доставали документы...» [4, с. 227–228].

Таким образом, нет серьезных оснований утверждать, что 47-й Сибирский стрелковый полк по прибытии на фронт добровольно в полном составе перешел на сторону противника. Полк был разгромлен по частям, а значительная часть его личного состава была пленена благодаря энергии и тактической смекалке командира красного полка В.И. Чуйкова. При этом будущий Маршал Советского Союза нашел необходимым отметить героизм и самопожертвование офицеров 47-го полка, используя в своем изложении почти эпический тон.

Тем не менее очевидно, что 12-я Сибирская стрелковая дивизия, как войсковое соединение, проявила полную небоеспособность. Приказом по войскам 3-й армии Восточного фронта от 5 августа 1919 г. она была расформирована, а весь личный состав ее полков передан на укомплектование 11-й Уральской стрелковой дивизии генерала А. В. Круглевского[16]. Данное решение выглядит вполне логичным. Части 12-й Сибирской стрелковой дивизии занимали участок фронта на левом фланге 11-й Уральской стрелковой дивизии и, по всей видимости, в оперативном отношении были уже подчинены генералу Круглевскому. При расформировании дивизии ее наиболее сохранившийся 45-й Сибирский стрелковый полк был переименован в 42-й Троицкий[17], первый по нумерации полк 11-й дивизии. Личный состав малочисленного 48-го и остатки 47-го полков, вероятно, были распределены между 43-м Верхнеуральским, 44-м Кустанайским и 45-м Сибирским полками.

Распоряжение командующего 3-й армией о расформировании 12-й Сибирской стрелковой дивизии было подтверждено приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра генерала М.К. Дитерихса от 17 августа 1919 г. В данном приказе объявлялось о расформировании дивизии и использовании находившихся на фронте ее личного состава и материальной части для пополнения частей по усмотрению командующего 3-й армии[18]. Приказом по армии от 7 сентября, на основании распоряжения адмирала А.В. Колчака от 1 сентября, 12-й Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион (за исключением гаубичной батареи) был передан в распоряжение командующего Степной группой войск генерала Д.А. Лебедева[19].

Оставшиеся в тылу части 12-й Сибирской стрелковой дивизии были исключены из ее состава. На основании приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего от 5 июня для подготовки укомплектований для отбывающих на фронт частей предлагалось от каждого полка дивизии выделить по одной роте полного состава. Эти роты были сведены в 12-й Сибирский кадровый полк с подчинением командующему войсками Омского военного округа. Командиром полка назначили полковника 48-го Сибирского стрелкового полка К.Г. Козунова. По распоряжению командующего войсками генерала А.Ф. Матковского 10 июня 1919 г. 46-й Сибирский стрелковый и 12-й

---

[16] РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 585.

[17] Путеводитель по фондам белой армии… С. 153. Ранее числившийся в составе 11-й Уральской дивизии 42-й Троицкий стрелковый полк в марте 1919 г. был передан в состав Южной группы Западной армии, а с мая состоял в Южной армии генерала П.П. Белова. В августе в ходе развала Южной армии этот полк прекратил свое существование. С марта по август 1919 г., до преобразования 45-го Сибирского в 42-й Троицкий полк, 11-я Уральская дивизия действовала в составе трех полков. Поэтому следует иметь в виду, что в составе вооруженных сил адмирала А.В. Колчака последовательно (а в августе 1919 г. одновременно) числилось два разных 42-х Троицких стрелковых полка.

[18] РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1481. Ч. VIII. Б. л. Текст приказа автору настоящей статьи предоставил А.Б. Езеев.

[19] Там же. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 135. Л. 621.

Сибирский кадровые полки были сведены в 2-ю сводную дивизию (начдив полковник – П.И. Иванов, штаб находился в Томске)[20].

Для характеристики численности личного состава и оснащенности вооружением 2-й сводной дивизии приведем следующие данные. На 20 октября 1919 г. в 46-м Сибирском стрелковом полку числилось 77 офицеров, 207 унтер-офицеров и 6 210 солдат (в том числе 1 600 окончивших обучение). На их вооружении состояло 1 797 трехлинейных винтовок, 625 однозарядных винтовок «Ватерли» и 19 пулеметов. В 12-м кадровом полку находилось 62 офицера, 328 унтер-офицеров и 4 668 солдат (в том числе 1 755 окончивших обучение), на их вооружении имелось 605 трехлинейных винтовок, 1 068 однозарядных винтовок систем «Бердана», «Гра», «Ватерли» и один пулемет. Таким образом, на 11 413 нижних чинов во 2-й сводной дивизии имелось лишь 4 095 винтовок, в том числе только 2 402 трехлинейки. Следовательно, в дивизии было вооружено лишь 36 % личного состава[21].

Главной задачей этих частей являлась подготовка укомплектований для действовавших на фронте частей, а также обеспечение государственного порядка в тылу армии. В октябре 1919 г. 46-й Сибирский стрелковый полк в составе группы войск полковника В.А. Бранденбурга был направлен на линию Алтайской железной дороги в район станций Рубцовка–Шлейская для борьбы против красных партизан. После нескольких боев 21 ноября полк сосредоточился в с. Поспелиха, вблизи одноименной железнодорожной станции. К этому времени личный состав полка не был обеспечен зимней формой одежды. Больные, обмороженные и раненые солдаты из-за отсутствия медикаментов не получали медицинской помощи. В это же время стала всеобщим достоянием информация о взятии (14 ноября) регулярными частями Красной армии Омска – столицы белой Сибири. В этих условиях 46-й Сибирский стрелковый полк сложил оружие и 28 ноября добровольно перешел на сторону красных партизан[22].

Таким образом, формировавшаяся как часть стратегического резерва вооруженных сил адмирала А.В. Колчака 12-я Сибирская стрелковая дивизия выступила на фронт необученной и слабовооруженной. Как следствие, приступив к проведению военных операций, дивизия продемонстрировала небоеспособность и была расформирована. Провал планов высшего военного командования по формированию в тылу резервов для фронта был связан с несогласованностью организационных мероприятий Ставки Верховного главнокомандующего и Военного министерства Российского правительства, отсутствием в распоряжении военных властей достаточных материально-технических ресурсов для формирования боеспособной армии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. 612 с.

2. *Сахаров К.В.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. 325 с.

3. *Санчук П.* Челябинская операция летом 1919 г. // Война и революция. 1930. № 11. С. 63–83.

4. *Чуйков В.И.* От Сталинграда до Берлина. М.: Сов. Россия, 1985. 704 с.

REFERENCES

1. *Simonov D.G.* The White Siberian Army in 1918. Novosibirsk, 2010, 612 p. (In Russ.)

2. *Sakharov K.V.* White Siberia (Internal War of 1918–1920). Munich, 1923, 325 p. (In Russ.)

3. *Sanchuk P.* Chelyabinsk Operation in Summer of 1919. *Voyna i revolyutsiya.* 1930, no. 11, pp. 63–83. (In Russ.)

4. *Chuikov V.I.* From Stalingrad to Berlin. Moscow, Sov. Russia, 1985, 794 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 25.01.2018

[20] ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 32. Л. 155, 160.

[21] РГВА. Ф. 39504. Оп. 1. Д. 18. Л. 106.

[22] Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Новосибирск, 1959. С. 422–425, 436–438.

DOI: 10.15372/HSS20180104
УДК 94 (47).084.6 ″1914–1937″

Г.Г. ПОПОВ

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ОПК СССР В ПЕРВУЮ ПЯТИЛЕТКУ В «КООРДИНАТАХ» ЭПОХИ МИРОВЫХ ВОЙН

Московский технологический институт,
РФ, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 38а

Статья посвящена истории развития ОПК СССР в годы первой пятилетки. Эта тема рассматривается в контексте дискуссии о роли сталинского режима в подготовке СССР к войне. Автор придерживается мнения, что достижения первой пятилетки в российской историографии были преувеличены из-за применения неверных методологических подходов в сравнительном анализе результатов индустриализации в СССР. Показано, что Российская империя в годы Первой мировой войны имела тенденцию более стремительного развития промышленности в условиях сильного ограничения в ресурсах, нежели СССР до 1932 г. Автор также сравнивает СССР периода первой пятилетки с другими странами периода Первой мировой войны и 1930-х гг. При этом автор придерживается концептуальной идеи Б.М. Шпотова о решающей роли институтов и человеческого капитала в развитии СССР в годы первой пятилетки.

Ключевые слова: ОПК СССР, Вторая мировая война, танкостроение, авиационная промышленность, первая пятилетка, сталинский режим, экономика, военные технологии.

G.G. POPOV

INDUSTRIALIZATION AND THE DEVELOPMENT OF THE MILITARY INDUSTRY OF THE USSR IN THE FIRST FIVE YEARS WITHIN THE “COORDINATES” OF THE EPOCH OF THE WORLD WARS

Moscow Technological Institute,
38A, Leninsky str., Moscow, 119334, Russia

The USSR example in the First five-year period allows us to trace the relationship between ideology, political system and restrictions on military production. In the USSR during the First five-year period the dynamics of the defense industry development was lower than in the Russian Empire on a number of points. At the beginning of the First five-year plan in terms of military production (except for tanks), the Soviet Union lagged behind Italy of the period of its participation in the First World War.

So, at the end of the First five years the Soviet Union military industry returned to the tendencies of the First world war. Taking into account the fact, that the Russian war industry had been functioning under conditions of labor shortage in 1914–1917, whereas the USSR hadn’t such limitation in the early 1930s, we should conclude, that the USSR planned economy efficiency during the First five-year period was even lower than in the Russian economy of 1916, when there was a maximum mobilization of the economy in the First World War. In this regard, the development of the USSR military industry in First five-year plan should be regarded as a process of overcoming the consequences of the Civil War crisis, but not surmounting underdevelopment of Russia in general. Although we couldn’t say that Russia was on the same level with the Western powers during the First World War. Still, the backwardness of the Russian Empire was somewhat exaggerated by the Bolshevik propaganda, as well as achievements of the First five-year plan.

The author relies on ideas of a work by P. Gatvell and M. Harrison, which compares the economies of the Russian Empire during the First World War and the Soviet Union during the Second World War. The author criticizes the methodological approach by P. Gatvell and M. Harrison, which does not take into account the foreign policy’s factor within different global conflicts, but at the same time, the author recognizes the high scientific importance of a conceptual idea of comparing two different systems that existed in similar historical periods in the territory of Russia.

Key words: military industry of USSR, Second World War, tank industry, aircraft industry, First five-year plan, Stalin’s regime, USSR’s economy in 1930s, preparing to war, military technologies.

Григорий Германович Попов – канд. экон. наук, доцент, Московский технологический институт, e-mail: GGPopov2009@mail.ru.
Grigory G. Popov – Candidate of Historical Sciences, associate professor, Moscow Technological Institute.

© Попов Г.Г., 2018

ВВЕДЕНИЕ

В 1993 г. появилась статья Питера Гателла и Марка Харрисона, в которой предпринято сравнение двух экономик в разные войны: российской – в Первую мировую войну и советской – во Вторую мировую войну [1]. В своей работе П. Гартелл и М. Харрисон не учли такой важный аспект, что Российская империя не готовилась к тотальной войне со всем Западом и Японией. Армия Российской империи была лимитирована в поставках вооружений в случае возникновения вооруженного конфликта. Кроме того, у России были союзники. СССР готовился к войне, практически не рассчитывая даже на вероятность каких-либо военно-политических альянсов со своим участием.

Тем не менее исследование П. Гатрелла и М. Харрисона является практически единственным в историографии, где такое сравнение проводится на основе методов макроэкономики и политической экономии и акцент сделан на проблеме мобилизации ресурсов. Мы намерены отталкиваться от их методологического подхода. Но сравнивать две системы – Российскую империю и СССР – в условиях мировых войн можно с рядом оговорок. Цели и характер участия России/СССР в этих войнах были различными. В Великую Отечественную войну перед советским обществом стоял вопрос жизни и смерти. Кроме того, принципиально отличался и технологический уровень экономики России и СССР накануне двух мировых войн. Поэтому мы считаем, что более корректно было бы сравнивать мобилизационные мероприятия советского режима в 1930-е гг. и царской России периода Первой мировой войны, а также развитие военного производства в 1930-е гг. в СССР и других странах.

Мы делаем акцент на развитии ОПК СССР в период первой пятилетки, так как именно в это время закладывался базис для дальнейшего развития советской оборонной промышленности и экономики в целом. Этот период мы назвали бы становлением «развитого сталинизма», и с этим временем связано много аксиом в популярной и даже научной историографии, представляющих так или иначе первую пятилетку как не имевший аналогичных альтернатив процесс, приведший советское общество к крупным достижениям. Первая аксиома гласит, что в СССР возникли новые отрасли производства, вторая – советская экономика развивалась высокими темпами и достигла значительных масштабов выпуска продукции, прежде всего, промышленной.

Однако эти аксиомы выросли из сравнения советской экономики первой половины 1930-х гг. с советской же экономикой 1920-х гг., а также с экономикой Российской империи в 1913 г. Мы считаем, что неправильно также брать за основу анализа сравнение экономических показателей только 1927–1929 гг. с показателями 1930-х гг. Сравнение динамики развития периодов нэпа и индустриализации, сопоставление среднегодовых темпов прироста выпуска продукции целесообразно, так как позволяет определить тренды развития, характерные для той или иной модели общественного устройства. Надо принимать во внимание, что до нэпа советская экономика пережила не имевший ранее прецедентов в истории России экономический кризис. В ряде отраслей спад производства был катастрофическим. В этой связи индустриализация все-таки происходила на базе того, что было создано и восстановлено во времена нэпа, она не являлась процессом, полностью противопоставленным нэпу.

Соответственно целью статьи является сравнительный анализ развития ОПК СССР в контексте индустриализации в первую пятилетку и промышленного развития Российской империи в Первую мировую войну, а также СССР в конце 1920 – первой половине 1930-х гг. и других стран с конца Первой мировой войны до конца 1930-х гг. В результате такого анализа можно понять, насколько советский режим был эффективен с точки зрения повышения обороноспособности страны.

Что касается определения оборонно-промышленного комплекса (ОПК), то под ОПК мы понимаем комплекс производств, занятых выпуском продукции только военного назначения и/или продукции двойного назначения. Так как спектр производств продукции двойного назначения достаточно широкий, мы ограничимся в данном вопросе рассмотрением автомобильной отрасли, которая в исследуемый исторический период в СССР относилась в значительной степени к ОПК. Мы не касаемся судостроения в годы первой пятилетки, поскольку оно тогда и практически до конца Второй пятилетки не играло значительной роли в развитии ОПК СССР.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР В СРАВНЕНИИ. ЛЮДСКИЕ РЕСУРСЫ

Исследование целесообразно начать со сравнения мобилизационных планов Российской империи кануна Первой мировой войны и СССР конца 1937 г., выходя несколько за хронологические рамки нашей темы. Но в мобилизационном плане 1937 г. отражены результаты развития советского ОПК в первой половине 1930-х гг.

По мобилизационному расписанию Генштаба от 1 сентября 1910 г. в случае большой войны в армию требовалось призвать 2 533 847 чел., примерно 11% в ополчение (ратники). В кадровых войсках на 1 апреля 1914 г. насчитывалось 1 232 738 нижних чинов. В армию на основании новых по отношению к плану 1910 г. требований военного министра В.А. Сухомлинова было призвано примерно на 800 тыс. чел. больше, чем указано в расписании 1910 г. В августе 1914 г. призыву подлежали дополнительно еще 707 664 чел., как ратники первого разряда [2, с. 774]. По этой причине к сентябрю 1914 г. проявился дефицит ручного оружия и многого остального. Ликвидировать его за счет внутренних ресурсов в короткий срок было

практически невозможно, военную промышленность до войны не готовили к таким масштабам развертывания производства, поэтому пришлось опираться на ненадежные зарубежные поставки. Для производства винтовок потребовалось задействовать к весне 1915 г. гражданские производства [2, с. 782].

В 1937 г. в СССР по штату мирного времени стрелковые войска насчитывали 636 940 чел. По мобилизационному плану конца 1937 г. в стрелковых войсках должны были находиться в военное время 3 906 300 чел.[1] Вместе с кавалерией их численность предполагалось довести почти до 4 300 000 чел. Таким образом, по основным для того времени типам войск мобилизационный план СССР даже конца 1937 г. с учетом дополнительных мероприятий, запланированных на конец 1930-х гг., превосходил мобилизационный план сентября 1910 г., но был очень близок к плану Сухомлинова кануна Первой мировой войны. Но следует учесть, что у Российской империи в 1914 г. не было танковых войск, авиация находилась на начальном этапе развития. С новыми типами войск РККА должна была превысить 5 млн чел. – по мобилизационному плану 1937 г., но все равно численность ее личного состава была близка той, какая планировалась Сухомлиновым к сентябрю 1914 г. Однако качественные характеристики войск были, разумеется, в этих войнах различными.

По плану конца 1937 г. предусматривалось довести численность личного состава РККА мирного времени до 1 780 000 чел. к 1943 г., в 1937 г. она насчитывала 1 605 502 чел.[2]. Предполагавшийся дефицит личного состава еще в начале 1930-х гг. планировалось компенсировать новейшими типами боевой техники, вследствие чего правительство развивало танкостроение и авиастроение [3, с. 89–92]. Однако потенциальные противники делали то же самое.

Таким образом, сравнение мобилизационных планов СССР 1937 г. и Российской империи кануна Первой мировой войны показывает, что мобилизация людских ресурсов не вышла за пределы ограничений, существовавших накануне Первой мировой войны.

Были ли эти ограничения связаны с экономикой? Ниже мы попытаемся ответить на этот вопрос. О.Н. Кен в своей работе о развитии ОПК СССР в начале 1930-х гг. пришел к выводу, что в силу экономических причин Советский Союз в канун и в начале первой пятилетки не мог пойти на увеличение численности подлежащих к призыву в случае войны резервистов, но даже был вынужден прибегнуть к сокращению их состава [3, с. 89–92]. Однако его выводы ограничиваются относительно узким хронологическим периодом.

Следует учесть, что вытеснение живой силы техникой шло в армиях мира уже с Первой мировой войны преимущественно по двум направлениям: тяжелыми вооружениями и легкими типами вооружений – к последним относились в первую очередь пулеметы (см. об этом работу генерала А.А. Зайцова [4, с. 20–21]).

ПРОИЗВОДСТВО ВООРУЖЕНИЙ В РОССИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ И В СССР В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Сравнение производств вооружений в указанные выше периоды мы считаем вполне правомерным с научно-методологической точки зрения, поскольку первую пятилетку можно считать периодом фактически ограниченной мобилизации экономики. В годы Первой мировой войны Россия достигла максимального напряжения хозяйственных сил, но необходимо принять во внимание, что СССР в первой половине 1930-х гг. был более технологически развит и не нес столь крупные людские и материальные потери, хотя политические репрессии, включая раскулачивание, имели значительные масштабы.

Рассмотрим выпуск ряда основных для эпохи мировых войн типов вооружений в Российской империи, Советской России и СССР в различные исторические периоды.

Если для Первой мировой войны среднегодовой показатель выпуска артиллерийских систем составлял примерно 3,9 тыс. шт. [5, с. 93], то в годы первой пятилетки не намного больше, для 1933–1935 гг. – примерно 4,5 тыс. шт.[3] Однако Российская империя еще получала импортные поставки артиллерийского вооружения. Если принять во внимание, что за военные поставки императорский режим и Временное правительство расплачивались золотом, то импорт вооружений нельзя считать просто случайно полученным бонусом, это – тоже результат функционирования экономической системы России (хотя и не такой значимый успех, как собственное производство). Таким образом, по поставкам артиллерии в армию СССР к 1936 г. превзошел Россию 1917 гг., но не столь значительно.

По ежегодному выпуску винтовок Россия в Первую мировую войну намного превосходила СССР периода первой пятилетки. Для этого феномена имеется не только экономическое объяснение. Российские военные в 1914–1916 гг. переоценивали значение мелкокалиберной винтовки, но нельзя сбрасывать со счетов и хозяйственный фактор. Что касается пулеметов, то для российской военной промышленности это было новое оружие, поэтому в годы Первой мировой войны большие надежды возлагались на зарубежные поставки пулеметов.

По среднегодовому выпуску самолетов СССР смог превзойти Российскую империю только в 1932 г., но в 1935 г. план выпуска этой техники был значительно недовыполнен. Принимая во внимание, что Российская империя импортировала много самолетов в годы Первой мировой войны, можно утверждать, что до 1932 г. положение с поставками авиационной техники в войска было хуже, чем к концу Первой ми-

[1] Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). РФ. Ф. 16. Оп. 2154. Д. 4. Л. 33–34.

[2] Там же. Л. 33–34.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8418. Оп. 25. Д. 14. Л. 2–3.

Таблица 1

Производство различных типов вооружений в Российской империи и СССР

Тип вооружения / период	Первая мировая война (1914–1917 гг.)	1929/1930	1930/1931	1932	1933	1934	1935
Арт. системы, тыс. шт.	11,7	0,95	1,9	2,5	4,6	4,6	4,4
Пулеметы	28,0	9,6	40,9	59,3	32,6	29,2	31,8
Самолеты, тыс. шт.	3,5	0,9	0,86	1,7	2,95	3,1	1,6
Винтовки, тыс. шт.	3300	126	174	224	241	303	221

Составлено по: *Шигалин Г.И.* Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956, с., 93, 170; ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 25. Д. 14. Л. 2–3].

Таблица 2

Производство вооружений в Италии в Первую мировую войну и в СССР в годы первой пятилетки

Тип вооружения / период	Италия в Первой мировой войне	СССР, 1929/1930	СССР, 1930/1931	СССР, 1932	СССР, 1933	СССР, 1934	СССР, 1935
Арт. системы, тыс. шт.	6,5	0,95	1,9	2,5	4,6	4,6	4,4
Пулеметы, тыс. шт.	101	9,6	40,9	59,3	32,6	29,2	31,8
Самолеты, тыс. шт.	12,0	0,9	0,86	1,7	2,95	3,1	1,6
Винтовки, тыс. шт.	2400	126	174	224	241	303	221

Составлено по: *Шигалин Г.И.* Военная экономика в Первую мировую войну. С. 57, 93, 170; ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 25. Д. 14. Л. 2–3.

ровой войны. Правда, советские самолеты качественно отличались от российских, используемых в Первую мировую войну. Но следует учитывать, что выпуск продукции в России и в СССР осуществлялся в разных условиях занятости. Трудовые ресурсы в России 1914–1917 гг. испытывали дефицит из-за мобилизаций в армию, тогда как в СССР в 1930-е гг. имел место избыток трудовых ресурсов, правда, с преобладанием неквалифицированного труда. Но при этом в 1929–1932 гг. СССР по выпуску количества артиллерийских систем отставал от России в годы Первой мировой войны.

Выше мы сравнили Российскую империю с СССР, но империя в годы Первой мировой войны находилась на периферии технического прогресса в военной сфере, хотя в стране и осуществлялись инновационные разработки. Танк появился у англичан, в сфере авиации Запад шел впереди России и т.п. Ниже мы приводим показатели выпуска вооружений в Италии, в годы Первой мировой войны и СССР в период первой пятилетки (табл. 2). Италия взята для сравнения как государство, находившееся на периферии первого эшелона научно-технического прогресса.

Италия в годы Первой мировой войны была больше аграрным, нежели индустриальным государством, как и СССР в канун первой пятилетки. Италия вступила в Первую мировую войну в мае 1915 г. В год итальянская промышленность выпускала около 4 тыс. самолетов, СССР в годы Первой пятилетки так и не смог превзойти этот показатель, хотя, разумеется, самолеты Первой мировой войны и более позднего периода существенно различались. По артиллерийским системам СССР опередил в 1932 г. по среднегодовому выпуску Италию Первой мировой войны, по пулеметам это произошло раньше, но в 1934 г. СССР снова отстал по данному виду вооружений от Италии времен Первой мировой войны.

Сравнение СССР в годы первой пятилетки с Францией и Германией в Первую мировую войну представляется нецелесообразным. Эти государства намного превосходили Италию в 1915–1918 гг. по объему промышленного производства. Ограничимся только замечанием, что испытывавшая в конце Первой мировой войны серьезные трудности с продовольствием и сырьем кайзеровская Германия смогла освоить выпуск 2 327 орудий полевой артиллерии в марте 1918 г. [6, S. 109], т.е. немногим меньше, чем СССР в 1932 г., и почти 50 % от выпуска всех артиллерийских систем в СССР 1933 или 1934 гг.

АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЕ В СССР В ПЕРВУЮ ПЯТИЛЕТКУ. ПРОВАЛ ИЛИ БОЛЬШОЕ ДОСТИЖЕНИЕ?

Сложилось популярное мнение, что начало автомобильной отрасли в СССР было положено в годы первой пятилетки. Известно, что к 1918 г. в стране функционировали (на грани остановки из-за общей разрухи в стране) автомобильные заводы: «Русо-Балт» в Филях, «В.А. Лебедев» в Ярославле, «Русский Рено» в Рыбинске, РБВЗ в Петрограде, АМО в Москве, «Бекос» в Мытищах, «Аксай» в Ростове-на-Дону. К зиме 1919 г. эти заводы либо фактически не работали, либо

выполняли ремонт свезенной с «автомобильных кладбищ» техники. Модификацией автомобильной техники для РККА занимался также специальный цех Путиловского завода в Петрограде. В конце Гражданской войны все заводы, кроме АМО, пришли в такой упадок, что прекратили заниматься даже капитальным ремонтом автомобилей, во всяком случае, в массовом порядке.

Если в Российской империи автомобильные заводы открывали, то большевики в годы Гражданской войны закрыли их, оставив только АМО. Кроме того, автотрассы в Советской России пришли в такое плачевное состояние, что эффективно можно было использовать только грузовики «Уайт» 1,5 т.[4], что и породило спрос на знаменитые «полуторки».

В марте 1921 г. по инициативе В.В. Куйбышева началось восстановление семи заводов по выпуску автомобильной техники. Однако развернутая в 1922 г. сборка знаменитых АМО-Ф-15 «полуторок» осуществлялась на базе созданного в 1915 г. на заводе «Руссо-Балт» грузовика «Руссо-Балт С24-40» XVIII серии[5]. В годы Первой мировой войны предприятия Российской империи собрали (по советским подсчетам) 20 тыс. грузовых автомобилей, в то время как Италия с ее знаменитым «Фиатом» – 28 тыс. штук, США с их «империей Форда» – 30 тыс. [5]. Но СССР с большим трудом удалось наладить серийный выпуск грузовиков к концу 1924 г. Если бы Россия не пережила революцию 1917 г. и Гражданскую войну, то смогла бы, вероятнее всего, догнать Италию по выпуску грузовиков. Реально СССР превзошел показатель выпуска грузовых автомобилей периода Первой мировой войны (в массовом порядке грузовики в России стали производить примерно зимой 1916 г.) в 1932 г., когда 23 845 грузовиков и 1207 грузовиков было собрано из импортных деталей[6] (в Первую мировую войну Россия осуществляла массовый выпуск этой техники фактически 1,5 года), но уровень Италии в Первой мировой войне (имеется в виду производство грузовиков в этой стране за все время ее участия в Первой мировой войне) достигнут еще не был (итальянские заводы освоили массовый выпуск автомобилей для армии не ранее 1916 г.).

Таким образом, новой отраслью автомобилестроение для СССР не было. Массовое производства автомобилей организовали еще в годы Первой мировой войны. Когда к 1932 г. СССР обеспечил возможность выпускать грузовые автомобили в масштабах больших, чем в Первую мировую войну, тогда США, несмотря на сложные условия Великой депрессии, в 1932 г. произвели 1,5 млн автомобилей [7].

Почему рывок в производстве автомобильной техники произошел в СССР именно в начале 1930-х гг.? На первый взгляд, ответ очевиден и напрямую связан с процессом индустриализации. Но был еще один фактор, актуальный для отрасли: у СССР к 1930 г. возник дефицит валюты для закупок иностранной техники, в частности, грузовиков фирмы «Форд». 31 мая 1929 г. Советский Союз заключил с «Фордом» договор, по которому обязался приобрести у этой компании в разобранном виде 72 тыс. автомобилей. Однако СССР частично сорвал сделку, закупив только половину автомобилей. Помимо закупок техники советская сторона должна была приглашать специалистов фирмы «Форд» для организации сборки и капитального ремонта автомобилей. Но советские чиновники не смогли создать соответствующие социальные условия, что затрудняло развитие автомобильной отрасли в целом[7].

По мнению Б.М. Шпотова, развитие автомобильной отрасли, как и всей тяжелой промышленности в СССР, нельзя назвать очень успешным в период первой пятилетки. Главной причиной он считает низкий уровень управленческой культуры советских чиновников того времени, «косность» системы. Мы консолидируемся с этим мнением, но, как и Б.М. Шпотов, считаем, что развитие автопрома не было абсолютно провальным, хотя, если сравнивать с показателями производства этой отрасли в других странах и в Российской империи в разгар Первой мировой войны, больших успехов Советский Союз в этой сфере не достиг.

АВИАСТРОЕНИЕ. «ШАГ ВПЕРЕД И ШАГ НАЗАД»

СССР в годы первой пятилетки выпустил большое количество самолетов. Но среди них преобладали модели устаревшего образца. По оценке начальника ВВС РККА Я.И. Алксниса, из находившихся на вооружении к декабрю 1936 г. 6 246 самолетов к 1938 г. в Красной армии должно было остаться 966 самолетов, удовлетворяющих требованиям современной (на то время) войны, т.е. способных развить скорость 350 км/ч и более. В это число попадали модели СБ с двигателем 2М-100 и И-16 (истребитель) с двигателем М-25, но в 1938 г. и эти модели едва ли можно было бы считать вполне современными, не говоря уже о 1939 г. Таким образом, 966 самолетов – это та доля парка самолетов ВВС РККА, которая отвечала требованиям современной – на 1936–1938 гг. – войны. Для освоения выпуска новой техники во вторую пятилетку имелись существенные ограничения. Для преодоления возникшего кризиса у советской авиационной промышленности в 1937 г. не хватало ресурсов [8, с. 562].

Практически с конца нэпа и до середины первой пятилетки советский авиапром демонстрировал такую тенденцию, как наращивание выпуска старых моделей. Среди легких боевых самолетов оставался высокий удельный вес истребителя Р-1, т.е. модифицированного британского биплана времен Первой ми-

[4] Сайт о российском автомобилестроении. URL: http://www.avtomash.ru/pred/muzei_a/1918/1918-3.html (дата обращения: 01.10.2017).

[5] Там же.

[6] Социалистическое строительство СССР: стат. ежегод. 1934. М., 1934. 357 с.

[7] *Шпотов Б.М.* Не дано нам историей тише идти (техническая помощь Запада советской индустриализации) // Мир истории. 2002. № 3. URL: http://www.historia.ru/archive.htm (дата обращения: 01.10.2017).

Таблица 3

Структура и масштабы выпуска танков в СССР

Тип, шт.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Бт	396	1005	1105	500	1063	788	1221	1402
Т-26	1032	1405	1420	1263	1215	550	1054	1399
Т-28	0	41	50	32	101	46	100	140
Т-35	0	1	10	7	15	10	11	6
Т-37, Т-38, Т-40	0	138	951	1104	1410	216	0	158
Т-27 (танкетка)	1610	919	14	0	0	0	0	0
Всего:	3038	3509	3550	2906	3804	1610	2386	3105

Составлено по: *Ермолов А.Ю.* Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Литера-С, 2009. С. 53.

ровой войны DH.9, окончательно Р-1 был разработан в 1923 г. На 1 октября 1928 г. в авиапарке РККА имелись 962 Р-1, на 1 января 1933 г. самолетов этой марки было 1297 шт. из общего количества в 4132. Прирост парка самолетов в Красной армии происходил в годы первой пятилетки преимущественно за счет бипланов Р-1, У-1, У-2 и типа «И»[8], являвшихся продолжением разработок еще Первой мировой и Гражданской войн. И нет ничего удивительного, что ВВС РККА переживали упадок к 1937 г.

ТАНКОСТРОЕНИЕ

Каким же образом СССР, имея ВВП меньший, чем у нацистской Германии, смог произвести боевой техники больше, чем Германия и ее союзники в Европе [9, с. 360–370]. В 1939 г. валовой внутренний продукт (ВВП) СССР достиг объема в 366 млрд международных долларов 1990 г., а ВВП Германии – 384 млрд международных долларов 1990 г. [10, p. 27] (по нашим оценкам, этот разрыв между СССР и Германией был еще большим [9, с. 360–370]). Ответ кроется в структуре выпуска вооружений и планировании.

13 августа 1933 г. Комиссия обороны утвердила план перевооружения танковых войск. По приказу Сталина, в армии вводились пять типов танков, все – только на колесном ходу и дизельном топливе [8, с. 148]. С 1936 г. в строй должны были вступить, заменив модели старых образцов, танки типов Т-43 (пулеметный танк-разведчик), Т-38 (танкетка), Т-46 (общевойсковой танк), БТ-5 и БТ-7 (оперативные танки), Т-28 и Т-29 (танки качественного резерва усиления Главного командования), Т-35А (танк особого назначения). Т-46 должен был заменить Т-26. Однако Постановлением СТО СССР Т-26 был сохранен в производстве официально на вторую пятилетку с условием проведения его модификаций. Относительно Т-35А имелись сомнения, удастся ли его запустить во вторую пятилетку в серийное производство, поэтому решили сохранить выпуск Т-35 [8, с. 145–148].

Т-46 так и не был запущен в серийное производство, к началу 1940-х гг. этот танк морально устарел (с 1934 г. армия ожидала эту модель), но он был все-таки лучше Т-26. В период второй пятилетки не был запущен в производство и Т-29 [8, с. 680]. В итоге к 1938 г. РККА осталась с морально устаревшими Т-26, Т-28 и БТ-5.

Руководство Кировского завода в конце 1935 г. предлагало Сталину отказаться от идеи запуска в производство Т-29, так как эта модель была еще «сырой», но и Т-28 рассматривался Кировским заводом как удачная модель [8, с. 424].

Структура выпуска за 1935 г. была явно в пользу легких танков, из 3055 танков только 32 были средними – Т-28, но было 1138 плавающих танкеток. Правда, армия заказала на тот год только 30 Т-28 [8, с. 463]. Данное обстоятельство свидетельствует, что масштабы выпуска техники зависели во многом от отношения военных к разработанным моделям, а не только от экономических возможностей государства.

После 1936 г. в советском танкостроении наступил спад, и только в 1939 гг. удалось превзойти по суммарному выпуску танков показатель 1932 г. (табл. 3).

Фактически Т-37, Т-38, Т-40 тоже были танкетками, но в ряде документов они обозначены как танки. А.Ю. Ермолов считает такой выпуск танков крупным успехом советского ОПК, повторяя тем самым расхожее мнение об успешности военной реформы Сталина. Как аргумент А.Ю. Ермоловым приводятся данные по выпуску танков в нацистской Германии: в 1938 г. – 804 шт., в 1939 г. – 743 шт., в 1940 г. – 1743 танков и САУ [9, с. 53]. Однако Германия не имела право до 1933 г. производить танки, в 1933–1934 гг. ее военная промышленность только набирала обороты. Сравнивая немецкую танковую промышленность с советской, некорректно учитывать только 1938–1940 гг. В 1940 г. качество и структура выпуска германской промышленности были иным, нежели у советской в 1932–1933 гг.

Если танкостроение в Германии в 1930-е гг. отставало от потенциальных противников третьего рейха, то во Франции сложилась несколько иная ситуация. Французы к началу войны сделали ставку на выпуск

[8] Нашей Родины красные соколы. URL: http://www.airaces.ru/stati/proizvodstvo-samoletov-v-sssr-v-pervojj-pyatiletke-1928-1933-gody.html#footnote_21_4648 (дата обращения: 01.10.2017).

тяжелых и средних танков. В 1935 г. в производство был запущен «Сомуа-35» – средний танк. До мая 1940 г. французам удалось выпустить только 500 таких танков. Осенью 1939 г. французская армия имела на вооружении порядка 5 тыс. танков разных типов, однако среди них все-таки преобладали легкие машины.

Британская танковая промышленность позже французской стала переходить на выпуск тяжелых и средних танков современных на то время типов. Только в 1938 г. было запущено серийное производство Mk II «Матильда», имевших броню 75–78 мм, но слабую артиллерию – орудие 40 мм. Mk III в начале войны пришел на смену «Матильдам», он пользовался большей популярностью у военных, хотя и был легким танком. Другой популярной моделью стал средний танк MkVI «Крестоносец» [11, с. 20] (он, как и Mk III, создан на базе американского «Кристи»). Запоздание с началом форсированного производства и разработки новых моделей было вызвано в Англии уверенностью ее правящих кругов в первой половине 1930-х гг., что «большой» войны в Европе в обозримом будущем не будет. Только после нападения Муссолини на Эфиопию угроза конфликта между Британией и фашистскими режимами стала более остро ощущаться в Лондоне. В 1936 г. британская армия обладала только 375-ю танками. Вскоре война в Испании показала, что танки с противопульной броней недостаточно эффективны на поле боя, что потребовало перестройки всей структуры выпуска в английском танкостроении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, индустриализация, особенно в годы первой пятилетки, преследовала цель – преодолеть вызванное кризисом периода Гражданской войны отставание Советского Союза в промышленности. В сфере ОПК СССР смог превзойти объемы производства, достигнутые в Российской империи к концу ее существования. Однако авиационная и автомобильная отрасли промышленности не были новыми сегментами экономики страны, и их развитие нельзя назвать удачным в первую пятилетку на фоне достижений других стран в то время и на фоне успехов в период Первой мировой войны.

Советский ОПК в годы первой пятилетки продемонстрировал тенденцию к развитию производств устаревших моделей. Мы также считаем, что причиной такого положения в военной промышленности в первую пятилетку стал также дефицит финансирования ОПК [12, с. 77–83]. Мы согласны с Б.М. Шпотовым в том, что поиск причин неудач советской экономики в годы первой пятилетки лежит в поле не столько макроэкономического анализа, сколько в сфере институциональной истории с учетом контекста общественного выбора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гатрелл П., Харрисон М.* Российская и советская экономики в двух мировых войнах: сравнительный обзор // Новое историческое обозрение, новые серии. 1993. Т. 46, № 3. С. 425–452.

2. Военная промышленность России в начале XX века 1900–1917 гг.: сб. док. М.: Новый хронограф, 2004. 832 с.

3. *Кен О.Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). М.: ОГИ, 2008. 512 с.

4. *Зайцов А.А.* 1918: Очерки истории русской Гражданской войны. 2-е изд. М.: Икс-Хистори, 2015. 368 с.

5. *Шигалин Г.И.* Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. 332 с.

6. Der Weltkamp für Ehre und Recht. Die Erforschung des Krieges in seiner wahren Begebenheit, auf amtlichen Urkunden und Akten beruhend. Unter Beteiligung von 70 hervorragenden Mitarbeitern herausgegeben von Exzellenz Generalleutnant Max Schwarte. Verlag von Johann Ambrosius Barth in Leipzig und Walter de Gruyter & Co. in Berlin, 1919–1933. Bd. 6. 537 S.

7. Автомобильная промышленность США // За рулем. 1935. № 9. С. 6.

8. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР: сб. док. / под ред. А.А. Кольтюкова; отв. сост. Т.В. Сорокина. М.: ТЕРРА, 2011. Т. 3. Ч. 2: 1933–1937. 944 с.

9. *Попов Г.Г.* Поражения, которых могло не быть. Эпоха мировых войн. М.: Алгоритм, 2016. 496 с.

10. *Harrison M.* The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison. Ed. by Mark Harrison. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 57 p.

11. *Шмелев И.П.* История танка. 1916–1996. М.: Техника молодежи, 1996. 677 с.

12. *Попов Г.Г.* Все для обороны страны? К вопросу о подготовке СССР к войне в довоенные пятилетки // TERRA ECOMOMICUS. 2012, № 3. С. 77–83.

REFERENCES

1. *Gatvell P., Harrison M.* The Russian and Soviet economies in two World Wars: a comparative view. *Novoe istoricheskoe obozrenie. Novye serii*, 1993, vol. 46, no. 3, pp. 425–452. (In Russ.)

2. The military industry of Russia in the early XX century, 1900–1917: documents collection. Moscow: Novyi khronograf, 2004, 832 p. (In Russ.)

3. *Ken O.N.* Mobilization planning and political decisions (late 1920s – mid 1930s). Moscow: OGI, 2008, 512 p. (In Russ.)

4. *Zaizov A.A.* 1918: essays on the history of the Russian Civil War. 2nd ed. Moscow: Iks-Histori, 2015, 368 p. (In Russ.)

5. *Shigalin G.I.* War economy during the First World War. Moscow: Voenizdat, 1956, 332 p. (In Russ.)

6. The World Struggle for Honor and Right. The Study of the War in its True Events, on the official sources and acts. Published with Participation of 70 Assistants by Lieutenant General Max Schwartze. Leipzig; Berlin, 1919–1933, vol. 6, 537 p. (In Germ.)

7. The USA auto industry. *Za rulyom,* 1935, no. 9, p. 6. (In Russ.)

8. The USSR military-industrial complex formation. Ed. A.A. Kol'tyukov; comp. T.V. Sorokin. Moscow: TERRA, 2011, vol. 3, pt. 2. 1933–1937: documents collection, 944 p. (In Russ.)

9. *Popov G.G.* Defeats, which should not have been. The era of the World Wars. Moscow: Algorithm, 2016, 496 p. (In Russ.)

10. *Harrison M.* The economics of World War II: six great powers in international comparison. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998, 57 p.

11. *Shmelev I.P.* The History of the Tank. 1916–1996. Moscow: Tekhnika molodezhi, 1996, 677 p. (In Russ.)

12. *Popov G.G.* Everything for the country defense? On the problem of the USSR preparation for war in the pre-war five-year plans. Terra Ecomomicus, 2012, no. 3, pp. 77–83. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 25.12.2017

DOI: 10.15372/HSS20180105
УДК 533.9-057.4(092)

Н.А. КУПЕРШТОХ

АКАДЕМИК МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ЖУКОВ: СТРАНИЦЫ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, 8

В статье рассматривается деятельность академика М.Ф. Жукова (1917–1998) – выдающегося ученого-механика XX в. Он известен своими результатами в области газоразрядной плазмы, исследований и разработки электродуговых плазмотронов, их применения в космической технике. Инновации М.Ф. Жукова востребованы в металлургии, машиностроении, других научно-технических направлениях. В Сибирском отделении АН СССР М.Ф. Жуков работал практически с первых лет его основания – с конца 50-х гг. XX в. Именно в Сибири М.Ф. Жуков реализовал свой творческий потенциал и вырос в ученого с мировой известностью, организатора науки и наставника молодежи. В честь 100-летия со дня его рождения были организованы международная конференция, семинары, прошли другие мероприятия, свидетельствующие о том, что память об академике М.Ф. Жукове продолжает жить в делах его учеников и последователей.

Ключевые слова: академик М.Ф. Жуков, Центральный аэрогидродинамический институт им. Н.Е. Жуковского (ЦАГИ), Центральный институт авиационного моторостроения им. П.И. Баранова (ЦИАМ), Сибирское отделение АН СССР/РАН, Институт теоретической и прикладной механики им. С.А. Христиановича, Институт теплофизики им. С.С. Кутателадзе.

N.A. KUPERSHTOKH

ACADEMICIAN MIKHAIL FEDOROVICH ZHUKOV: PAGES OF SCIENTIFIC BIOGRAPHY

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaeva str., Novosibirsk, 6300090, Russia

The article studies the activity of Academician M.F. Zhukov (1917–1998), an outstanding scientist-mechanic of the XX century. He is known as a specialist in the field of gas-discharge plasma, electric arc plasmatrons and their application in space technology. Innovations by M.F. Zhukov are successfully used in metallurgy, machine building and other scientific and technical areas.

Mikhail Zhukov was born in 1967 on August 24 (September 6) in a large family of the railway worker in Orel province. Thanks to diligence and the pursuit of knowledge, the provincial young man was able to enter the preparatory department (rabfak) at Moscow State University (MSU). The profession choice was determined by well-known scientist Konstantin Tsiolkovsky, to whom the young man wrote a letter. Training at the Faculty of Mechanics and Mathematics of MSU made it possible for Mikhail Zhukov to receive an excellent education.

During the Great Patriotic War, Mikhail Zhukov worked in Zhukovsky Central Aerohydrodynamic Institute (TsAGI). In 1941–1942 a group of TsAGI's employees headed by Academician Sergei Chaplygin was in evacuation in Novosibirsk. Mikhail Zhukov took part in the combat aircraft improvement. After the war, he continued research on supersonic aviation at the Baranov Central Institute of Aviation Motors (CIAM). In 1950 he defended his thesis and headed the department at this institute. Since 1956, M.F. Zhukov switched to study gas-discharge plasma and the development of powerful electric arc generators of plasma (plasmatrons), which was related to the space industry intensive development.

In 1958, Mikhail Zhukov was invited to work in the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences by Academician Sergei Khristianovich, who proposed to the 41-year-old candidate of sciences to organize a laboratory, and then a department of plasmodynamics at the Institute of Theoretical and Applied Mechanics (ITAM). From 1970 to 1996, the department headed by M.F. Zhukov continued to work in the Institute of Thermophysics (IT), afterward transferred to ITAM again. In Novosibirsk, M.F. Zhukov realized his creative potential and became a scientist with world renown. He defended his doctoral dissertation (1962), was elected a Corresponding Member (1968), Academician of the Russian Academy of Sciences (1992) and

Наталья Александровна Куперштох – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nataly.kuper@gmail.com.

Natalia A. Kupershtokh – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Institute of History SB RAS.

© Куперштох Н.А., 2018

awarded prestigious prizes and awards. Professor M.F. Zhukov taught at Novosibirsk State University and Novosibirsk State Technical University, and brought up a pleiad of students achieving significant results in science.

Key words: Academician M.F. Zhukov, Zhukovsky Central Aerohydrodynamic Institute (TsAGI), Baranov Central Institute of Aviation Motors (CIAM), Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences/Russian Academy of Sciences, Khristianovich Institute of Theoretical and Applied Mechanics, Kutateladze Institute of Thermophysics.

Академик Михаил Федорович Жуков (1917–1998) прожил в XX в. яркую, насыщенную интересными событиями жизнь. Изучение его биографии показывает, что деятельность ученого получила освещение в публикациях широкого спектра, которые представлены на сайте ГПНТБ СО РАН[1]. Для историков науки представляют интерес: биографический очерк [1, с. 82–85]; справочные статьи [2, с. 94–95; 3, с. 147–148], юбилейные статьи[2], воспоминания самого М.Ф. Жукова [1, с. 86–94], воспоминания о нем коллег и учеников[3]. Обращение к документальным источникам позволяет выявить новые факты его биографии, а также внести уточнения в опубликованные материалы. Цель статьи – на основе документальных и других источников изучить социальные условия, которые позволили М.Ф. Жукову получить блестящее образование и раскрыть научный талант в наиболее актуальных направлениях исследований Сибирского отделения РАН.

Михаил Жуков родился 6 сентября (28 августа по старому стилю) 1917 г. в Орловской губернии. В семье рабочего железнодорожной станции Верховье Федора Жукова уже подрастали двое сыновей – Владимир и Иван, а спустя два года после рождения Михаила появился четвертый сын – Николай[4]. После окончания семилетки Михаил поступил в ФЗУ при московском заводе «Шарикоподшипник», где приобрел сразу несколько рабочих специальностей. Способный юноша получил рекомендацию для обучения на рабфаке Московского университета [3, с. 147]. Это открыло перед Михаилом Жуковым новые возможности. Увлекшись астрономией и ракетной техникой, он написал письмо К.Э. Циолковскому с просьбой помочь определиться с выбором профессии. Выдающийся ученый рекомендовал юноше поступать в МГУ на механико-математический факультет [1, с. 82]. Именно на этом факультете М. Жуков обучался в 1935–1941 гг. Решением Государственной экзаменационной комиссии МГУ от 3 июля 1941 г. М.Ф. Жукову присвоена специальность «Механика» и квалификация «научного работника в области механики, преподавателя вуза, втуза, учителя средней школы»[5].

В условиях военного времени выпускника МГУ направили в Центральный аэрогидродинамический институт им. Н.Е. Жуковского (ЦАГИ) в качестве инженера-аэромеханика. Группа сотрудников ЦАГИ во главе с академиком С.А. Чаплыгиным была эвакуирована в Новосибирск, и в 1941–1942 гг. М.Ф. Жуков впервые побывал в городе, в котором ему предстояло жить и работать во второй половине жизни. Здесь под руководством профессора Г.Н. Абрамовича и канд. техн. наук П.В. Черенкова молодой ученый участвовал в проведении предварительных расчетов элементов турбореактивных двигателей для самолетов нового поколения, а также в решении ряда конкретных оборонных задач.

В 1946–1949 гг. М.Ф. Жуков обучался в аспирантуре Московского авиационного института (МАИ) и одновременно работал старшим научным сотрудником в Центральном институте авиационного моторостроения им. П.И. Баранова (ЦИАМ). Начиная с 1947 г., он опубликовал в «Бюллетенях» и «Трудах» ЦИАМ цикл статей по проблемам исследования сверхзвуковых течений газа в решетках[6]. 16 января 1950 г. М.Ф. Жуков защитил кандидатскую диссертацию в МАИ, а через год получил известие ВАК о присуждении ученой степени кандидата технических наук[7].

Исследования в ЦИАМ, по существу, продолжили работу по созданию новых турбореактивных двигателей, начатую в годы войны в Новосибирске. Как начальник отдела, М.Ф. Жуков инициировал работы, которые сыграли большую роль в развитии сверхзвуковой авиации. Сотрудники отдела изучали проблемы обтекания тел различной конфигурации, результаты которых обобщены в сборнике статей «Теоретические и экспериментальные исследования решеток на околозвуковых и сверхзвуковых скоростях» (М., 1952 г.). С 1956 г. научные интересы М.Ф. Жукова переключились на исследования газоразрядной плазмы и разработку мощных электродуговых генераторов плазмы – плазмотронов, что было связано с интенсивным развитием космической отрасли. Научную работу М.Ф. Жуков сочетал с преподавательской деятельностью в вузах Москвы. Он читал лекции по газовой динамике и теоретической механике в Академии авиационной промышленности, Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского, Всесоюзном заочном машиностроительном институте.

Летом 1958 г. один из организаторов Сибирского отделения АН СССР, академик С.А. Христианович предложил 41-летнему кандидату наук М.Ф. Жукову

[1] Сайт отделения ГПНТБ СО РАН. URL: http://prometeus.nsc.ru/science/schools/zhukov/about/ (дата обращения: 20.09.2017 г.).

[2] *Накоряков В., Волчков Э., Миронов В. и др.* Неутомимый труженик науки: к 70-летию чл.-кор. АН СССР М.Ф. Жукова // Наука в Сибири. 1987. 3 сент. № 35; К 80-летию академика М.Ф. Жукова // Теплофизика и аэромеханика. 1997. Т. 4, № 3. С. 351–352.

[3] *Неронов В.А.* Дело его переживет века // Наука в Сибири. 2007. 6 сент. № 34.

[4] Личное дело академика М.Ф. Жукова // Управление кадров Президиума СО РАН. Л. 11.

[5] Там же. Л. 16.

[6] Там же. Л. 22.

[7] Там же. Л. 15.

возглавить в Институте теоретической и прикладной механики (ИТПМ) новое научное направление, связанное с газоразрядной плазмой. По воспоминаниям Михаила Федоровича, «первая ознакомительная поездка в Сибирское отделение состоялась в ноябре 1958 г. Посетив строящийся новосибирский Академгородок, я был поражен масштабом проводимых здесь работ, грандиозностью замыслов и энтузиазмом людей, участвующих в создании нового научного центра» [1, с. 86]. Руководство ЦИАМ согласилось на перевод перспективного сотрудника в новосибирский институт, и с 15 января 1959 г., согласно распоряжению Президиума АН СССР, М.Ф. Жуков был назначен заведующим лабораторией ИТПМ[8]. Михаилу Федоровичу предстояло сформировать и возглавить лабораторию электродуговых разрядов. С этого времени и до конца жизни М.Ф. Жуков работал в СО АН СССР/РАН, а круг его научных интересов был связан с такими проблемами, как газоразрядная плазма и ее устойчивость, приэлектродные процессы, разработка высокоэффективных электродуговых плазмотронов и их использование в высокотемпературных процессах.

Лаборатория вскоре расширилась до отдела. Как отмечал впоследствии академик М.Ф. Жуков, «при организации лаборатории, а затем и отдела плазмодинамики мне хотелось создать такую атмосферу, в которой бы у молодых специалистов, а они прибывали к нам из разных вузов страны, вырабатывался характер с чертами действовать самостоятельно и отстаивать свою точку зрения. В самом существе настоящего ученого должна сидеть дерзкая самостоятельность, желание состязаться с другими» [1, с. 86]. Семинары М.Ф. Жукова отличала атмосфера свободы, демократичности и доверия. «Мозговые атаки» по актуальным проблемам плазмодинамики сыграли конструктивную роль: отдел М.Ф. Жукова занял первые позиции в науке о плазмотронах в Советском Союзе[9]. Семинары положили начало формированию научной школы М.Ф. Жукова. Молодые сотрудники отдела – А.С. Аньшаков, Г.-Н.Б. Дандарон, Г.Ю. Даутов, Л.А. Заклязьминский, М.И. Сазонов, В.Я. Смоляков, В.С. Соколов, А.Н. Тимошевский, Б.А. Урюков и другие выросли в известных ученых – организаторов науки и образования, руководителей новых научных направлений.

Организационные способности М.Ф. Жукова стали основанием для назначения его заместителем директора ИТПМ по научной работе (постановление Президиума СО АН СССР от 14 января 1960 г.)[10], однако вместо координации научной деятельности коллектива ему поручили курировать строительство административного и аэродинамического корпусов института, а также компрессорной станции. Позже эти обязанности перешли к главному инженеру Е.А. Фадееву, а М.Ф. Жуков получил возможность завершить текст докторской диссертации – первой докторской, подготовленной в стенах ИТПМ. Решением ВАК от 22 декабря 1962 г. М.Ф. Жукову присуждена ученая степень доктора технических наук, диплом ВАК выдан 17 февраля 1963 г.[11].

Результаты, достигнутые в изучении плазмы лично М.Ф. Жуковым и его коллективом, позволили в мае 1963 г. организовать в Новосибирске I Всесоюзную конференцию по генераторам низкотемпературной плазмы, которая объединила специалистов по этому научному направлению. В дальнейшем один раз в два года конференция проводилась в Минске, Алма-Ате, Фрунзе, Каунасе и других городах Советского Союза. В ней принимали участие не только советские, но и зарубежные ученые – из США, Канады, Франции, ФРГ, ГДР, других стран. Со временем конференция получила международный статус. XIII Международная конференция «Газоразрядная плазма и ее применение» прошла в сентябре 2017 г. в Новосибирске и была посвящена 100-летию со дня рождения академика М.Ф. Жукова.

М.Ф. Жуков никогда не отделял научный процесс от преподавательской деятельности. Практически сразу после переезда в Новосибирск он стал читать лекции на кафедре газовой динамики Новосибирского университета (НГУ), основанной академиком С.А. Христиановичем. Решением ВАК от 6 февраля 1965 г. М.Ф. Жуков утвержден в ученом звании профессора по этой кафедре[12], а в 1965–1968 гг. являлся заведующим кафедрой газовой динамики НГУ. Вторым вузом Новосибирска, в котором преподавал профессор М.Ф. Жуков, являлся Новосибирский электротехнический институт (НЭТИ, в настоящее время НГТУ), в котором он читал лекции в 1976–1982 гг.

В первой половине 1960-х гг. события в ИТПМ приняли драматический оборот. Из-за неразрешимых противоречий между академиками М.А. Лаврентьевым, председателем СО АН СССР, и С.А. Христиановичем, директором ИТПМ, последний был вынужден уехать в Москву [4, с. 96]. Пока академик М.А. Лаврентьев определялся с кандидатурой нового лидера, институт с апреля 1965 г. по август 1966 г. возглавлял доктор технических наук, профессор М.Ф. Жуков[13]. Основанием для его назначения и последующего избрания директором ИТПМ стали такие качества, как высокий профессионализм, организаторские способности, авторитет и уважение в коллективе.

В августе 1966 г. директором ИТПМ был назначен и впоследствии избран крупнейший специалист в области аэродинамики В.В. Струминский [5]. С его появлением в институте многое изменилось. М.Ф. Жуков вспоминал, что академик Струминский, до этого рабо-

[8] Личное дело академика М.Ф. Жукова // Управление кадров Президиума СО РАН. Л. 136.

[9] *Неронов В.А.* Дело его переживет века.

[10] Личное дело академика М.Ф. Жукова // Управление кадров Президиума СО РАН. Л. 137.

[11] Там же. Л. 17.

[12] Там же. Л. 19.

[13] Там же. Л. 66, 141, 142, 144, 145.

тавший в ЦАГИ, «человек с “ураганным” стилем работы … сразу же приступил к проведению в жизнь расширенной программы работ в области аэродинамики и быстрейшему вводу в строй аэродинамических труб с пониженной турбулентностью. Это неизбежно привело к свертыванию ряда сложившихся перспективных для того времени направлений» [1, с. 91]. Новый директор ИТПМ назначил М.Ф. Жукова своим заместителем. Одновременно Михаил Федорович продолжал руководить отделом плазмодинамики, работа которого теперь была направлена на разработку плазмотронов большой мощности применительно к гиперзвуковым аэродинамическим трубам.

Значимая веха в биографии любого ученого – избрание в члены Академии наук СССР/РАН. Первая попытка по выдвижению кандидатуры М.Ф. Жукова на выборы 1966 г. по специальности «Механика», к сожалению, не увенчалась успехом, хотя в Президиум АН СССР поступило немало положительных отзывов о результатах его научной деятельности. Так, в отзыве Ученого совета Института высоких температур АН СССР отмечалось, что профессор М.Ф. Жуков является одним из ведущих специалистов «в области исследования и разработки процессов, основанных на использовании низкотемпературной плазмы» и заслуживает избрания в члены-корреспонденты АН СССР[14]. Рискнем предположить, что, если бы М.Ф. Жуков был избран в члены Академии в 1966 г., когда он являлся директором ИТПМ, у него появились бы высокие шансы остаться в должности, как минимум, на ближайшие пять лет.

На следующие выборы в АН СССР 1968 г. кандидатуру М.Ф. Жукова выдвинул Объединенный ученый совет по аэродинамике, динамике и прочности летательных аппаратов ИТПМ во главе с академиком В.В. Струминским[15]. На сей раз поддержку ученому оказали ведущие НИУ Сибири (Институт гидродинамики, Институт горного дела, НГУ), Центральной России (Ленинградский институт электромеханики АН СССР), союзных республик (Институт тепло- и массообмена АН БССР, Физико-технический институт АН УзбССР)[16]. В 1968 г. М.Ф. Жуков был избран членом-корреспондентом АН СССР по специальности «Энергетика».

Избрание в члены Академии наук СССР сибирского ученого стало признанием его выдающегося вклада в науку. Как отмечал академик А.К. Ребров, «Михаилу Федоровичу Жукову удалось решить крупнейшую техническую проблему мирового масштаба – разработку и создание плазмотронов – генераторов низкотемпературной плазмы в диапазоне мощностей от ватт до сотен тысяч киловатт практически с любыми рабочими телами. Генераторы плазмы по разработкам М.Ф. Жукова и его многочисленных учеников нашли широчайшее применение для тепловых испытаний в аэрокосмической технике, химических технологиях, материаловедении»[17].

Как известно, академик М.А. Лаврентьев проблему инноваций возводил в ранг крупной государственной задачи. В 1966 г. он добился принятия решения СМ СССР «Об ускорении практического использования результатов научно-исследовательских работ, проводимых научными учреждениями СО АН СССР». Документ определил основные задачи инновационного комплекса – «пояса внедрения». Предусматривалось создание нескольких «министерских» СКБ, работу которого координировало бы Сибирское отделение, а также «соановских» КБ как технологической площадки для конкретных академических институтов. Сотрудники отдела М.Ф. Жукова выступили с поддержкой идеи организации в Новосибирске СКБ «Энергохиммаш» Министерства химического и нефтяного машиностроения, поскольку понимали необходимость более эффективного взаимодействия науки и производства.

СКБ создавалось под научным руководством Института теплофизики СО АН СССР. И это не было случайным. В 1964 г., когда М.Ф. Жуков уже создал плазменное направление в ИТПМ, в Институте теплофизики начались работы по динамике разреженных газов. Одной из проблем этого направления было создание источников высокотемпературного газа для газодинамических и аэрокосмических исследований. Опыт М.Ф. Жукова оказался востребованным для создания плазмотронов низкого давления. Из этого сотрудничества родилась естественная кооперация двух институтов по проблемам низкотемпературной плазмы и высокофорсированному теплообмену.

1970 год стал поворотным моментом в научной биографии М.Ф. Жукова и его коллег. Для того чтобы обеспечить эффективное взаимодействие с СКБ «Энергохиммаш», Президиум СО АН СССР постановлением от 23 февраля 1970 г. предписал сконцентрировать исследования по низкотемпературной плазме в Институте теплофизики (ИТ) и перевести в этот институт чл.-кор. АН СССР М.Ф. Жукова вместе с группой сотрудников из ИТПМ[18]. Самому Михаилу Федоровичу было предложено стать заместителем директора по науке в ИТ, который в то время возглавлял член-корреспондент АН СССР (впоследствии академик) С.С. Кутателадзе, а также возглавить отдел, сформированный из сотрудников двух институтов. По воспоминаниям М.Ф. Жукова, в ИТ с ним перешел практически весь отдел плазмодинамики, а в ИТПМ осталась небольшая группа сотрудников, продолжившая разработку плазмотронов для гиперзвуковых аэродинамических труб [1, с. 91].

Сотрудниками ИТ совместно с СКБ «Энергохиммаш», задачей которого являлась разработка образ-

[14] Личное дело академика М.Ф. Жукова // Управление кадров Президиума СО РАН. Л. 187–188.

[15] Там же. Л. 80.

[16] Там же. Л. 89.

[17] *Неронов В.А.* Дело его переживет века.

[18] Личное дело академика М.Ф. Жукова // Управление кадров Президиума СО РАН. Л. 182.

цов плазменной техники для опытно-промышленных установок, создан ряд многофункциональных плазмотронов, что позволило модернизировать технологические процессы в ряде отраслей промышленности. В Институте теплофизики в 1970-е гг. М.Ф. Жуков уделял особое внимание исследованию многодуговых плазмохимических реакторов и разработке получения ультрадисперсных порошков тугоплавких соединений. Итогом кооперации ИТ и СКБ стала организация первого в стране Центра плазменных упрочняющих технологий в Новосибирске[19].

Событием в научном мире явился подготовленный коллективом М.Ф. Жукова выпуск обобщающих монографий: «Электродуговые нагреватели газа (плазмотроны)» (М., 1973); «Прикладная динамика термической плазмы» (Новосибирск, 1975); других публикаций, работа над которыми началась еще в ИТПМ. Эти публикации изучаются специалистами в области низкотемпературной плазмы, служат теоретической основой для проектирования и изготовления современного оборудования для технологических процессов с использованием плазмы[20]. Особая роль принадлежит М.Ф. Жукову как главному редактору в подготовке и издании 20-томной серии «Низкотемпературная плазма». (В 1990–1996 гг. опубликовано 16 томов, последний том «Генерация низкотемпературной плазмы и плазменные технологии: проблемы и перспективы» был издан в Новосибирске в 2004 г.).

В 1975 г. М.Ф. Жуков избран главным ученым секретарем СО АН СССР. Ему предстояло проработать пять лет в тесном содружестве с академиком Г.И. Марчуком, который в этот период являлся председателем Сибирского отделения. М.Ф. Жуков стоял у истоков зарождения и реализации широкомасштабной комплексной программы «Сибирь» и почти 15 лет руководил в ней крупным разделом «Научные основы создания новых материалов с заданным комплексом свойств и разработка технологий их производства». В 1980 г. в рамках этого инновационного блока удалось согласовать действия около 30 академических и отраслевых НИИ, а состав исполнителей насчитывал более 400 чел.[21] Усилия М.Ф. Жукова как координатора раздела были нацелены на организацию и координацию фундаментальных и прикладных исследований по физике и химии твердого тела, создание новых, в частности, композиционных материалов, разработку новых технологий в машиностроении, промышленности стройматериалов, других отраслях.

М.Ф. Жуков вспоминал о работе в Президиуме СО АН СССР с большой теплотой: «Общение с людьми, со многими институтами, с другими направлениями меня лично обогащало. Я всегда присматривался к тому, что можно использовать для своей работы, своей тематики. И наоборот, привлекал к участию, допустим, в программе «Сибирь» людей из других регионов, знакомых мне по научному общению, своих бывших аспирантов. Время действительно было, хоть и напряженное, но очень-очень интересное»[22].

В 1980–1990-е гг. происходит широкое признание научных заслуг М.А. Жукова как в СССР/России, так и за рубежом. За разработку и создание мощных электродуговых генераторов низкотемпературной плазмы он удостоен Государственной премии СССР (1982 г.). За работу по теме «Теплообмен при высоких температурах» ученый стал лауреатом совместной премии АН СССР и АН Чехословакии (1985 г.). М.Ф. Жуков избран действительным членом (академиком) РАН (1992 г.), почетным членом Инженерной академии (1992 г.), действительным членом Международной энергетической академии (1995 г.). Его плодотворная научная и научно-организационная деятельность отмечена несколькими орденами и медалями.

Круг научно-организационных обязанностей М.Ф. Жукова постоянно расширялся. Он вел большую работу в составе Национального комитета СССР по тепло- и массообмену, Научного совета АН СССР по проблеме «Физика низкотемпературной плазмы», Межведомственной комиссии по внедрению плазменной технологии обработки материалов при Госплане СССР, Научного совета СО АН СССР «Новые материалы и технологии». О том, как ученый мог «состыковать» свою научную, научно-организационную и преподавательскую деятельность, говорит такой пример. В рамках Научного совета «Новые материалы и технологии» в начале 1980-х гг. под руководством М.Ф. Жукова, в ту пору профессора НЭТИ (НГТУ) по совместительству, развернулись исследования по разработке основ высокоэнергетических процессов в машиностроении с участием академических и вузовских ученых. Со временем эти исследования оформились в научную школу НГТУ «Высокоэнергетические процессы в машиностроении», лидерами которой являются профессора В.В. Марусин и О.П. Солоненко[23].

В Институте теплофизики М.Ф. Жуков более 17 лет был заместителем директора по науке и заведующим отделом, который создавался для научного руководства СКБ «Энергохиммаш». Поскольку в силу экономических причин СКБ в 1986 г. преобразовано в Новосибирский филиал «НИИхиммаш» (с 1993 г. – ОАО), на повестку дня остро встал вопрос о современной экспериментальной базе, необходимой для работы отдела М.Ф. Жукова. Однако академик В.Е. Накоряков, который возглавил институт в 1986 г., основные усилия направил на развитие исследований в области

[19] *Накоряков В., Волчков Э., Миронов В. и др.* Неутомимый труженик науки: к 70-летию чл.-кор. АН СССР М.Ф. Жукова // Наука в Сибири. 1987. 3 сент. № 35.

[20] *Неронов В.А.* Дело его переживет века.

[21] Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 10. Оп. 5. Д. 1352. Л. 111.

[22] *Жуков М.Ф.* Три председателя – три этапа: интервью с академиком М.Ф. Жуковым / подг. Ольга Ушакова // Наука в Сибири. 1997. Сентябрь. № 37–38.

[23] Высокоэнергетические процессы в машиностроении. URL: http://www.nstu.ru/science/school/school13.html (дата обращения: 01.12.2017).

теплофизики и физической гидродинамики. По достижении 70-летнего возраста М.Ф. Жуков был освобожден от обязанностей заместителя директора и заведующего отделом, в 1988 г. назначен советником при дирекции ИТ, в 1994 г. переведен в советники РАН[24].

Директор ИТПМ, чл.-кор. РАН (с 2006 г. – академик) В.М. Фомин предложил академику М.Ф. Жукову вернуться в ИТПМ и укрепить потенциал отдела плазмодинамики специалистами института, расширив тематику исследований. Получив согласие М.Ф. Жукова, В.М. Фомин обосновал перед руководством СО РАН необходимость перевода отдела М.Ф. Жукова в составе четырех лабораторий в ИТПМ. Постановление Президиума СО РАН принято по этому поводу 15 июля 1996 г. [1, с. 54].

В июне 1997 г. ИТПМ провел юбилейную сессию, посвященную 40-летию основания института. Ведущие ученые выступили с обзорными докладами о развитии научных направлений в ИТПМ. Академик М.Ф. Жуков в докладе «Итоги исследования термической плазмы и высокотемпературных технологий» представил основные результаты многолетней деятельности сибирских ученых по этой проблеме. 6 сентября 1997 г. научная общественность отметила 80-летие со дня рождения М.Ф. Жукова. Указывалось, что его воспитанники успешно защитили 14 докторских, более 40 кандидатских диссертаций и работают не только в России, но и странах ближнего и дальнего зарубежья.

Михаил Федорович Жуков ушел из жизни 4 декабря 1998 г. В прощальном слове коллег выделено главное: под его руководством в ННЦ создана хорошо известная в стране и за рубежом Российская школа в области генераторов термической плазмы и технологий[25]. В память о выдающемся ученом XX в. учреждены стипендия новосибирской мэрии для аспирантов НГУ и НГТУ, премия для молодых ученых СО РАН. На фасаде здания ИТПМ установлена мемориальная доска. В честь 100-летия со дня рождения академика М.Ф. Жукова в ИТПМ организована международная конференция «Газоразрядная плазма и ее применение»[26] – свидетельство тому, что созданное им научное направление продолжают развивать ученики и последователи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Институт теоретической и прикладной механики: Годы, люди, события / под ред. А.М. Харитонова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 348 с.

2. Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав / отв. ред. В.М. Фомин. Новосибирск: Наука, 2007. 603 с.

3. Ученые Московского университета – действительные члены и члены-корреспонденты Российской академии наук (1755–2004): биогр. словарь / авт.-сост. Ю.М. Канцур. М.: Изд-во МГУ, 2004. 994 с.

4. *Куперштох Н.А.* Деятельность академика С.А. Христиановича по организации научного центра в Сибири // Философия науки. 2004. № 4 (23). С. 77–104.

5. *Куперштох Н.А.* Владимир Васильевич Струминский: страницы биографии // Философия науки. 1999. № 1 (5). С. 70–75.

REFERENCES

1. The Institute of Theoretical and Applied Mechanics: years, people, events. Ed. A.M. Kharitonov. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2000, 348 p. (In Russ.)

2. The Russian Academy of Sciences. The Siberian Branch. Members. Ed. V.M. Fomin. Novosibirsk: Nauka, 2007, 603 p. (In Russ.)

3. The scientists of Moscow University – academicians and corresponding members of the Russian Academy of Sciences (1755–2004). Biographical dictionary. Comp. Yu.M. Kantsur. Moscow: Izd-vo MGU, 2004, 994 p. (In Russ.)

4. *Kupershtokh N.A.* Activities of Academician S.A. Khristianovich on organizing a scientific center in Siberia. *Filosofiya nauki,* 2004, no. 4, pp 77–104. (In Russ.)

5. *Kupershtokh N.A.* Vladimir Vasilievich Struminskiy: pages of biography. *Filosofiya nauki,* 1999, no. 1, pp. 70–75. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.01.2018

[24] Личное дело академика М.Ф. Жукова // Управление кадров Президиума СО РАН. Л. 4.

[25] Академик Жуков Михаил Федорович [некролог] // Наука в Сибири. 1998. Декабрь. № 47–48.

[26] XIII Международная конференция «Газоразрядная плазма и её применение», посвящённая 100-летию со дня рождения академика Михаила Федоровича Жукова. 5–7 сентября 2017 г., Новосибирск, Россия. URL: http://www.opf.nsu.ru/ru/content/xiii (дата обращения: 20.09.2017).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20180106
УДК 314.12 (314.148)

Л.Н. СЛАВИНА

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ В ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева,
РФ, 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

В статье сделана попытка внести вклад в формирование теоретико-методологической базы историко-демографических исследований, а именно изучения истории населения России XX – начала XXI в. Чтобы преодолеть сегодняшний ее недостаток – состояние фрагментированности (что затрудняет видение развития населения как целостного процесса с его внутренней детерминацией, но при этом активно взаимодействующего со всеми сферами общества и являющегося его основой), автор предлагает применять многослойный теоретико-методологический подход. Он опирается на полидисциплинарную методологическую конструкцию, состоящую из представлений макро-, мезо- и микроуровней. Каждый из них обеспечивает решение собственных задач. Основу методологии составляет теория модернизации. Подходы, принципы, методы и процедуры исследования заимствованы из разных наук. Приведены аргументы в пользу превращения исторической демографии в мультипарадигмальную науку.

Ключевые слова: население, историческая демография, теоретико-методологическая основа, теория модернизации, демографическая модернизация.

L.N. SLAVINA

ON THE ISSUE OF FORMING THE THEORETICAL-METHODOLOGICAL BASE IN HISTORICAL DEMOGRAPHY RESEARCH

Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V.P. Astafiev
89, Ada Lebedeva str., Krasnoyarsk, 660049, Russia

The article subject is the problems of forming the theoretical-methodological base in historical demography research. Its present state hinders the vision of population demographic development as an integral autonomous process having own internal determinants, and at the same time affecting actively all social processes. The paper objective is to overcome this constraint and to propose a variant of this base for studying the population history of Russia in the XX–XXI centuries. The author shows that the multifaceted nature of the research object – the population in a historical context – requires a multi-layered theoretical-methodological approach and a multi-disciplinary methodological design consisting of macro-, meso- and micro-level representations. Each of them provides a solution to their own problems. The basis of the macro-level methodology is the theory of modernization. It interprets the essence of all processes taking place in the society and explains the features of this or that period in the history of the country where the population in question lives. The meso-level methodology is formed on the basis of theories and concepts that treat development

Славина Людмила Николаевна – д-р ист. наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, e-mail: 200146@mail.ru.
Lyudmila N. Slavina – Doctor of Historical Sciences, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev.

© Славина Л.Н., 2018

processes of the actual population, all forms of its movement – natural, spatial, social. The task of this level is to determine the population place in the society, to explain the patterns of changes occurring in it, their directions and driving forces, the nature of interaction of population processes with other spheres of society and between each other. The micro-level methodology consists of concepts and categories of sciences that treat certain aspects of the particular population development (inhabitants of villages, cities, regions, etc.). A special level of methodology consists of approaches, principles, methods and procedures, borrowed from different sciences.

Key words: population, historical demography research, theoretical-methodological base, modernization theory, demographic modernization.

Рост актуальности изучения населения России в постсоветские десятилетия вызвал «взрыв» публикаций, в том числе историко-демографических. Труды историков в большинстве своем имеют общий недостаток – недооценку значимости теоретико-методологической основы в исследованиях и, соответственно, слабую ее проработку. Этот недостаток проявляется, прежде всего, в фрагментированности историко-демографических исследований, особенно посвященных советскому и постсоветскому периодам. Как правило, их результаты не представляются в виде целостной картины, где народонаселенческие процессы рассматривались бы как автономные, с присущими им внутренними (имманентными) импульсами развития, но в то же время во взаимосвязи и взаимозависимости с другими процессами в обществе, с определением качества и значения этих связей. Фрагментированность исследований настолько распространена, что даже обобщающие работы пишутся в форме очерков. Пример тому – фундаментальный труд по истории населения России XX в., созданный в Институте российской истории РАН [1].

Цель автора статьи – внести лепту в преодоление отмеченного недостатка и предложить свое видение теоретико-методологической базы для историко-демографических исследований населения России XX – начала XXI в., ни в коем случае не претендующее на универсальность. Эта попытка предпринята для преодоления нынешней мозаичности в изучении процесса развития населения и рассмотрения этого процесса как органической части общего развития страны. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что указанный период – особый в истории населения России. Он отмечен модернизацией демографической сферы, поэтому его анализ нуждается в соответствующем методологическом обеспечении. Предлагаемый вариант теоретико-методологической базы изложен в докторской диссертации автора [2, с. 47–59], рассмотрим его основные положения.

Исходной методологической установкой выступает признание населения основой и субъектом общественной жизни, а его воспроизводство и развитие – доминантой исторического процесса. Это позволяет поместить население в центр исследования и считать изменения всех его характеристик базовыми историческими событиями.

Население необходимо изучать непременно в историческом контексте. Если предметом «чистой» демографии является собственно воспроизводство населения, то историки обязаны связывать этот процесс, в его ретроспективном измерении, с событиями, происходящими во всех сферах общества. Безусловно прав В.А. Исупов, считающий, что именно отражение их взаимосвязи и взаимозависимости – суть предмета исторической демографии [3, с. 82].

Многоаспектность объекта изучения – населения в историческом «интерьере» – требует «многослойного» теоретико-методологического подхода и использования полидисциплинарной методологической конструкции, включающей представления макро-, мезо- и микроуровня. Каждый уровень обеспечивает решение «своих» задач, а присущая современной науке идейно-теоретическая конвергенция позволяет заимствовать для этого сочетающиеся и дополняющие друг друга компоненты из разных концепций и подходов.

Представления *макроуровня* обеспечивает *теория модернизации*. Она является фундаментом работы, так как трактует все происходящие в обществе процессы, выявляет особенности того периода истории, в котором живет изучаемое население, дает представление как о факторах, воздействующих на его развитие, так и об обратном влиянии демографических изменений на все сферы общества. Эта теория уже более четверти века успешно применяется в качестве методологической основы в трудах о населении России конца XIX – начала XX в. (Б.Н. Миронов, В.А. Зверев и др.). К сожалению, накопленный ценный опыт слабо используется в исследованиях населения советского и постсоветского периодов.

Известно, что за рубежом, особенно в англоязычной литературе, история России XX–XXI вв. чаще всего трактуется сегодня с позиций *теории модерности* – сколь популярной, столь и дискуссионной. Она не получила распространения в российской гуманитаристике. У нас эту роль играет теория модернизации, которую тоже признают не все. А некоторые исследователи пытаются дополнить ее другими теоретическими конструкциями, например, *теорией множественности современностей* (*multiple modernities*) [4]. Но теория модернизации доказала свою эффективность в качестве инструмента познания российской истории XX–XXI вв. На ее основе создана (В.В. Алексеевым, И.В. Побережниковым и др.) и успешно апробирована в конкретно-исторических исследованиях регионально-ориентированная модель анализа исторических изменений, учитывающая специфику развития отдельных территорий (см., напр.: [5]).

Ключевыми понятиями этой теории являются *модернизация* и *урбанизация*. Под модернизацией понимается всеобъемлющий процесс трансформации традиционного общества в современное. Модернизация, будучи универсальным явлением, выступает в разных национально-страновых вариантах. Специфику российского

варианта отражают ряд концепций, например, *консервативной модернизации* А.Г. Вишневского. Согласно его взглядам, модернизация в России отличается асинхронностью ритмов субпроцессов, поскольку они задавались не только исходившими из общества внутренними импульсами, но и внешними воздействиями, прежде всего политикой государства. В результате быстрые технико-технологические перемены обеспечивались за счет консервации многих основополагающих звеньев традиционного социального устройства (см., напр.: [6]).

Советский вариант модернизации иногда называют *контрмодернизацией,* под которой понимается развитие ее «не по западному образцу» [7, с. 70–74]. Учет политических аспектов *парадигмы контрмодернизации* углубляет представление о специфических чертах советской модернизационной модели, важнейшей из которых было проникновение государства во все (включая демографическую) сферы жизни общества и каждой личности, но в разное время в разной степени.

Важнейшим рычагом и продуктом модернизации является урбанизация. Она трактуется как многосторонний процесс «повышения роли города в жизни всего общества», включая деревню [8, с. 534–538]. Сущность ее советского варианта раскрывает *антропокультурная* парадигма, согласно которой урбанизация в СССР была лишь «побочным продуктом» индустриализации, человек с его потребностями и возможностями не составлял основу урбанизационного процесса, а являясь «винтиком» в государственной машине, был лишь «пристегнут» к нему. Результатом стало нарастание противоречий между радикальными количественными (концентрация населения в городах) и слабыми качественными (приобщение людей к городской культуре) переменами, что свидетельствует о «неполноценности российской модели урбанизации» [9, с. 101–113].

Изменения в демографической сфере должны рассматриваться как органическая часть общей модернизации страны/региона, как ее субпроцессы. Их смысл заключался в утверждении современных (урбанистических) ценностей, норм и жизненных стандартов в качестве универсальных и у городских, и у сельских жителей. Население меняло все виды поведения (демографическое, миграционное и т.д.), в результате трансформировался режим его воспроизводства, все структуры и категории (мужская и женская популяции, общественные группы и т.д.), формировались новые субъекты демографического и, шире, исторического процесса.

Перемены в самом населении интерпретирует методология *среднего (мезо-)* уровня, сформированная на основе *теории народонаселении*. Собственно, в чистом виде такой теории нет. Под нею в демографии понимается система научных знаний (теорий и концепций), трактующих процессы развития населения и методологических подходов к их изучению [8, с. 525]. В совокупности они определяют место населения в обществе, объясняют происходящие в нем закономерные изменения, их направление и движущие силы, характер взаимодействия между отдельными народонаселенческими процессами, а также между ними и остальными сферами общества.

Подбор теорий и концепций для этого уровня диктуется подходом к предмету исследования: узким, который предполагает анализ только естественного движения населения (его физического воспроизводства), или широким, изучающим еще два вида движения – пространственное и социальное. Для историков предпочтительнее широкий подход, так как предметная область их исследований намного шире, чем у «чистых» демографов. История населения не может сводиться только к процессу «возобновления человеческой популяции», полное представление о ней дает анализ только всех народонаселенческих процессов в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Соответственно лишь *трехчастная модель* реконструкции процесса развития населения (по числу форм его движения) адекватно отражает объект изучения в исторической демографии.

Анализ каждого из трех видов движения населения проводится на основе теорий и концепций, разработанных (или адаптированных) в рамках теории народонаселения. При этом учитывается, что среди них практически нет общепризнанных, что все они в разной степени являются дискуссионными. Это требует внимательного отношения к их выбору и подкрепления конкретно-историческим материалом.

Естественное движение интерпретирует *теория демографического перехода – транзиции (ТДП)* в трактовке А.Г. Вишневского, относящаяся к числу наиболее авторитетных социальных теорий и не без основания претендующая на роль *общей теории* в демографии [10, с. 6–33; 11, с. 6–23]. Она позволяет выйти за рамки описательно-статистического подхода и объяснить естественное движение населения в контексте исторической обусловленности. Демографический переход трактуется как одна из сторон «качественной перестройки всего общественного организма, включает в себя не только изменения интенсивности демографических процессов, но и общих условий, детерминирующих демографическое поведение людей и механизмов, с помощью которых осуществляется эта детерминация, и того места, которое занимает воспроизводство населения в жизни общества» [12, с. 7].

ТДП интерпретирует не только количественные показатели динамики рождаемости, смертности и т.д., но и внутреннюю структуру качественных демографических перемен. Так, она акцентирует внимание не столько на снижении смертности, сколько на изменении структуры ее причин в разных возрастах, что в совокупности и обеспечивает конечный результат. В рождаемости главным считается не снижение ее уровня, а то, что его определяют уже не традиции, а свобода выбора индивидом числа и времени рождения детей.

При использовании ТДП обязателен учет представлений о демографическом переходе как части модернизации общества: в частности, о его деструктивно-конструктивной форме; о наличии эффективного механизма регулирования рождаемости и смертности; о скачкообразном изменении в процессе перехода в со-

отношении экзо- и эндогенных факторов смертности, а затем рождаемости; о повышении ценности детей в семье благодаря «детоцентризму» родителей; о революционном обновлении культурных и поведенческих норм; о периодизации демографического перехода (в том числе возможности существования в нем депрессивной фазы); о необходимости определения *типа* перехода, осуществляемого изучаемым населением, и т.д.

Демографический переход в России, как известно, имеет специфику. В.Б. Жиромская определила его как *прерывный* (интераптивный) [1, с. 269]. Разделяя эту оценку, В.И. Исупов уточнил его региональный (сибирский) характер, назвав *«мерцающим»* [13, с. 7]. Оба определения базируются на прочной базе конкретно-исторических исследований и не вызывают возражений. Но это не исключает необходимости дальнейшего изучения этого перехода.

Интерпретация отдельных процессов естественного движения населения базируется на конкретизирующих ТДП теоретико-методологических представлениях. Например, при анализе рождаемости используются такие теории и концепции, как *демографический гомеостаз*, *репродуктивное поведение*, *определяющая роль занятости женщин в общественном производстве, историческое уменьшение потребности в детях* и т.д.

Изучение смертности опирается на концепцию *исторических типов смертности* [8, с. 448–454]. Суть этой концепции в том, что параметры смертности населения, которые определяются влиянием эндогенных и экзогенных факторов, на разных исторических этапах различны вследствие разного соотношения силы воздействия этих факторов. При переходе к индустриальному, а потом к постиндустриальному обществу растет защищенность людей от неблагоприятных экзогенных факторов и увеличивается уязвимость от эндогенных и квазиэндогенных (факторов накопленного действия), а также внешнего воздействия (травматизма, насилия и т. п.).

Теорию демографического перехода (и исторических типов смертности) конкретизирует органично связанная с ней концепция *эпидемиологического перехода* А. Омрана, объясняющая изменение уровня смертности и рост ожидаемой продолжительности жизни поколений радикальным изменением причин смерти в *разных* группах населения вследствие модернизации [14, с. 731–757]. По детерминантам, характеру и темпам развития выделяются две модели эпидемиологического перехода: *классическая* – ускоренная (западная) и *современная* – замедленная (свойственная развивающимся странам с высокой младенческой и детской смертностью). Российская модель в разное время меняла характер, и это необходимо учитывать.

Для оценки развития семейно-брачных отношений (и тенденций рождаемости) используется концепция *двух типов брачности* [8, с. 30–36], в частности, понятие *европейского типа* брачности Дж. Хаджнала [15, с. 14–70]. При изучении этих проблем не следует игнорировать также концепцию *второго демографического перехода* ван де Каа, которая объясняет суть трансформации брачно-семейных отношений и института семьи, фокусируя внимание на изменениях в сексуальном, брачно-семейном и репродуктивном поведении населения развитых стран в последние 50–60 лет [10, с. 18–21; 16, с. 731–757]. Возможность применения ее к российским реалиям, проблемы соотношения второго перехода с первым, который именуется просто демографическим переходом, и другие сюжеты сейчас активно обсуждаются и требуют подкрепления конкретным материалом [4, с. 34–56].

Пространственное движение населения изучается с помощью *теории миграционного процесса* [8, с. 230], которая выделяет в миграции три стадии – подготовку к ней, собственно переселение и адаптацию мигрантов на новом месте. Теория конкретизируется *концепцией мобильного (миграционного) перехода* В. Зелински, созданной на основе ТДП (см., напр.: [17]). Считается, что при трактовке миграций в России на основе этой концепции возникают трудности, вызванные многообразием их побудительных причин и усложненные местной спецификой. Но несмотря на недостаточную адаптированность этой концепции к российским реалиям, она все же удобна для изучения внутренних миграций. При использовании ее для интерпретации реальных переселений нужно проследить соответствие фаз демографического и миграционного переходов и установить, в каких фазах переходов находится изучаемое население. Представляется продуктивным обращение к анализу миграции во взаимодействии с концепциями урбанизации («урбанизационного перехода», «псевдоурбанизации» и т.д.). Сравнительно новая концепция *третьего демографического перехода* Д. Коулмена пытается связать миграции и процессы рождаемости в местах массовой иммиграции [10, с. 21–25]. В ее адаптации к российским реалиям успехов пока не отмечено. Необходимы конкретные исследования, чтобы доказать правомерность или ошибочность оценки третьего демографического перехода как события не универсального, а затрагивающего только развитые страны с низкой рождаемостью.

Самое сложное и качественно разнообразное *социальное* движение, не имеющее единого определения в науке и трактуемое в широком и в узком значениях слова, в системе знаний о населении принято рассматривать как совокупность изменений всех *структур (составов*) изучаемых общностей, вызванных их *социальной мобильностью* (*социальной подвижностью, социальными перемещениями*). Понятие *социальной мобильности*, предложенное П. Сорокиным, обозначает любой переход индивида (социального объекта) из одной социальной позиции в другую. Используются его классификация социальной мобильности по основным типам и *теория социальной мобильности* [18, с. 373–375; 8, с. 462–466], исходным положением которой является признание наличия в обществе разных социальных групп и постоянных переходов между ними, которые и формируют мобильность населения. Различаются *вертикальная* социальная мобильность

и *горизонтальная.* И та, и другая отражаются в динамике соответствующих структур населения. Все структуры трактуются как *социальные*, поскольку за каждой скрываются сложные связи и отношения (экономические, демографические и др.) на разных уровнях (от индивида до общества в целом).

Поскольку все структуры населения – это количественно выраженные проекции общественных отношений, остро стоит проблема границ между понятиями *структура населения* и *структура общества*. Общепринятого разграничения между ними нет, но в историко-демографических работах обычно анализируется структура не *общества*, имеющая намного более сложный характер, а *населения.* Понятие структуры (состава) населения тоже трактуется двояко: в узком смысле – как распределение людей по полу и возрасту (демографическая структура), в широком – по всем возможным признакам (пространственно-расселенческая, брачная, семейная, этническая и т.д.).

Интерпретация характера динамики структур населения базируется на совокупности теорий и концепций, укладывающихся в рамки теории модернизации. Тенденции изменений в возрастно-половой структуре трактуют концепции *демографического старения* населения в условиях демографического перехода и *типов возрастных структур (прогрессивный, стационарный и регрессивный)*; в пространственно-расселенческой – концепция *урбанизации*, которая определяет территориальную концентрацию населения, исходя из сущностного признака урбанизационного процесса; в этнической – концепции этнических процессов, прежде всего *ассимиляции* и *трансформации*.

Экономическая структура анализируется в рамках концепции *индустриальной модернизации* общества через *отраслевую структуру занятости*. Тенденции ее динамики трактуются как результат действия внешних по отношению к населению перемен в структуре народного хозяйства и внутренних – сдвигов в установках и ориентациях людей. Отраслевая структура оценивается как *социально*-экономическая. Изменения в ней считаются одним из главных индикаторов модернизации (переход от аграрной занятости к индустриальной), а перемены в характере труда (особенно у женщин) напрямую связываются с демографическим переходом и оцениваются как один из его главных факторов.

Образовательная структура населения, базирующаяся на двух признаках – уровнях общей и профессиональной подготовки, оценивается с позиций предложенной ООН концепции *развития человеческого потенциала* и его индикатора – *индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)* [8, с. 150]. В последние годы чаще стало использоваться комплексное понятие *человеческого капитала,* в котором показатели образованности выступают в числе базовых для индивида и общества.

При анализе социальной структуры населения России надо иметь в виду, что два фактора – политика государства и индустриализация – более других стимулировали социальную мобильность и оказывали влияние на динамику структур россиян, на видоизменение социальных слоев и групп. Необходим и обратный учет влияния структур на демографические и миграционные процессы, так как дифференциация интенсивности этих процессов сохранялась по социальным группам.

Синтез теорий и концепций мезоуровня позволяет интегрировать в единое целое знания о разных сторонах развития населения, построить его цельную модель и согласовать ее с базовой теорией модернизации.

Методологию *микроуровня* составляют концепции и категории наук, позволяющие изучать разные группы населения (горожан, сельчан, жителей регионов и т.д.) и отдельные процессы их развития. Анализ таких объектов должен начинаться на основе теорий и концепций мезоуровня, но он недостаточно конкретен. Требуется использовать «составляющие» их концепции и привлекать методологические конструкции из других наук. Например, для изучения сельских жителей плодотворны идеи *крестьяноведения,* начиная с его базового понятия *раскрестьянивания*, раскрывающего сущность и основные формы модернизационной трансформации сельчан в исторической ретроспективе. Такой синтез обеспечивает системный взгляд на изучаемую популяцию с учетом ее связей с остальным населением, а также решение проблемы общего и особенного во всех измерениях.

Особыми компонентами теоретико-методологической основы являются применяемые в ходе исследования и при трактовке его результатов *подходы* (междисциплинарный, модернизационный, структурно-функциональный, комплексный и системный, ретроспективный, факторный и т.д.)*, принципы* (проблемный, историзма, региональных исследований, разносторонней наблюдаемости и т.д.) и *методы* – общенаучные (абстракции, индукции и дедукции, анализа и синтеза, измерения, сравнения, обобщения, классификации, экстраполяции и т.д.) и специальные – *исторические* (проблемно-хронологический, типологический, генетический, ретроспективный, сравнительный)*, демографические* (продольного и поперечного анализа, передвижки по возрастам, стандартизации демографических коэффициентов и пр.). К*оличественные* методы – *общие* и *статистико-демографические* – выступают в качестве основных в исторической демографии России XX – начала XXI в., так как ее базовым источником является демографическая и социальная статистика. К числу *приемов* изучения населения относится построение *историко-статистических моделей, динамических рядов*, выраженных в таблицах. Демографические события измеряются, прежде всего, *коэффициентами*. В статистических показателях отражается поведение населения, определяющее его физическое и социальное воспроизводство – *матримониальное, витальное*, *репродуктивное*, *миграционное, социализирующее* и пр.

Синтез вышеописанных теорий и концепций разных уровней обобщения дает «ключ» к пониманию сущности развития населения, помогает конкретизиро-

вать объект, предмет, цели и задачи историко-демографического исследования, а совокупность избранных процедур позволяет полноценно выполнить такое исследование, преодолеть односторонность и интерпретировать народонаселенческие процессы в единстве как многогранный процесс, тесно взаимосвязанный со всем обществом.

В заключение укажем, что предложенный нами вариант концептуально-методологической базы исследования уже использовался в ряде конкретно-исторических работ и получил положительную оценку (см., напр.: [19; 20; 21]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3, кн. 1: 1960–1979. 304 с.

2. *Славина Л.Н.* Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.): дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск. 2010. 453 с.

3. *Исупов В.* Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 82–92.

4. *Клупт М.А.* Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 1. С. 34–56.

5. *Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века. М.: Наука. 2004. 600 с.

6. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 431 с.

7. *Красильщиков В.А.* Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М.: ИНФОМАРТ, 1994. 116 с.

8. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М.: БРЭ. 1994. 640 с.

9. *Пивоваров Ю.Л.* Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.

10. *Вишневский А.* Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 1. С. 6–33.

11. *Зверева Н.* Демографический переход: спор о теориях разного уровня // Демографическое обозрение. 2015. № 1. С. 6–23.

12. *Вишневский А.* Избранные демографические труды. М.: Наука. 2005. Т.1: Демографическая теория и демографическая история. 368 с.

13. *Isupov V.* Demographic Transition in North Asia: Paradoxes of History // Eurasia Twenty Years After. Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, Kolkata, 2012. P. 553–565.

14. *Omran A.R.* The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // The Milbank Quarterly. 2005. Vol. 83(4). P. 731–757.

15. *Хаджнал Д.* Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость и семья за три века / под ред. А.Г. Вишневского, И.С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 14–70.

16. *Van de Kaa D.J.* Demographic transitions // Yi. Zeng, ed. Encyclopedia of life support systems (EOLSS). Demography. Oxford: Eolss Publishers. 2010. Vol. 1. P. 65–103.

17. *Zelinsky Wilbur.* The hypothesis of the mobility transition // Geographical Review. Apr., 1971. Vol. 61, N 2.

18. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с.

19. *Корнилов Г.Г., Корнилов Г.Е., Михалев Н.А., Оруджева А.Г.* Население Урала в XX веке: историко-демографический анализ. Екатеринбург: АМБ, 2013. 360 с.

20. *Жеребцов И.Л.* Рецензия на коллективную монографию: Население Ямала в XX веке: историко-демографический анализ / Корнилов Г.Г., Корнилов Г.Е. и др. Екатеринбург: АМБ. 2013. 360 с. // Уральский исторический вестник. № 3 (48). 2015. С. 129–131.

21. *Журавлева В.А.* Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2016. 36 с.

REFERENCES

1. Population of Russia in the XX century: historical essays: in 3 vols. Moscow: ROSSPEN, 2005, vol. 3, bk. 1. 1960–1979, 304 p. (In Russ.)

2. *Slavina L.N.* The rural population of East Siberia (1960–1980s): doctor. dissertation. Novosibirsk. 2010, 453 p. (In Russ.)

3. *Isupov V.* The epidemiological transition in Russia: a historian's view. *Demographicheskoe obozrenie,* 2016, vol. 3, no. 4, pp. 82–92. (In Russ.)

4. *Klupt M.A.* Paradigms and oppositions of modern demography. *Demographicheskoe obozrenie,* 2014, vol. 1, no. 1, pp. 34–56. (In Russ.)

5. *Alekseyev V.V., Alekseyeva E.V., Zubkov K.I., Poberezhnikov I.V.* Asiatic Russia in geopolitical and civilizational dynamics of the XVI–XX centuries. Moscow: Nauka, 2004, 600 p. (In Russ.)

6. *Vishnevskii A.G.* A sickle and a rouble: conservative modernization in USSR. Moscow: GU-VShE, 2010, 431 p. (In Russ.)

7. *Krasilshchikov V.A.* Modernization: foreign experience and Russia. Moscow: INFOMART, 1994, 116 p. (In Russ.)

8. Populaion: encyclopedic dictionary. Moscow: BRE, 1994, 640 p. (In Russ.)

9. *Pivovarov Yu.L.* Russian urbanization in the XX century: ideas and reality. *Obshchestvennie nauki i sovremennost'*, 2001, no. 6, pp. 101–113. (In Russ.)

10. *Vishnevskiy A.* The demographic revolution is changing the reproductive strategy of homo sapiens. *Demographicheskoe obozrenie*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 6–33. (In Russ.)

11. *Zvereva N.* The demographic transition: a debate on theories of different levels. *Demographicheskoe obozrenie,* 2015, vol. 2, no. 1, pp. 6–23. (In Russ.)

12. *Vishnevskiy A.* Selected demographic works. Vol. 1. The demographic theory and demographic history. Moscow: Nauka, 2005, 368 p. (In Russ.)

13. *Isupov V.* Demographic transition in North Asia: paradoxes of history. *Eurasia twenty years after*. Kolkata, 2012, pp. 553–565.

14. *Omran A.R.* The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change. *The Milbank Quarterly.* 2005, vol. 83, no. 4, pp. 731–757.

15. *Hajnal J.* European marriage patterns in perspective. *Brachnost', rozhdaemost' i sem'ya za tri veka.* Moscow, 1979, pp. 14–70. (In Russ.)

16. *Van de Kaa D.J.* Demographic transitions. *Encyclopedia of life support systems (EOLSS). Demography.* Oxford, 2010, vol. 1, pp. 65–103.

17. *Zelinsky W.* The Hypothesis of the Mobility Transition. Geographical Review, 1971, vol. 61, no. 2.

18. *Sorokin P.* Man. Civilization. Society. Moscow: Politizdat, 1992, 542 p. (In Russ.)

19. *Kornilov G.G., Kornilov G.E., Mihalev N.A., Orudgeva A.G.* Yamal population in the XX century: a historical-demographic analysis. Ekaterinburg: AMB, 2013, 360 p. (In Russ.)

20. *Zherebtsov I.L.* Review of *Kornilov G.G., Kornilov G.E., Mihalev N.A., Orudgeva A.G.* Yamal population in the XX century: a historical-demographic analysis. Ekaterinburg: AMB. 2013, 360 p. *Ural'skii istoricheskiy vestnik,* 2015, no.3, pp. 129–131. (In Russ.)

21. *Zhuravleva V.A.* The Ural urban population in 1920–1930s: a historical-demographic analysis: doctor. dissertation theses. Ekaterinburg. 2016, 36 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 19.01.2018

DOI: 10.15372/HSS20180107
УДК 94(470.55)″1920/1923″ + 314.42(470.55)

В.А. ЖУРАВЛЕВА

СМЕРТНОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА ОТ ИНФЕКЦИОННЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В 1920–1923 гг.

Филиал Южно-Уральского государственного университета
(национального исследовательского университета) в г. Златоусте
РФ, 456209, Челябинская обл., г. Златоуст, ул. Тургенева, 16

В статье анализируется демографическая ситуация в городах Урала после Гражданской войны. Она характеризовалась высокой смертностью населения, определялась как демографическая катастрофа и была обусловлена остроинфекционными заболеваниями, осложненными недоеданием, голодом и принявшими форму эпидемий. Показаны основные причины ухудшения эпидемиологической обстановки в регионе: разрушение городского хозяйства и системы здравоохранения в ходе Гражданской войны, перемещение огромных масс людей по транспортным путям Урала вследствие голода начала 1920-х гг. Основными направлениями деятельности городских властей по снижению смертности стали создание чрезвычайных органов по борьбе с инфекциями, восстановление медицинских кадров, изоляция больных, организация изоляционно-пропускных пунктов на транспорте, прививочные кампании, санитарная очистка городов, привитие населению гигиенических навыков. Эти меры позволили снизить смертность и добиться естественного прироста населения.

Ключевые слова: историческая демография, Урал, городское население, эпидемия, сверхсмертность, причины смерти, демографическая катастрофа, здравоохранение.

V.A. ZHURAVLEVA

URBAN POPULATION MORTALITY FROM INFECTIOUS DISEASES IN THE URALS IN 1920–1923

Zlatoust branch of South Ural State University
(National Research University),
16, Turgenev str., Zlatoust, Chelabinsk region, 456209, Russia

The article analyzes the demographic situation in the Ural cities after the Civil War, which was characterized by the population super death-rate exceeding the birth rate, and was defined as a demographic catastrophe. The author identifies main causes of increased mortality – infection diseases (typhoid, cholera, dysentery), which were complicated with malnutrition and hunger in the form of epidemics. The paper shows main reasons for the epidemiological situation's sharp deterioration in the region: municipal economy's and health care system's destruction during the Civil War, movement of the large amount of population along the Ural transportation routes due to the famine in the early 1920s. The public health care authorities tried to control infections, but they experienced enormous difficulties, their financial resources were limited. Extraordinary bodies (Chekatif, Chekahol and others) with dictatorial powers were founded in the Ural cities. They centralized the epidemics control. Sanitary supervision was established in the cities. The main municipal authority activities to overcome the infections were medical personnel restoration, expanding hospital bed stocks to isolate infectious patients, organizing insulating-crossing points on transport, carrying out a campaign on the population vaccination, measures to clean up cities from dirt and debris, supervision of food products, spreading basic hygiene skills among the population through health education work. These measures allowed reducing the mortality in 1923 sharply and obtained the urban population natural growth. It was the evidence that the Ural cities overcame the demographic catastrophe.

Key words: historical demography, Urals, urban population, epidemic, supermortality rate, death causes, demographic catastrophe, public health.

Вера Анатольевна Журавлева – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры «Социально-правовые и гуманитарные науки», филиал Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) в г. Златоусте, e-mail: zhuravlvera@yandex.ru.

Vera A. Zhuravleva – Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of the Socio-legal science and humanities department, The Zlatoust Branch of South Ural State University (national research university).

© Журавлева В.А., 2018

Для Урала последствия Гражданской войны оказались крайне тяжелыми. Хозяйство региона было разрушено, что негативно сказалось на жизненном уровне населения. Положение еще больше ухудшилось в связи с засухой и неурожаем 1921 г. Все это негативно повлияло на динамику численности городского населения края. За период между переписями населения 1920 и 1923 гг. она сократилась на 12,4 %[1]. В 1926 г. Уральский областной отдел здравоохранения (Уралоблздравотдел) охарактеризовал сложившуюся ситуацию как демографическую катастрофу[2]. Уменьшение численности городских жителей произошло из-за возросшей смертности людей, превысившей рождаемость. По подсчетам пермского статистика М. Антонова, в Перми она составила в 1920 г. 67,2 $^0/_{00}$, в 1921 г. – 71,6, а в 1922 г – уже 98,8 $^0/_{00}$ [1, с. 57]. Такая ситуация сложилась и в других городах. Смертность повсеместно превысила рождаемость и привела к убыли городского населения. Так, в Перми она достигла в 1920 г. 35,4 $^0/_{00}$, в 1921 г. – 30,4, 1922 г. – 70,6 $^0/_{00}$ [1, с. 57], в Златоусте в 1921 г. – 2,9 $^0/_{00}$[3]. Уездно-городской ЗАГС Екатеринбурга констатировал превышение смертности над рождаемостью в декабре 1921 г. в 407 чел., а в апреле 1922 г. – уже в 893 чел. [2, с. 127]. В 1922 г. В Красноуфимске и его уезде убыль населения достигла 564 чел.[4].

Основной причиной сверхсмертности городского населения Урала в начале 1920-х гг. стали инфекционные заболевания. Они приняли такие размеры, что Уралоблздравотдел вынужден был направить на места специальную инструкцию об обязательном представлении еженедельных данных по основным инфекциям с начала 1921 г.[5] Особую опасность представляли тиф, холера, дизентерия. В Златоусте эпидемия тифа началась с февраля 1920 г., болезнью были охвачены целые улицы города. В первый месяц эпидемии летальность заболевших составила 14 %[6]. В Кургане в 1920 г. эпидемия паразитарного тифа получила такой широкий размах, что городские власти вынуждены были все свои усилия направить на борьбу с ней, поэтому в городе некому было вести статистический учет заболевших и умерших. В Перми эпидемия тифа не прекращалась в течение четырех лет и достигла своего пика в январе 1922 г., когда от возвратного тифа погибли 21,8 % заболевших, от сыпного – 10,5 % [3, с. 6–7].

В городах Челябинской губернии также особую опасность представлял тиф. На его долю пришлось в 1921 г. 62 % всех заболевших инфекционными болезнями горожан, в 1922 г. – 83,7 %. Самая неблагоприятная ситуация сложилась в городах Челябинского уезда, в которых проживало 60 % всех заболевших тифом в 1921 г. горожан региона и 31 % – в 1922 г. Особую опасность представлял возвратный тиф. Только за 1921–1922 гг. им переболели 17 209 чел., или 70,9 % всех пораженных этой болезнью горожан края, летальность составила 8,6 %. Второе место по численности заболевших жителей городов Челябинской губернии занимал сыпной тиф. В 1921–1922 гг. им было поражено 4516 чел., или 18,6 % от всех инфицированных тифом жителей городов региона, удельный вес смертности по этому заболеванию составил в 1921 г. 6,8 % от заболевших, а в январе – марте 1922 г. – уже 8,5 %. На долю брюшного тифа пришлось 10,5 % (2549 чел.) всех больных тифом горожан, причем наибольшее число умерших было именно от него: в 1921 г. – 8,6 %, а в начале 1922 г. – уже 25,2 % от всех заболевших этой формой тифа[7].

Другие инфекции не получили такого размаха, как тиф, но и они стали причиной повышенной смертности городского населения Урала. В 1921 г. особую опасность после тифа представляла холера, она вызывала высокую летальность. В городах Челябинской губернии на ее долю пришлось 25,4 % всех заболевших острозаразными болезнями горожан, но от нее скончалось 45,4 % инфицированных[8]. Наиболее сильные вспышки холеры были отмечены в городах Челябинского, Курганского и Троицкого уездов. С середины июля 1921 г. эпидемия холеры началась в Шадринске (Екатеринбургская губерния) и сразу приобрела массовый характер. В этом городе и его уезде холерой заболели 173 чел.[9] Всего же в Екатеринбургской губернии с июля по сентябрь 1921 г. из 1622 заболевших данным заболеванием скончалось 762 чел., или 47 %[10]. В том же году в Пермской губернии было зарегистрировано 505 случаев холеры, из них 228 – в Перми. В этом губернском городе от нее умерло более половины больных – 126 чел. [2, с. 134]. С сентября 1921 г. в уральских городах эпидемия холеры пошла на убыль.

В городах Урала широкое распространение получила и дизентерия. Так, в Челябинской губернии на ее долю пришлось в 1921 г. 12,6 % всех заболевших инфекционными болезнями горожан, в 1922 г. – 15,3 %.

---

[1] Рассчитано по: Труды ЦСУ. М., 1924. Т. XX, ч. II, вып. 1. С. 12, 15, 40; М., 1925. Вып. 3. С. 11; Уральский статистический ежегодник на 1923 г. / под ред. В.С. Немчинова, П.Ф. Неволина. Екатеринбург, 1923. С. 28–29.

[2] Здравоохранение Уральской области за 1925 г. Свердловск, 1926. Вып. II. С. 1.

[3] Рассчитано по: Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской Советской Социалистической Республике. Уфа, 1923. С. 40.

[4] Отчет Красноуфимского уездного Экономического совещания Екатеринбургскому Губэкономсовещанию, № 2. Красноуфимск, 1922. С. 22.

[5] Архив Златоустовского городского округа (Архив ЗГО). Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 61. Л. 17.

[6] Там же. Д. 27. Л. 1 об.

[7] Рассчитано по: Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. / под ред. К.И. Клименко. Челябинск, 1923. С. 382–386.

[8] Отчет Челябинского губэкономсовещания Совету Труда и Обороны на 1 апреля 1922 г. Челябинск, 1922. С. 178.

[9] Отчет Екатеринбургскому губернскому экономическому совещанию Шадринского уездного экономического совещания о деятельности уездных хозяйственно-административных органов за время июль – сентябрь 1921 г. № 1. Шадринск, 1921. С. 72.

[10] Отчет Екатеринбургского губернского экономсовещания Совету Труда и Обороны, № 1 (июль – сентябрь). Екатеринбург, 1921. С. 50.

При этом удельный вес жителей городов, пораженных дизентерией, среди населения данного региона составил в 1921 г. 52 %, в 1922 г. – 44,8 %[11]. Вместе с тем эпидемии холеры и дизентерии были характерны только для летне-осеннего периода. В уральских городах были отмечены и случаи заболевания натуральной оспой.

Масштаб эпидемии тифа вызвал необходимость изучения ее причин и специфики уральскими медиками. Доктор В.Н. Космодемьянский и санитарный врач Н.Н. Горшков в Перми [3], медики Кургана[12] пришли к выводу, что распространению инфекционных болезней во многом способствовали перемещения огромных масс людей (военнослужащих, военнопленных и так называемых «голодобеженцев») по транспортным путям Урала. К примеру, с сентября 1921 г. по март 1922 г. через изоляционно-пропускной пункт при станции Екатеринбург-1 прошли 31 680 чел., из которых 12 372 чел. выгрузились в городе. Среди них было много больных, причем 1384 чел. или 74 % заболевших, болели эпидемическими болезнями, из них умерли 137 чел.[13] Такая же ситуация складывалась и в других городах. Челябинское губернское экономическое совещание в 1922 г. докладывало в Москву о более тяжелом эпидемиологическом положении Челябинска, Кургана и Миасса, расположенных на Транссибирской магистрали, по сравнению с Троицком и Верхнеуральском, лежавшими в стороне от нее[14].

Распространению холеры и дизентерии в уральских городах способствовали некачественная вода и антисанитария вследствие разрушения городского хозяйства в годы Гражданской войны [2, с. 335–338]. Кроме того, недоедание и голод 1921–1922 гг. ослабляли иммунитет, делали людей беззащитными перед инфекциями.

Главной задачей городских властей Урала являлась ликвидация эпидемий остроинфекционных заболеваний. Основная тяжесть борьбы с эпидемиями легла на органы здравоохранения, переживавшие огромные трудности. С 1921 г. учреждения здравоохранения были переведены на финансирование из средств местного бюджета, возможности которого в условиях хозяйственной разрухи были ограничены. Из-за тяжелого материального положения страны были урезаны и объемы средств, поступавших из Москвы. В результате пришлось сократить штаты лечебно-профилактических учреждений и число коек в них. Только в Екатеринбургской губернии в 1922 г. численность медперсонала и количество коек в больницах уменьшилось на 56 % [4, с. 3].

В условиях массового заболевания остроинфекционными болезнями повсеместно были созданы чрезвычайные комиссии по борьбе с тифом (Чекатиф), а в тех городах, где была в этом необходимость, – по борьбе с холерой (Чекахол). Они были наделены неограниченными полномочиями и сумели централизовать борьбу с эпидемиями. Были созданы и другие чрезвычайные органы. В феврале 1920 г. Челябинский губернский здравотдел для повышения трудовой дисциплины персонала направил в лечебные учреждения политических комиссаров, делегированных местными организациями РКП(б) и исполкомами Советов[15].

Вместе с тем в условиях тяжелой эпидемиологической ситуации в регионе катастрофически не хватало медиков и была значительно ослаблена материальная база здравоохранения. При отступлении белогвардейцы эвакуировали с собой почти всех медицинских работников края, увезли имущество большинства больниц, амбулаторий и аптек.

Для восполнения потерь лечебно-санитарного персонала в стране Наркомат здравоохранения РСФСР 5 октября 1920 г. принял постановление о трудовой повинности медперсонала, согласно которому лица с медицинским образованием обязаны были трудиться в отраслях, требовавших медицинских знаний. Выполняя его, Чекатиф Кургана в недельный срок провел регистрацию всего медицинского персонала города[16]. Аналогичное решение принял Екатеринбургский губернский исполком 2 ноября 1920 г., но, натолкнувшись на саботаж в его исполнении, он вынужден был 27 апреля 1921 г. принять новое постановление о постановке на учет медицинского персонала региона. Более того, оно предусматривало суровые санкции к уклонистам – их объявляли дезертирами и привлекали к ответственности по всей строгости революционных законов [5, с. 276–277].

Губернские и городские власти Урала с помощью таких суровых мер смогли частично восполнить потери медицинского персонала. Осенью 1921 г. в Екатеринбургской губернии трудились 64 врача, 485 фельдшеров, 484 сестры милосердия[17]; в Пермской губернии к концу указанного года было 92 врача, 477 фельдшеров и 409 сестер милосердия, из них в городах соответственно – 70, 71 и 250[18]. Но даже в городах не хватало медицинских работников. В марте 1922 г. заведующий уездным здравотделом отмечал, что за 18 лет своей работы в Златоусте он не наблюдал такого кадрового кризиса, вызванного отсутствием медперсонала, как в январе – феврале указанного года, когда в двух самых больших больницах города не было врачей[19].

---

[11] Рассчитано по: Статистический сборник Челябинской губернии за 1920–1923 гг. С. 382–386.

[12] Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

[13] Отчет Екатеринбургского экономсовещания Совету Труда и Обороны № 3 (октябрь 1921 г. – март 1922 г.). Екатеринбург, 1922. С. 79.

[14] Отчет Челябинского губернского экономического совещания Совету Труда и Обороны, апрель – сентябрь 1922 г. Челябинск, 1922. С. 246–247.

[15] ГАКО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 1. Л. 75.

[16] Там же. Л. 35, 85.

[17] Отчет Екатеринбургского губернского экономсовещания Совету Труда и Обороны, № 1 (июль – сентябрь). С. 51.

[18] Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р–19. Оп. 1. Д. 199. Л. 347.

[19] Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 108. Л. 14.

Для восполнения потребностей в медиках в городах Урала были организованы краткосрочные курсы братьев и сестер милосердия. На воссозданный штат медработников и их помощников обрушилась основная тяжесть борьбы с эпидемиями начала 1920-х гг.

Основными направлениями деятельности органов здравоохранения Урала в условиях сложной эпидемиологической обстановки стали изоляция больных в лечебных учреждениях, предохранительные прививки, дезинсекция помещений, белья и одежды. В стационарах выделялись специальные койки для острозаразных больных, но их катастрофически не хватало. В городах были развернуты временные медицинские учреждения – так называемые «заразные бараки», под них отдавали любые свободные помещения. Это способствовало максимально полной госпитализации больных. Уже к концу 1921 г. в Перми, например, функционировало 1515 «заразных» коек, их хватило для изоляции всех горожан, больных тифом [6, с. 339]; в Екатеринбургской губернии к сентябрю 1922 г. 2300 временных инфекционных коек позволили госпитализировать 62,5 % нуждавшихся в лечении жителей [7, с. 3]. Но нередко население уральских городов боялось ехать в больницы, предпочитая оставаться дома, тем самым усугубляя ситуацию с инфекционными заболеваниями.

Важную роль в ослаблении, локализации и преодолении эпидемий сыграли массовые предохранительные прививки населения. Созданный в Екатеринбурге в 1921 г. химико-бактериологический институт, который к сентябрю 1922 г. изготовил 605 л дивакцины и 579 990 доз детрита, произвел 219 519 противохолерных и 50 059 противооспенных прививок [7, с. 4]. В марте 1922 г. в Челябинске была организована бактериологическая лаборатория. Свои усилия она направила на правильное определение заболевания, от этого зависело дальнейшее лечение больных. За первые девять месяцев своего существования лаборатория провела 1983 исследования[20].

Особое внимание городские органы власти уделяли санитарно-гигиеническим мероприятиям. На железнодорожных станциях Урала были организованы изоляционно-пропускные пункты (изопропункты), дезинфекционные и противоэпидемические отряды, которые проводили необходимые мероприятия с целью предотвращения заражения городского населения острыми инфекциями от приезжавших. Только с июля по декабрь 1921 г. через врачебно-питательный пункт ст. Пермь прошли 120,5 тыс. чел., из них 40,6 тыс. остались в городе. Все прибывшие в город эшелоны подвергались санитарной обработке. В бане были перемыты 31,5 тыс. чел., привиты дивакциной – 34,7 тыс. чел. Дезинфекционная камера обработала 180 тыс. пуд. белья и 2350 пуд. вещей. На станции постоянно дежурили фельдшеры, в их распоряжении находились амбулатории, парикмахерская и стационар на 250 коек. Всех больных снимали с поездов, временно изолировали, а затем отправляли в госпитали[21].

За октябрь 1921 г. – март 1922 г. работники изопропункта при ст. Екатеринбург-1 осмотрели 36 эшелонов с 31 580 пассажирами, проследовавшими через станцию, продезинфицировали 2669 вагонов; в бане было вымыто 13 738 чел., выстирано 176 пуд. белья. На станции функционировал изолятор, за январь – март 1922 г. через него прошло 436 больных, из них 309 было отправлено в больницу, а 60 умерло. Амбулаторную помощь оказали 5791 чел., прививку против оспы поставили 1053 чел.[22]

Были приняты меры, препятствовавшие распространению эпидемий в городах. В Шадринске при обнаружении больных холерой практиковали дезинфекцию жилищ с одновременным переселением из них всех жильцов в специальные изоляционные дома. В Златоусте при городской больнице было организовано особое дежурство врачей и фельдшеров для немедленного выезда к больным холерой[23]. Повсеместно был выделен специальный транспорт для перевозки инфекционных больных.

Большую помощь Уралу в борьбе с паразитарными тифами оказал Наркомат здравоохранения РСФСР. Только в январе 1920 г. на Урал было направлено 12 бань и 7 эпидемиологических отрядов, которые обслуживали не только военных, но и гражданское население [8, с. 86].

Городские власти Урала в борьбе против инфекционных заболеваний использовали все возможные меры с целью улучшения эпидемиологической обстановки и ослабления воздействия внешних неблагоприятных условий, влиявших на восприимчивость к инфекциям. Повсеместно развернулась борьба за чистоту, задачами которой стали распространение элементарных гигиенических навыков среди горожан и очистка населенных мест от грязи и мусора. В городах были установлены специальные санитарные правила. Инструкцией Троицкого уездного здравотдела от 17 июля 1920 г. вводились профилактические меры против эпидемий, а именно: очистка источников питьевой воды и жилья, кипячение воды, обязательное мытье рук и продуктов, немедленное обращение за медицинской помощью в случае появления больных тифом [9, с. 105–106]. В Кургане были изданы приказ-памятка «Борьба за чистоту» с перечнем необходимых санитарно-гигиенических мероприятий и «Наставление для истребления платяных вшей»[24].

Городские власти строго следили за наличием кипяченой воды в местах скопления горожан. Повсеместно развертывались бани с бесплатной выдачей мыла; открывались общественные прачечные; улицы и дома очищались от мусора и нечистот. Был установлен стро-

[20] Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). Челябинск, 1922. С. 25.

[21] ГАПК. Ф. Р–19. Оп. 1. Д. 199. Л. 100 об. – 101.

[22] Отчет Екатеринбургского губернского экономсовещания Совету Труда и Обороны, № 3 (октябрь 1921 г. – март 1922 г.). С. 79.

[23] Архив ЗГО. Ф. Р–17. Оп. 1. Д. 69. Л. 146.

[24] ГАКО. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 53. Л. 193.

гий надзор за пищевыми продуктами. В Челябинске для этого на заводах фруктовых и минеральных вод учредили штат провизоров. Все работники столовых, хлебопекарен и других подобных заведений обязаны были регулярно проходить медицинское освидетельствование[25]. В Кургане лица, занимавшиеся продажей продовольствия, под страхом наказания должны были пройти обязательное прививание[26]. Все принятые меры позволили ослабить данные каналы распространения инфекций.

В уральских городах был создан санитарный надзор. В Екатеринбургской губернии он осуществлялся выборными санитарными старостами, которые работали под руководством санитарно-эпидемических подотделов уездно-городских здравотделов. В городах Челябинской губернии уже летом 1922 г. работали санитарные инспекторы и санитарно-контрольные комиссии Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, следившие за чистотой на городских объектах. Органы санитарного надзора могли привлекать к административной ответственности за антисанитарию любые организации и должностные лица.

В начале 1920-х гг. повсеместно на Урале проводилась санитарно-просветительная работа. За 1921/22 г. в Екатеринбургской губернии населению было прочитано 414 лекций, распространено 578 355 плакатов, листовок и лозунгов, 13 005 брошюр [7, с. 4]; в Челябинской губернии было реализовано до 40 тыс. всевозможных листовок и лозунгов, почти повсеместно читались лекции по санитарным вопросам, проводились «санитарные минимумы»[27].

Все предпринятые городскими властями действия имели положительный результат. В 1923 г. работники здравоохранения Урала констатировали резкое снижение смертности. Наметилась положительная динамика в естественном движении городского населения. Это свидетельствовало о том, что города Урала преодолели демографическую катастрофу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антонов М.* Естественное движение населения за первую половину 1924 г. (январь – июнь) в Пермском округе // Экономика. 1925. № 4 (23). С. 54–57.

2. *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. 632 с.

3. *Космодемьянский В.Н.* Эпидемия сыпного и возвратного тифов среди гражданского населения гор. Перми во 2-ю половину 1921 г. // Пермский медицинский журнал. 1923. № 1–2. С. 1–15.

4. *Белостоцкий*. Здравотделы в Екатеринбургской губернии за время существования советской власти // Медработник Урала. 1922. № 3. С. 2–4.

5. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1941. Свердловская область: документы и материалы / отв. ред. А.А. Капустин, Г.Е. Корнилов. Екатеринбург, 2005. Т. 1. 792 с.

6. *Селезнева В.Т.* Здравоохранение Пермской губернии в годы перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Труды Перм. гос. мед. ин-та. Пермь, 1963. Т. 43, вып. 2. С. 338–345.

7. *Розенштейн С.* Здравоохранение в Екатеринбургской губернии за срок с 1 октября 1921 г. по 1 сентября 1922 г. // Медработник Урала. 1922. № 2. С. 3–6.

8. *Селезнева В.Т.* Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь, 1997. 124 с.

9. *Тертышный А.Т.* Забота Советской власти о развитии здравоохранения и народного образования на Урале после разгрома колчаковщины (1919–1920 годы) // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1973. Сб. 12. С. 62–72.

REFERENCES

1. *Antonov M.* The population natural movement in the first half of 1924 (January–June) in Perm region. *Ekonomika,* 1925, no. 4, pp. 54–57. (In Russ.)

2. *Narskiy I.V.* Life in a catastrophe: weekdays of the Urals population in 1917–1922. Moscow, 2001, 632 p. (In Russ.)

3. *Kosmodem'yanskiy V.N.* The epidemic of typhus and relapsing fever among the civilian population of Perm city in the second half of 1921. *Permskiy meditsinskiy zhurnal,* 1923, no. 1/2, pp. 1–15. (In Russ.)

4. *Belostotskiy*. Health departments in Yekaterinburg province during the years of Soviet power. *Medrabotnik Urala,* 1922, no. 3, pp. 2–4. (In Russ.)

5. Society and power. Russian province. 1917–1941. Sverdlovsk region: documents and materials. Vol. 1. Eds. A.A. Kapustin, G.E. Kornilov. Ekaterinburg, 2005, 792 p. (In Russ.)

6. *Selezneva V.T.* Public health in Perm province during a transition to peaceful work to restore the national economy (1921–1925). *Trudy Permskogo gosudarstvennogo meditsinskogo instituta*, 1963, vol. 43, no. 2, pp. 338–345. (In Russ.)

7. *Rosenstein S.* Public health in Yekaterinburg province in October 1, 1921 – September 1, 1922. *Medrabotnik Urala,* 1922, no 2, pp. 3–6. (In Russ.)

8. *Selezneva V.T.* Essays on the medicine history in Perm province. Perm', 1997, 124 p. (In Russ.)

9. *Tertyshnyi A.T.* The Soviet power's concerns about the development of public health and education in the Urals after Kolchak defeat (1919–1920). *Voprosy istorii Urala.* Sverdlovsk, 1973, no. 12, pp. 62–72. (In Russ.)

Статья принята редакцией 25.12.2017

[25] Отчет Екатеринбургского губернского экономсовещания Совету Труда и Обороны, № 3 (октябрь 1921 г. – март 1922 г.). С. 25.

[26] ГАКО. Ф. Р–308. Оп. 1. Д. 41. Л. 151–152.

[27] Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). С. 26.

DOI: 10.15372/HSS20180108
УДК 314.14 ″1941/1943″

Л.И. СНЕГИРЕВА

МЕДИКО-САНИТАРНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ, ЭВАКУИРУЕМОГО В ЗАПАДНОСИБИРСКИЙ ТЫЛ (1941–1943 гг.)

Томский государственный педагогический университет,
РФ, 634061, г. Томск, ул. Киевская, 60

Предметом исследования в настоящей статье является медико-санитарное обслуживание населения, вывозимого в связи с войной в Западно-Сибирский регион. Благодаря комплексному изучению источников выявлены механизмы реализации основных направлений деятельности, ее масштабы и результаты. Особое внимание уделено работе санитарной транспортной инспекции и санитарно-контрольным пунктам (СКП). Их сотрудники получили, по сути, чрезвычайные полномочия и большую материально-техническую помощь. Делается вывод, что благодаря предпринятым действиям и полученным СКП чрезвычайным полномочиям был создан эффективный заслон распространению инфекционных заболеваний на транспорте. Медико-санитарное состояние на транспорте, а вслед за этим и на местах назначения прибывающих эвакограждан все больше приобретало черты управляемости. Обеспечение надежного санитарного благополучия тыла, в том числе Западной Сибири, имело огромное значение для нормализации всей последующей медико-демографической ситуации в стране.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, санитарно-профилактическая деятельность, летальность, эпидемиологическая катастрофа, инфекции, санитарный контроль, дезинфекция, эвакопункты.

L.I. SNEGIREVA

THE MEDICAL-SANITARY SERVICE PROVIDED TO THE POPULATION IN PROCESS OF ITS EVACUATION TO THE WEST-SIBERIAN REAR AREA (1941–1943)

Tomsk State Pedagogical university,
60, Kievskaya str., Tomsk, 634061, Russia

The research subject is the medical-sanitary service provided to the population in process of its evacuation (caused by the war) to the West-Siberian region. The main aim of the service was to avert the risk of an epidemiological catastrophe, which was more than real for the country at that period. Social statistics confirm that the overwhelming majority of infectious diseases occurred during the population movement in the places, where people gather – on the railways, the wharves, crowded transport. Taking into account that among those, who fled from the war, many people were sick, malnourished and affected by infections, the risk of a rapid contamination of the whole rear seemed inevitable.

The article objective is to identify conditions and mechanisms of main activities in this sphere, to reveal the work scope and results through the comprehensive study of the issue. The main research focus is the sanitary transport inspection and sanitary control posts activities. Intrinsically their staff acquired emergency powers and major material and technical support. The author concludes that thanks to all actions performed and the emergency powers acquired by the sanitary control posts an efficient barrier against spreading infectious diseases in the transport was built. Transportation medical-sanitary conditions and at the evacuees destination locations were becoming more and more manageable. Providing the reliable and appropriate state of the rear area, including West Siberia, was of great importance for normalizing the whole subsequent medical-demographic situation in the country.

Key words: Great Patriotic War, sanitary-prophylaxis activities, mortality, epidemiological catastrophe, infections, sanitary control, People's Commissariat of Public Health, All-Union State Sanitary Inspection, disinfection, evacuation points.

Крупномасштабные передвижения людского контингента в условиях скученности, антисанитарии, вынужденная контактность эвакуантов в пути и на вокзалах, холод, отсутствие теплой одежды, обуви, недоедание вызвали резкий рост заболеваний как среди эвакуированных, так и среди населения тех сибир-

Людмила Илларионовна Снегирева – канд. ист. наук, доцент, Томский государственный педагогический университет, e-mail: snegireva@vtomske.ru.

Lyudmila I. Snegireva – Candidate of Historical Sciences, docent, Tomsk State Pedagogical university.

© Снегирева Л.И., 2018

ских областей, в которые расселялись прибывшие. Увеличилось число инфекционных болезней – дифтерии, скарлатины, дизентерии, кори, туберкулеза, широкое распространение получил педикулез (завшивленность), являющийся основным условием появления сыпного тифа, который представлял смертельную опасность для населения. В связи с этим, по словам наркома здравоохранения в годы войны Г.А. Митерева, одной из ««головных» задач здравоохранения особенно на первом этапе войны было обслуживание миллионов эвакуированных» [1, с. 91]. Санитарно-противоэпидемическая деятельность была важнейшим аспектом деятельности здравоохранения. К началу Великой Отечественной еще не были забыты события периода Гражданской войны и имевшие место в то время многочисленные эпидемии и массовая гибель от них сотен тысяч воюющих и мирных жителей. Такого развития событий допустить было нельзя, на что неоднократно указывал народный комиссар [2, с. 4–7; 3, с. 3–14]. Борьба с негативными явлениями, возникавшими в ходе эвакуации граждан, и стала одной из важнейших задач здравоохранения. Чрезвычайно важно было ужесточить санитарный контроль, установить прочный барьер на пути распространения инфекций, снизить уровень летальности среди заболевших, не дать стране впасть в более чем реальную опасность эпидемиологической катастрофы.

Социальная статистика, на что указывают В.А. Исупов [4, с. 136–137] и В.Т. Анисков [5, с. 165], многократно подтверждает, что подавляющая масса инфекционных заболеваний происходила именно во время движения населения, в местах его скопления – особенно на железных дорогах и пристанях. А если учесть, что среди бежавших от войны было много больных, истощенных и уже пораженных инфекциями людей, то опасность быстрого заражения всего тыла казалась неотвратимой.

Самым тяжелым был осенне-зимний период первого года войны, когда на транспорте наблюдалась нехватка санитарных узлов, кипяченой воды, работников медико-санитарной службы. Переуплотненность вокзалов и пристанционных территорий усугублялась массовыми смешиваниями с многочисленными встречными воинскими эшелонами, с местным населением прилегающих районов. На узловых станциях проводилось захоронение умерших от ран и инфекций. Перевалочные города и поселения часто превращались в предварительные зоны, где проводилась массовая санитарная «фильтрация» прибывающих эшелонов [5, с. 165].

В связи с тем, что инфекции распространялись с потоками эвакограждан, решение проблемы начиналось с обеспечения санитарного контроля, обработки и оказания медицинской помощи эвакуантам во время движения их на транспорте к местам назначения. Уже 30 июня 1941 г. Наркомздравом СССР совместно с Наркоматом путей сообщения было разработано Положение о медико-санитарном обслуживании населения, эвакуируемого из угрожаемых районов, которое предусматривало комплекс противоэпидемических мероприятий на транспорте. После создания ГКО вся направляющая работа в этой сфере была сосредоточена во Всесоюзной государственной санитарной инспекции (ВГСИ) и ее территориальных органах на местах [5, с. 165].

Решением многих проблем, связанных с эвакуацией населения и противоэпидемической деятельностью, эффективно занимались эвакопункты. В частности, в их ведение входило медико-санитарное обследование эвакограждан; выявление и изолирование всех больных и подозрительных с острозаразными заболеваниями; осуществление санитарно-профилактических мероприятий (санобработка, баня, дезинфекция), прививки против желудочно-кишечных и инфекционных заболеваний [6, с. 288–289].

Однако большинство эвакопунктов не было оборудовано для эффективной санитарной обработки населения. Поэтому медико-санитарное обслуживание эвакопунктами осуществлялось, как правило, через медико-санитарные органы железных дорог. На эвакуационных пунктах открывались медицинские изоляторы. Для санитарной обработки эвакограждан привлекались существующие и вновь построенные банно-прачечные и дезинфекционные установки. Госпитализация инфекционных больных осуществлялась в изоляторах изопропунктов, а стационарное лечение – в городских и районных больницах. Эвакопункты выявляли и изолировали всех больных и подозрительных с острозаразными заболеваниями, занимались санитарно-профилактическими мероприятиями (дезинфекции), делали прививки против желудочно-кишечных и инфекционных заболеваний.

Для временной изоляции эвакуированных, имевших контакт с выявленными в вагонах инфекционными больными, оборудовались обсервационные пункты. Такой пункт, развернутый на ст. Омск, имел общежитие для обсервируемых на 100 коек, санитарный пропускник с двумя дезинфекционными камерами, изолятор на 50 коек с санитарным пропускником, столовую на 250 посадочных мест [7, с. 208]. Новосибирский эвакопункт имел такое же учреждение на ст. Инская, обсервация эшелонов проводилась изопропускником[1]. Однако в силу целого ряда причин (дефицита квалифицированных кадров, материальных и административных ресурсов) решить проблему быстро не удалось. Проверка, проведенная в августе 1941 г. Наркоматом здравоохранения СССР ряда крупных эвакопунктов и медико-санитарных организаций железнодорожного транспорта, показала, что принятое 30 июня 1941 г. положение «О медико-санитарном обслуживании населения» не выполняется в полной мере, что было отмечено в специальном приказе Г.А. Митерева [4, с. 135].

Акты осмотра проходящих эшелонов с эвакуируемым населением, получаемые облздравотделами

[1] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 137. Л. 21; Д. 200. Л. 125.

Медико-санитарное обслуживание эвакуированного населения Новосибирским эвакопунктом (январь–апрель 1942 г.)*

Показатель	Январь	Февраль	Март	Апрель
Поступило в эвакопункт	21 353	17 518	26 884	6 629
Прошло санобработку	6 026	4 002	11 426	2 437
Обратилось в медпункт	930	756	872	763
Госпитализировано	188	135	187	201

*Составлено по: ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 137. Л. 1, 5, 8–9, 13–15, 20.

сибирских областей из изопропускников, свидетельствовали о массовом поражении педикулезом прибывавшего населения. В ноябре 1941 г. на Томской железной дороге прошли эшелоны с пассажирами, поражение педикулезом среди которых достигало 60–80 %. Актом осмотра эшелона № 668 от 26 ноября 1941 г. было констатировано 100 %-ное поражение педикулезом, при этом зафиксирован отказ начальника эшелона от проведения санитарной обработки[2]. Заведующий Новосибирским облздравотделом Н. Лапченко в служебной записке «Организация медико-санитарного обслуживания эвакуированных в Новосибирскую область» указывал, что в ноябре 1941 г. доля эвакуированных, прошедших санобработку, не превышала 10 %, в декабре – 20 %. По данным облздравотдела за первые полгода войны, с 20 июля 1941 г. по 14 января 1942 г., через ст. Новосибирск-главный проследовало только 12 % [4, с. 135]. Из прошедших в январе–апреле 1942 г. эшелонов на Новосибирский эвакопункт поступило 72 384 чел., но санобработку прошли только 23 891 чел. (33,0 %)[3]. Представление о том, как это было по месяцам, дают данные таблицы.

Приведенные в таблице сведения говорят о том, что в январе 1942 г. из 21 353 чел., прибывших в Новосибирский эвакопункт, санобработку прошли 6 026 чел. (28,2 %), в феврале из 17 518 – 4002 (12,8 %), в марте из 26 884 – 11 426 (42,5 %), в апреле из 6 629 прибывших – 2 437 (36,8 %), а всего, как указано выше, только 33 % прибывших[4]. Это свидетельствует о том, что даже самый крупный в регионе эвакопункт не мог обеспечить требуемого уровня медико-санитарного обслуживания эвакуированных. Большое число обратившихся в медпункты и госпитализированных в январе–апреле 1942 г. объясняется тем, что в эти месяцы в регион прибывали преимущественно блокадники из Ленинграда. Причем на менее крупных эвакопунктах Западной Сибири положение было еще более сложным. На Барабинском эвакопункте медпункт отсутствовал. Обследование эвакограждан и эвакоэшелонов проводил медперсонал вокзала[5]. Санобработку на ст. Барабинск проходили только те эвакуированные, которые размещались в Здвинском районе. Эшелоны, предназначенные для Барабинска, подвергались санобработке в Барабинске[6].

Нередкими были случаи, когда из прибывших эшелонов снимались по несколько десятков больных на второй-третьей неделе болезни. В Уч-Пристанском районе Алтайского края за январь 1942 г. было зарегистрировано 11 случаев сыпного тифа среди детей, эвакуированных из Калининской области[7]. В связи с безответственностью отдельных руководителей иногда вагоны, направляемые на карантин в обсервационный пункт, простаивали на станциях от 1 до 7 дней[8]. Один вагон простоял 7 дней по вине железной дороги. Материалы о задержке эшелонов и вагонов передавались в прокуратуру[9].

Не на всех эвакопунктах работали врачи. В справке Омского облисполкома «О ходе приема, устройства и обслуживания эвакуированного населения», датированной концом августа 1941 г., отмечалось неудовлетворительное медико-санитарное обслуживание прибывавшего населения, указывалось на отсутствие врачей на всех эвакопунктах области, кроме г. Омска. Везде работал средний медперсонал[10].

Таким образом, учреждения, специально созданные для обслуживания эвакуированного населения в целом, в том числе и медико-санитарного, в силу ряда причин – прежде всего, из-за нехватки приспособленных помещений, недостаточного материально-технического обеспечения и нехватки кадров, а также вследствие новизны поставленных задач не смогли организовать на должном уровне медико-санитарное обслуживание, прежде всего санитарную обработку. Вместе с тем, медико-санитарное обслуживание прибывавшего в регион по эвакуации населения постепенно улучшалось. Всех больных острозаразными заболеваниями старались госпитализировать. Это способствовало предотвращению распростране-

[2] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 142. Л. 103.

[3] Там же. Д. 137. Л. 1, 5, 9, 13, 15.

[4] Там же. Л. 1, 5, 8–9, 13–15, 20.

[5] Там же. Д. 207. Л. 12–13.

[6] Там же. Л. 12–13. Отчет о работе Барабинского эвакопункта за 1942 г.

[7] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-1. Оп. 18. Д. 156. Л. 11.

[8] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 207. Л. 17–21.

[9] Там же. Из докладной записки начальника Новосибирского эвакопункта обкому ВКП (б) и облисполкому о работе эвакопункта. Документы относятся к началу марта 1943 г. Время его создания определено по содержанию.

[10] Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 17. Оп. 7. Д. 111. Л. 5.

ния инфекций. Поэтому автор разделяет точку зрения М.А. Семенова [8, с. 187], считающего, что деятельность эвакопунктов в решении рассматриваемой проблемы следует считать недостаточной, но не провальной.

Помимо эвакопунктов за состоянием транспорта следила транспортная санитарная инспекция. В начале войны с целью максимальной активизации противоэпидемической деятельности на 24 крупнейших транспортных узла (Горький, Казань, Иваново, Ярославль, Сталинград, Гурьев, Тихорецкая, Караганда и др.) были направлены уполномоченные Всесоюзной санитарной инспекции (ВГСИ). В Западной Сибири они работали на станциях Омск, Татарская, Новосибирск [4, с. 166]. Однако в силу ряда причин, прежде всего слабых материальных, кадровых и административных возможностей, в 1941 – начале 1942 г. решить эту проблему не удалось.

2 февраля 1942 г. ГКО принял специальное постановление «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии» [9, с. 325], что имело принципиальное значение в борьбе за жизнь и здоровье людей. Распространение инфекционных болезней рассматривалось как антигосударственное явление, подрывающее оборону страны. ГКО потребовал создать, где необходимо, чрезвычайные противоэпидемические комиссии, наладить строжайший оперативный учет больных. Данное постановление определяло ответственность органов власти и различных ведомств за проведение этой работы. Нарком здравоохранения Г.А. Митерев был назначен уполномоченным ГКО по противоэпидемической работе с чрезвычайными полномочиями. Проводились намеченные мероприятия под руководством А.Н. Косыгина и Р.С. Землячки [9, с. 325]. Кардинальный перелом в работе, по данным В.А. Исупова, произошел в апреле 1942 г., когда одновременно на 198 крупных железнодорожных узлах и станциях Советского Союза были сформированы чрезвычайные органы – санитарно-контрольные пункты (СКП). В Западной Сибири они действовали на станциях Омск, Инская, Тюмень, Чулымская, Тайга, Томск I, Сталинск, Топки. На станции Новосибирск-главный работали два СКП. Их сотрудники получили, по сути, чрезвычайные полномочия и хорошую материально-техническую помощь. Они осуществляли санитарный контроль над всеми пассажирами с целью выявления заболевших, систематически проводили санитарные осмотры эшелонов, снимали больных с поездов, определяли их в изоляторы при вокзалах и станциях, выявляли зараженных педикулезом, проводили санитарную обработку вагонов, эшелонов, станций и вокзалов. Они получили право налагать штрафы, привлекать виновных к уголовной ответственности за нарушение санитарных требований. Принимались меры к предотвращению скоплений пассажиров на станциях. Разделялись воинские и гражданские эшелоны. После их отправки проводилась обязательная санитарная очистка территории, велось массовое строительство туалетов простейшего типа. Благодаря всем этим действиям и полученным СКП чрезвычайным полномочиям был создан эффективный заслон на пути распространения инфекционных заболеваний на транспорте. В 1943 г. санитарный контроль на железных дорогах и водном транспорте был еще более усилен [4, с. 145–147]. Всего за 1943–1945 гг. работники СКП провели осмотр 15 млн вагонов, подвергнув санобработке 18 млн чел. [10, с. 75].

Помимо названных мер, постановлением ГКО от 18 марта 1942 г. были ограничены индивидуальные поездки граждан (кроме командированных, или по специальным пропускам). Нарушители наказывались вплоть до уголовной ответственности по ст. 75-1 УК РСФСР с лишением свободы до 3–5 лет или штрафом до 3 тыс. руб. [4, с. 146–147]. С января 1945 г. перевозки организованных людских контингентов по постановлению СНК СССР разрешались только по предъявлению специального санитарного паспорта (санпутевки), выдаваемой органами здравоохранения на каждый эшелон [4, с. 147]. Не обошлось и без крутых мер. По требованию Всесоюзной госсанинспекции и ее органов на местах за допущение антисанитарии были сняты с работы и осуждены к разным срокам лишения свободы ряд руководящих работников нескольких железных дорог (Юго-Восточной, Пермской, Казанской и др.). В апреле 1942 г. такие же санкции последовали и в отношении начальника транспортного управления НКПС Пашковского. Произошла смена руководства.

Медицинскую службу НКПС с весны 1942 г. возглавил генерал-майор медицинской службы Соколов [5, с. 166]. С февраля 1942 г. по решению ГКО были созданы чрезвычайные противоэпидемические комиссии [4, с. 147]. Был организован оперативный учет острозаразных заболеваний как в масштабах страны, так и в отдельных регионах. Под особым контролем находились дети. Сводки о количестве инфекционных больных, снятых с поездов, об уровне смертности ежедневно телеграфными донесениями направлялись с мест в Наркоматы здравоохранения и Наркомат путей сообщения. А те, в свою очередь, отправляли их в ГКО и СНК. Примером может служить информация, направленная 21 февраля 1942 г. Новосибирским эвакопунктом: «Из прошедшего эшелона снято 4 чел., заболевших корью, 13 – скарлатиной, 12 дифтерией, 9 сыпным тифом, 8 брюшным. Все больные госпитализированы»[11]. Органы здравоохранения обязаны были обеспечить безотказный прием в стационары эвакограждан, снимаемых с поездов, оседавших на вокзалах, нуждавшихся в лечении [11, с. 317–318].

Принятые меры давали результаты. Так, с 20 апреля 1942 г. по 1 января 1943 г. из прошедших через Новосибирский эвакопункт 227 эшелонов (120 892 чел.) санитарной обработке подверглись 178, или 78,4 %[12]. Необходимо учитывать также, что в проводимой рабо-

[11] ГАНО. Ф. Р-1030. Оп. 1. Д. 137. Л. 1–2.
[12] Там же. Д. 207. Л. 20.

те важную роль играла и «мощность» людских потоков: санитарный контроль на железнодорожном транспорте был достаточно надежным во время снижения эвакуационных потоков и не всегда выдерживал массовые наплывы. К примеру, в августе–сентябре 1942 г. в период второй волны массовой эвакуации эшелоны с ленинградцами, направленные для размещения в Каргатский, Чановский, Чистоозерский, Купинский и другие районы Новосибирской области, были поражены педикулезом от 40 до 95 %[13]. В телеграмме заместителя заведующего Новосибирского облздравотдела начальнику дорсанотдела Омской железной дороги от 11 сентября 1942 г. говорилось: «В Купино 28 августа прибыл эшелон № 276/210, завшивленный на 70 % и в Чистоозерное 21 августа эшелон № 196, завшивленный на 95 %, что свидетельствует о плохой санобработке эшелонов в пути. Просим усилить контроль за обслуживанием проходящих эшелонов на ст. Омск и их обработкой» [8, с. 187–188]. Подобные примеры не были единичными.

Анализ документов свидетельствует о том, что власти прилагали немалые усилия к улучшению медико-санитарного контроля на транспорте и достигали впечатляющих результатов. Но недостаток кадров и материального оснащения ограничивал их деятельность в осуществлении контроля и обеспечении медико-санитарных мероприятий. В целом медико-санитарное состояние на транспорте, а затем и на местах назначения прибывающих эвакограждан все больше приобретало черты управляемости. Обеспечение надежного санитарного благополучия тыла, в том числе и Западной Сибири, имело огромное значение для нормализации всей последующей медико-демографической ситуации в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Митерев Г.А.* В дни мира и войны. М., 1975. 256 с.

2. *Митерев Г.А.* Все на службу фронта // Советская медицина. 1941. № 13–14. С. 4–7.

3. *Митерев Г.А.* Очередные задачи здравоохранения // Советское здравоохранение. 1944. № 1–2. С. 3–14.

4. *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы. Новосибирск, 2008. 308 с.

5. *Анисков В.Т.* Медико-санитарное обслуживание эвакуированного населения (1941–1942 гг.) // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVII-XX вв.: материалы Междунар. науч. конф. 19–21 марта 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 164–167.

6. Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. / сост. и отв. ред. Л.И. Снегирева. Томск, 2005. Т. 1: Исход. 360 с.

7. *Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С.* Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Л., 1985. 304 с.

8. *Семенов М.А.* Здравоохранение Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: дис. … канд. ист. наук. Томск, 2013. 282 с.

9. Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1988. Т. 1. 425 с.

10. *Дрейзин И.И.* Санитарное обслуживание массовых людских перевозок по железным дорогам в годы Великой Отечественной войны // Медико-санитарные последствия войны и мероприятия по их ликвидации. М., 1946. Т. 2. 71–80.

11. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док. и материалов. М., 1977. 576 с.

REFERENCES

1. *Miterev G.A.* In peace and war. Moscow, 1975, 256 p. (In Russ.)

2. *Miterev G.A.* All to the front service. *Sovetskaya meditsina*, 1941, no. 13/14, pp. 4–7. (In Russ.)

3. *Miterev G.A.* The health care immediate tasks. *Sovetskoe zdravoohranenie*, 1944, no. 1/2, pp. 3–14. (In Russ.)

4. *Isupov V.A.* The Victory main resource. Novosibirsk, 2008, 308 p. (In Russ.)

5. *Aniskov V.T.* The evacuated population health care (1941–1942). *Narodonaselencheskie protsessy v regionalnoy strukture Rossii XVII–XX vv.: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 19–21 marta 1996 g.* Novosibirsk, 1996, pp. 164–167. (In Russ.)

6. In the name of Victory: the civilian population evacuation to West Siberia during the Great Patriotic War in documents and materials. Tomsk, 2005, vol. 1, 360 p. (In Russ.)

7. *Ivanov N.G., Georgievskii A.S., Lobastov O.S.* The Soviet public health and military medicine in the Great Patriotic War (1941–1945). Leningrad, 1985, 304 p. (In Russ.)

8. *Semenov M.A.* Health services of West Siberia during the Great Patriotic War: dissertation. Tomsk, 2013, 282 p. (In Russ.)

9. The Soviet rear in the Great Patriotic War. Moscow, 1988, vol. 1, 425 p. (In Russ.)

10. *Dreizin I.I.* Sanitary services for mass human traffics on the railways during the Great Patriotic War. *Mediko-sanitarnye posledstviya voiny i meropriyatiya po ikh likvidatsii*. Moscow, 1946, vol. 2, pp. 71–80. (In Russ.)

11. Health care during the Great Patriotic War of 1941–1945: collection of documents and materials. Moscow, 1977, 576 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 25.01.2018

[13] Там же. Д. 213. Л. 50, 51.

DOI: 10.15372/HSS20180109
УДК 314.14 (470+571)

Н.А. АРАЛОВЕЦ

МДАДЕНЧЕСКАЯ И ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В ГОРОДАХ РСФСР В 1960-е гг.

Институт российской истории РАН,
РФ, 117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

В статье на основе изучения текущей и медицинской статистики показано снижение уровня младенческой и детской смертности. Рассмотрены основные классы причин смерти младенцев и детей: родовые травмы, преждевременное рождение, врожденные пороки развития, а также болезни органов дыхания и инфекционные заболевания. Прослежена зависимость заболеваемости и смертности младенцев и детей от состояния здоровья их биологических родителей. Отмечено, что новым явлением этих лет была смертность детей от болезней кровеносной системы и онкологических заболеваний, не свойственных данным возрастам. Изменения основных классов причин смерти детей свидетельствовали о формировании современного типа смертности.

Ключевые слова: заболеваемость младенцев и детей, смертность, экология, состояние здоровья родителей, медицинское обслуживание.

N.A. ARALOVETS

INFANT AND CHILD MORTALITY IN THE CITIES OF RSFSR IN THE 1960s

The Institute of Russian history RAS,
19, Dm. Ulyanov str., Moscow, 117036, Russia

The article shows the features of infant and child mortality in the cities of the Russian Soviet Federative Socialist Republic based on the current and medical statistics. Improvement of the children health care in cities contributed to reducing infant and child mortality. However, in the 1960s the mortality of infants, especially boys, remained high. The highest infant mortality was among the Kazakhs, its decrease was observed in Tatars, Armenians, Russians, Ukrainians and Belarusians, the lowest one – in Jews. Infants under 1 year of age died from respiratory and infectious diseases, toxic dyspepsia in Russian cities. The level of infant mortality from pneumonia and tuberculosis, especially from the respiratory system decreased significantly. There were high rates of infant perinatal mortality and birth trauma, premature birth, congenital malformations. The mortality causes classes were related to the health of biological fathers and, especially, mothers. However, in the 1960s in the cities of Russian Federation cities the mortality rate of infants from neonatal sepsis slightly decreased. Increasing environmental problems – soil, water, air pollution, especially in cities, contributed to spreading infant deaths from not peculiar to this age diseases of circulatory and endocrine systems, oncological ones. In 1960s the mortality rate of children under 5 years remained high in the Russian Federation. The death probability of boys under 5 years was higher than that of girls. Children under the age of 5 years were ill and died from diseases of the respiratory, digestive, circulatory systems, infectious and cancer rates. Thus, changes in death causes indicated the development of a modern type of infant and child mortality.

Key words: infant and children morbidity, mortality, factors, parents health status, health care.

В 1960-е гг. в городах РСФСР улучшилось медицинское обслуживание детей, получили распространение профилактические осмотры, диспансеризация, расширилась сеть государственных детских санаториев, все это способствовало снижению уровня младенческой и детской смертности. Из данных статистики видно, что показатели младенческой смертности в городах были ниже, чем в селах и в целом в РСФСР. На 1000 родившихся живыми умерло младенцев в возрасте до года: в 1959 г. – в *городах* – 38,3, в *селах* – 44,0, в целом в *РСФСР* – 41,4; в 1960 г. соответственно – 34,9, 38,1 и 36,6; в 1965 г. – 26,4, 26,7 и 26,6; в 1970 г. – 22,1, 24,5 и 23,0.

Уровень младенческой смертности в Москве был выше, чем в Ленинграде: на 1000 родившихся живыми смертность младенцев составляла в 1959 г. в *Мо-*

Наталья Аркадьевна Араловец – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, e-mail: aralovetz@yandex.ru.

Natalia A. Aralovets – Doctor of Historical Sciences, leading researcher, The Institute of Russian history RAS.

© Араловец Н.А., 2018

скве – 28,5, в *Ленинграде* – 20,3; в 1965 г. соответственно – 25,7 и 20,2. Высокие коэффициенты младенческой смертности отмечались в региональных городах РСФСР. На 1000 родившихся живыми умерло младенцев в возрасте до года в 1959 г. в городах *Амурской* области – 38,1, *Архангельской* – 47,5, *Владимирской* – 45,2, *Ленинградской* – 35,4, *Московской* – 33,5, *Новосибирской* – 40,2, *Свердловской* областях – 38,4, *Дагестанской АССР* – 42,6; в 1965 г. соответственно – 32,8, 31,3, 24,9, 23,7, 24,5, 27,1, 27,5 и 33,4[1]. Вместе с тем уровень младенческой смертности оставался высоким.

В 1960-е гг. в российских городах самый высокий уровень младенческой смертности фиксировался у *казахов*, его понижение отмечалось у *татар*, *армян* и *русских*. Показатели смертности младенцев были заметно ниже у *украинцев* и *белорусов*. Наиболее низкий уровень младенческой смертности отмечен у *евреев*. В 1965 г. в городах на 1000 родившихся живыми соответствующего этноса умерло младенцев у казахов – 51,7, татар – 28,7, армян – 27,2, русских – 26,7, украинцев – 12,7, белорусов – 12,4, евреев – 11,1. Однако по сравнению с концом 1950-х гг. уровень младенческой смертности у этих этносов понизился. В 1959 г. соответственно – 67,1, 48,9, 31,3, 37,9, 23,7, 22,7 и 19,6. Наиболее высокий показатель младенческой смертности мальчиков и девочек в городах в 1959 г. был у *казахов*, он снижался у *татар, армян* и *русских.* Вместе с тем более низкий уровень смертности мальчиков и девочек в возрасте до года отмечался у *украинцев, белорусов* и *евреев*. Но в середине 1960-х гг. в городах, в отличие от конца 1950-х гг., показатели смертности младенцев у *русских, украинцев, белорусов, казахов, армян, татар* и *евреев* были выше, чем в селах и в целом в РСФСР. В конце 1950-х гг. в селах уровень младенческой смертности у данных этносов был наиболее высоким[2].

Данные статистики свидетельствуют о более высоких показателях смертности в возрасте до года у мальчиков по сравнению с девочками, однако они снижались. Эта тенденция наиболее активно проявлялась в городах. На 1000 родившихся живыми умерло в возрасте до года в 1960 г. мальчиков – 39,1, девочек – 30,6, в 1965 г. – 30,0 и 22,6, в 1970 г. – 25,4 и 18,7. В городах коэффициенты младенческой смертности мальчиков и девочек были ниже, чем в селах и в целом в РСФСР. В селах на 1000 родившихся живыми умерло в возрасте до года: 1960 г. мальчиков – 41,4, девочек – 34,5, в 1965 г. – 29,6 и 23,7, в 1970 г. – 27,5 и 21,3. В РСФСР в целом соответственно – 40,4 и 32,7, 29,8 и 23,1, 26,2 и 19,7[3].

Уровень смертности в возрасте до года у мальчиков был выше, чем у девочек у многих этносов РСФСР. На 1000 родившихся живыми умерло в возрасте до года у *русских* мальчиков – 21,7, девочек – 16,2; у *украинцев* соответственно – 14,8 и 8,9; у *белорусов* – 13,4 и 9,3; у *казахов* – 36,3 и 30,8; у *армян* – 19,7 и 11,6; у *татар* – 26,3 и 22,6; у *евреев* – 10,7 и 8,9. Аналогичные показатели фиксировались в последующие годы.

В 1965 г. по сравнению с 1959 г. в городах значительно снизились показатели смертности у мальчиков и девочек в возрасте до года у *русских, украинцев, белорусов, казахов, армян, татар* и *евреев*. На 1000 родившихся живыми умерло в возрасте до года у *русских* мальчиков – 15,7, девочек – 11,1; у *украинцев* соответственно – 7,6 и 5,1; у *белорусов* – 7,0 и 5,4; у *казахов* – 29,7 и 22,1; у *армян* – 15,9 и 11,3; у *татар* – 16,2 и 12,5; у *евреев* – 7,3 и 3,9. Однако у *казахов* сохранялись высокие показатели младенческой смертности мальчиков и девочек, у *татар, армян, русских*, *украинцев, белорусов* и особенно у *евреев* – более низкие[4].

Состояние здоровья женщин влияло на столь высокие показатели перинатальной или околородовой смертности младенцев. Перинатальная смертность, по мнению специалистов, включает смертность жизнеспособных плодов в утробе матери (от 28-й недели беременности до начала родовой деятельности у матери), непосредственно во время родов, а также смертность младенцев в течение первых семи суток жизни (168 ч)[5].

В российских городах коэффициент перинатальной смертности был заметно выше, чем в селах и в целом в РСФСР. Однако в городах показатели перинатальной смертности младенцев, в отличие от сел и РСФСР в целом, снижались. На 1000 родившихся живыми и мертвыми умерло младенцев в перинатальный период в городах в 1960 г. – 25,1, в 1970 г. – 21, 9; в селах – 10,3 и 12,1; в РСФСР в целом – 17,4 и 18,3.

Аналогичным образом складывалась ситуация с мертворожденными младенцами. На 1000 родившихся живыми и мертвыми мертворождения в городах понизились с 14,8 в 1960 г. до 13,3 в 1970 г.; в селах и в целом в РСФСР повысились: в селах – с 6,1 до 8,4; в целом в РСФСР– с 10,3 до 11,5.

В то же время показатели смертности младенцев в возрасте до семи дней понижались. Это было характерно и для городов, и для сел, и для РСФСР в целом. На 1000 родившихся живыми и мертвыми умерло младенцев в возрасте до семи дней в городах в 1960 г. – 10,3, в 1970 г. – 8,6; в селах – 4,1 и 3,7; в РСФСР в целом – 7,1 и 6,8. Следует отметить, что в РСФСР уровень смертности мальчиков в возрасте до семи дней был выше, чем девочек. На 1000 родившихся живыми и мертвыми умерло в возрасте до семи дней мальчиков в 1960 г. – 8,3, в 1970 г. – 8,1; девочек – 5,8 и 5,4[6].

---

[1] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 27. Д. 815. Л. 2–4, 6–7, 9; Оп. 44. Д. 2603. Л. 58–59 об., 83–83 об., 98–99 об., 195–195 об., 219–219 об., 240–240 об., 276–276 об. (подсчеты автора).

[2] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 824. Л. 4 (подсчеты автора); Оп. 44. Д. 2616. Л. 4 об.–6 об. (подсчеты автора).

[3] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 824. Л. 4 об.–6 об.; Оп. 44. Д. 2603. Л. 406 об.; Демографический ежегодник России, 2015: стат. сб. М., 2015. С. 86–88.

[4] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 826. Л. 4–6 об. (подсчеты автора); Оп. 44. Д. 2616. Л. 4–6 об. (подсчеты автора).

[5] Демографический ежегодник России, 2015… С. 73.

[6] Там же С. 89–93.

Высокий уровень младенческой смертности фиксировался в возрасте до месяца, особенно в городах. В 1959 г. на 1000 родившихся живыми умерло младенцев в *городах*: всего – 14,9, мальчиков – 8,9, девочек – 6,0; в *сельских местностях* соответственно: 9,8, 5,6, 4,2; в целом в *РСФСР*: 12,2, 7,2, 5,0. В последующие годы показатели смертности младенцев этого возраста заметно снизились. В 1965 г. на 1000 родившихся живыми умерло младенцев в *городах*: всего – 2,0, мальчиков – 1,2, девочек – 0,8; в *сельских местностях* соответственно – 1,7, 1,0, 0,7; в целом в *РСФСР* – 1,9, 1,1, 0,8[7].

В российских городах младенцы в возрасте до года умирали от *болезней органов дыхания, инфекционных заболеваний, токсической диспепсии*. Следует отметить, что больший процент возникновения токсической диспепсии отмечался у недоношенных детей, а также страдавших рахитом, экссудативным диатезом, дистрофией. В 1959 г. в городах на 10 тыс. родившихся умерло младенцев от *очагового воспаления легких* – 128,3; от *токсической диспепсии* – 34,7; от *дизентерии* – 23,7, от *гастроэнтероколита* – 9,2; от *гриппа вирусного эпидемического* – 8,2; от *коклюша* – 3,1, от *кори* – 2,5. Однако в середине 1960-х гг. в российских городах показатели смертности от этих классов причин смерти младенцев снизились. В 1965 г. в городах – на 10 тыс. родившихся умерло младенцев от *пневмонии первичной* – 21,4, *токсической диспепсии* – 8,7, от *дизентерии* (все формы) – 6,3, *гриппа* – 5,8, *коклюша* – 0,3, *кори* – 0,7.

В городах заметно снизился уровень смертности младенцев от воспаления легких и туберкулеза, особенно органов дыхания. В 1959 г. в городах на 10 тыс. родившихся умерло младенцев: от *крупозного воспаления легких* – 1,6, от *туберкулеза органов дыхания* – 1,2, *туберкулеза мозговых оболочек и центральной нервной системы* – 1,1, *острого милиарного туберкулеза* – 0,4, *прочих форм туберкулеза* – 0,2. Следует отметить заметное снижение уровня смертности младенцев от *туберкулеза органов дыхания* в последующие годы. В 1965 г. уровень смертности младенцев от *туберкулеза органов дыхания* был ниже, чем в 1959 г. Низкие показатели смертности младенцев от этой причины смерти отмечались не только в городах, но и в селах РСФСР – на 10 тыс. родившихся умерло от *туберкулеза органов дыхания* в городах – 0,5, в селах – 0,7, в целом в РСФСР – 0,5.

Из данных статистики видно, что в 1959 г. высокие показатели младенческой смертности были от *родовых травм*, *преждевременного рождения*, *врожденных пороков развития*, т.е. от классов причин смерти, в значительной степени связанных со здоровьем матери. В городах РСФСР на 10 тыс. родившихся умерло младенцев в возрасте до года от *родовых травм новорожденных* – 40,7, от *врожденных пороков развития* – 26,1, от *преждевременного рождения* – 31,3.

В 1965 г. показатели смертности младенцев от *врожденных пороков развития* и от *преждевременного рождения* значительно снизились. Однако уровень младенческой смертности от *родовых травм новорожденных*, *пневмонии*, а также *асфиксии и ателектаза послеродового* оставался высоким. На 10 тыс. родившихся в российских городах умерло младенцев в возрасте до года: от *родовых травм новорожденных* – 45,2, *асфиксии и ателектаза послеродового* – 25,1, *пневмонии новорожденного* – 19,1, *врожденных пороков развития органов кровообращения* – 11,1, от *прочих врожденных пороков развития* – 15,2, от *недоношенности* – 16,8, от *дизентерии новорожденного* – 0,9. Однако в РСФСР в целом уровень смертности младенцев от *родовых травм новорожденных* был выше, чем в городах – 57,7[8]. Данные классы причин смерти новорожденных в значительной степени зависят от состояния здоровья их отцов и особенно матерей.

В городах РСФСР фиксировались такие болезни, как *нефриты, заболевания эндокринной системы, сахарный диабет*. В 1959 г. в российских городах – на 100 тыс. чел. населения умерло: от *нефритов* – 3,9, *болезней эндокринной системы* – 0,9, *сахарного диабета* – 1,1 чел. В 1965 г. от *нефритов* умерло – 3,6, *сахарного диабета* – 1,3. Отмечалось заболевание *анемией* (малокровием), характеризующееся уменьшением концентрации гемоглобина и эритроцитов в единице объема крови. Одним из факторов такого изменения состава крови считается недостаточное питание. Однако показатели смертности российского населения от *анемии* были низкими – на 100 тыс. чел. населения умерло от *анемии*: в городах – 0,6, в сельских местностях – 0,6, в целом в РСФСР – 0,6 чел.

Негативное влияние на состояние здоровья населения оказывали *венерические болезни, алкоголизм и наркомания*. Из данных статистики виден небольшой уровень смертности населения от венерических болезней, в то же время происходило увеличение показателей смертности от алкоголизма и токсикомании. В 1959 г. в российских городах – на 100 тыс. чел. населения умерло от *сифилиса врожденного* – 0,02, *спинной сухотки* – 0,2, от *прочих форм сифилиса* – 0,3, от *алкоголизма и наркомании* – 0,6. В 1965 г. повысились показатели смертности городского населения от алкоголизма и прочих токсикоманий. На 100 тыс. чел. населения умерло от *сифилиса* (все формы) – 0,3, от *алкоголизма* и *прочих токсикоманий* (*алкогольного цирроза печени, психоз алкогольный, прочие токсикомании*) – 1,9[9]. Все эти заболевания поражали мужчин и женщин активных брачных и репродуктивных возрастов и сказывались на репродуктивном здоровье мужчин и женщин. Репродуктивное здоровье определяется Всемирной организацией здравоохранения

[7] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 826. Л. 4–6 об.; Оп. 44. Д. 2622. Л. 6 (подсчеты автора).

[8] Там же. Д. 833. Л. 11–12 об.; Оп. 44. Д. 2625. Л. 41–50, 81–89 (подсчеты автора); Демографический ежегодник России, 1998: стат. сб. М., 1998. С. 51.

[9] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 833. Л. 11–12 об.; Оп. 44. Д. 2625. Л. 41–49, 51–59, 81–89 (подсчеты автора); Демографический ежегодник России, 1998. С. 19.

(ВОЗ) как «состояние полного физического, умственного и социального благополучия во всех вопросах, касающихся функций и процессов репродуктивной системы, а также психосексуальных отношений на всех стадиях жизни»[10].

Репродуктивное здоровье, как и состояние здоровья женщин в целом, страдало от искусственного прерывания беременности, т.е. абортов. Широкое распространение в РСФСР абортов, в том числе в возрастной категории 16–17 лет, определялось низкой сексуальной грамотностью, использованием малоэффективных средств контрацепции и т.д. Все это способствовало развитию у женщин *болезней на стадии беременности и родов*. В 1959 г. в российских городах – на 100 тыс. женщин умерло от *абортов* (все формы) – 2,7, от *внематочной беременности* – 0,4, от *послеродовой инфекции* – 0,1, от *прочих болезней беременности и родов* – 1,9, от *болезни женских половых органов* (невенерические) – 0,2 чел. В 1959 г. данные медицинской статистики фиксировали в российских городах смерть мужчин от болезней половых органов (невенерические) – на 100 тыс. мужчин умерло 2,2[11]. Таким образом, состояние здоровья биологических родителей отражалось на жизнеспособности их потомства.

В то же время в городах произошло некоторое снижение показателя смертности младенцев от *сепсиса новорожденных* – на 10 тыс. родившихся умерло младенцев в 1959 г. – 5,0, в 1965 г. – 4,0.

Нарастание, особенно в городах, проблем экологического характера – загрязнение почвы, воды, воздуха – влияло на распространение смертей младенцев от *болезней кровеносной системы* и *онкологических заболеваний*, не свойственных этому возрасту. В данных статистики фиксировалась смертность младенцев от *болезней кровеносной системы*, *артериосклероза* и других заболеваний системы кровообращения. В 1959 г. в российских городах на 10 тыс. родившихся умерло от *прочих болезней кровеносной системы* – 1,1; от *артериосклероза и других сосудистых поражений мозга, за исключением случаев гипертонической болезни*, *прочих форм гипертонической болезни*, *прочих болезней кровообращения* – 0,2. В 1965 г. от *анемии* в городах умерло младенцев – 0,4, в селах – 0,6, в РСФСР в целом – 0,5.

Младенцы в возрасте до года умирали от *злокачественных новообразований, онкологических заболеваний крови* и т.д. В 1959 г. в городах – на 10 тыс. родившихся младенческая смертность составляла от *злокачественных новообразований* (все формы) – 0,2, от *лейкозов* и *гемобластозы* – 0,6. В 1965 г. соответственно – 0,2 и 0,3 (*лейкемия и алейкемия*). Важно отметить, что в сельской местности уровень смертности младенцев от этих болезней был выше, чем в городах и в целом в РСФСР. На 10 тыс. родившихся умерло младенцев в сельских местностях от *злокачественных новообразований* – 0,4, от *лейкемии и алейкемии* – 0,3, в целом в РСФСР – 0,2 и 0,3.

Следует отметить высокий уровень смертности взрослого населения от сердечно-сосудистых и онкологических болезней. В 1959 г. в российских *городах* наиболее высокие показатели смертности населения были от таких *сердечно-сосудистых болезней*, как кардиосклероз атеросклеротический, артериосклероз и другие сосудистые поражения мозга. Факторами этого заболевания, по мнению медиков, являются недостаток физических упражнений, низкая калорийность питания, нервное перенапряжение, курение и др. На 100 тыс. человек населения умерло от *кардиосклероза атеросклеротического*: в городах – 83,2, в сельской местности – 71,3, в целом в РСФСР – 77,6; от *артериосклероза* и *других сосудистых поражения мозга* соответственно – 51,8, 47,9 и 49,9. В 1965 г. показатели смертности населения от *кардиосклероза атеросклеротического* увеличились. В городах уровень смертности населения от этого заболевания был ниже, чем в селах и в целом в РСФСР. На 100 тыс. чел. населения смертность населения от *кардиосклероза атеросклеротического* составляла: в *городах* – 96,2, в *селах* – 133,6, в целом в *РСФСР* – 112,0.

Загрязнение воды, воздуха, почвы наряду с другими факторами усиливало распространение *онкологических болезней* среди взрослого населения. В конце 1950-х гг. в российских городах более высокие показатели смертности населения были от *рака желудка*, а также *легких, бронхов, плевры*. В 1959 г. на 100 тыс. чел. населения от *рака желудка* умерло в *городах* – 58,2, в *сельских местностях* – 59,2, в целом в *РСФСР* – 58,7; от *рака легких, бронхов, плевры* соответственно – 17,5, 11,1 и 14,4. В 1965 г. наблюдалось незначительное снижение показателей смертности населения от *злокачественных новообразований желудка*. На 100 тыс. чел. населения от *злокачественных новообразований желудка* умерло в *городах* – 55,6, в *сельских местностях* – 52,9, в целом в *РСФСР* – 54,5. В то же время повысилась смертность населения от *злокачественных новообразований легких, бронхов, плевры* соответственно – 21,9, 15,9 и 19,3. Следует отметить, что в конце 1950-х и в 1960-е гг. в российских городах фиксировалось омоложение смертности населения от сердечно-сосудистых и онкологических болезней[12].

Экологическое неблагополучие, особенно в российских городах, негативно сказывалось на эндокринной системе младенцев, что способствовало развитию эндокринных заболеваний, в том числе с летальными исходами. Данные статистики свидетельствовали о том, что в 1959 г. в городах – на 10 тыс. родившихся умерло младенцев от *болезней эндокринной системы* – 0,1, от *прочих болезней обмена веществ и аллергических болезней* – 3,5.

---

[10] Демографическая энциклопедия. М., 2015. С. 656.

[11] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 833. Л. 11–12 об. (подсчеты автора).

[12] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 833. Л. 11–12 об.; Оп. 44. Д. 2625. Л. 41–60, 81–90 (подсчеты автора).

Младенцы погибали и от такого заболевания, как *олигофрения* (синдром врожденного психического дефекта). Эта болезнь связана с патологией головного мозга и выражается в умственной отсталости. Медики считают факторами этого заболевания недоношенность плода, нарушения во время родов, например, родовые травмы, асфиксия и др. Вместе с тем заметную роль в возникновении олигофрении играют генетические изменения, непосредственно связанные с состоянием генетического здоровья родителей.

В РСФСР показатели смертности младенцев от олигофрении были низкими. Однако в городах уровень младенческой смертности от этого заболевания был выше, чем в селах и в целом в РСФСР. В 1965 г. – на 10 тыс. родившихся умерло от *олигофрении* в городах – 0,9, в селах – 0,6, в целом в РСФСР – 0,7[13].

Таким образом, в конце 1950-х и в 1960-е гг. в российских городах младенцы в возрасте до года умирали не только от болезней органов дыхания и инфекционных заболеваний, но и от болезней кровеносной системы, онкологических заболеваний, эндокринных болезней.

В 1960-е гг. в РСФСР показатели смертности детей в возрасте до пяти лет оставались высокими, особенно мальчиков. В 1958–1959 гг. вероятность смерти от момента рождения до пяти лет – на 1000 родившихся живыми составляла у *мальчиков и девочек* – 53,4, у *мальчиков* – 57,5, у *девочек* – 48,7. Однако в 1960 и 1970-е гг. эти показатели снижались: в 1964–1965 гг. у *мальчиков и у девочек* – до 34,3, у *мальчиков* – до 38,0, у *девочек* – до 30,4; в 1969–1970 гг. соответственно – до 29,4, до 33,5, до 25,2. Таким образом, с 1958–1959 по 1969–1970 гг. вероятность смерти от момента рождения до пяти лет снизилась у мальчиков и девочек – на 24,0, у мальчиков – на 24,0, у девочек – на 23,5. Однако вероятность смерти мальчиков от момента рождения до пяти лет оставалась более высокой, чем девочек[14].

Дети в возрасте до пяти лет болели и умирали от заболеваний *органов дыхания*, *пищеварения*, *инфекционных* болезней, а также от болезней, не свойственных этому возрасту: заболеваний *кровеносной системы* и *онкологических* болезней. Однако данные статистики свидетельствовали о том, что с увеличением возраста детей показатели детской смертности по причинам смерти снижались.

Таким образом, в 1960-е гг. в российских городах уровень младенческой и детской смертности снижался. Дети, особенно в возрасте до года, умирали от родовых травм, преждевременного рождения, врожденных пороков развития, олигофрении и других заболеваний, непосредственно связанных со здоровьем родителей и, прежде всего, матерей, а также от болезней органов дыхания и инфекционных заболеваний. Однако показатели смертности детей от данных заболеваний снижались. Новым явлением этих лет была смертность детей от болезней кровеносной системы, онкологических и эндокринных заболеваний, не свойственных данным возрастам. Изменения основных классов причин смерти детей свидетельствовали о развитии современного типа смертности.

Статья принята редакцией 20.12.2017

[13] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 833. Л. 11–12 об., Д. 934. Л. 5 об.; Оп. 44. Д. 2625. Л. 41–49, 51–59, 81–89 (подсчеты автора); Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М., 1963. С. 63.

[14] Демографический ежегодник России, 2015… С. 85.

DOI: 10.15372/HSS20180110
УДК 614.1:314.1

Ю.А. ГРИГОРЬЕВ, О.И. БАРАН

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ ТРЕЗВОСТИ НА ИСХОДЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (1985–1991 гг.): СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СМЕРТНОСТИ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ

Научно-исследовательский институт комплексных проблем гигиены
и профессиональных заболеваний,
РФ, 654041, г. Новокузнецк, улица Кутузова, 23

В статье рассмотрены медико-демографические последствия антиалкогольной кампании 1985–1991 гг. на примере отдельных территорий Западной Сибири. Проанализирована динамика смертности, продолжительности жизни и ее компонентов при уменьшении потребления алкоголя населением, сделан вывод о том, что продолжительность жизни увеличилась в связи с уменьшением безвозвратных потерь как от травм и отравлений, так и от болезней системы кровообращения, однако эффект изменений был кратковременным. Многие демографические проблемы России в указанный период еще требуют глубокой научной проработки. Подчеркнуто, что для устойчивого снижения пагубного влияния алкоголя на здоровье населения необходимы рост культуры и образования населения, изменение менталитета людей.

Ключевые слова: антиалкогольная кампания на исходе советского периода, Западная Сибирь, смертность, травмы и отравления, болезни системы кровообращения, ожидаемая продолжительность жизни, анализ компонент, элиминационные резервы продолжительности жизни.

YU.A. GRIGORYEV, O.I. BARAN

CONSEQUENCES OF FORCED SOBRIETY IN THE LATE SOVIET PERIOD (1985–1991): STRUCTURAL CHANGES IN MORTALITY AND LIFE EXPECTANCY IN A REGIONAL CONTEXT

Research Institute for Complex Problems of Hygiene and Occupational Diseases,
23, Kutuzov str., Novokuznetsk, 654041, Russia

The article discusses medical-demographic consequences of the anti-alcohol campaign of 1985–1991 in the regions of Western Siberia. Harmful effects of the excessive alcohol use are an important issue for a large part of humanity. A huge part of irretrievable losses from injuries (road traffic accidents, murders, suicides) is related to alcohol use. In addition, a significant part of somatic and mental pathology is caused by excessive alcohol consumption. Attempts to reduce the scale of drunkenness were made with different success in many countries. In Russia, anti-alcohol measures were carried out not only in the Soviet period, but also in the Russian Empire. The author used data from Russian State Statistics Committee: the form of Central Statistical Office N 5-a and N 5-b up to 1989, since 1989 it was C-51 form for all territories of Western Siberia, and summary data for the Russian Federation. The materials of the regional (provincial and municipal) Bureaus of Forensic Medical Examination were analyzed in some territories of Siberia. The dynamics of life expectancy was studied by a component method, which was also used to analyze its elimination reserves. The measures of forced sobriety in the late Soviet period (1985–1991) had very significant medical-demographic consequences. The population mortality rate decreased and the life expectancy increased. The rate growth by ¾ was associated with reducing mortality from injuries and poisonings, and by ¼ – from the circulatory system diseases. The positive changes were manifested more in men than in women, and, as a result, the sexual dimorphism of life expectancy decreased. These effects were short-lived.

Юрий Аркадьевич Григорьев – д-р мед. наук, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний, e-mail: grig.yu@gmail.com.

Ольга Ивановна Баран – старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт комплексных проблем гигиены и профессиональных заболеваний, e-mail: baranolg@gmail.com.

Yury A. Grigoryev – Doctor of Medicine, chief researcher, Research Institute for Complex Problems of Hygiene and Occupational.

Olga I. Baran – senior researcher, Research Institute for Complex Problems of Hygiene and Occupational Diseases.

© Григорьев Ю.А., Баран О.И., 2018

The article concluded that improved population's cultural and educational level and people's mentality changes are necessary for sustainable reduction of the alcohol's harmful effects on the population health. Only on this basis, the level of alcohol use and the associated excessive human losses can decrease in the future.

Key words: anti-alcohol campaign, late Soviet period, West Siberia, mortality, injuries and poisonings, diseases of the circulatory system, life expectancy, component analysis, elimination reserves of life expectancy.

Руководство СССР во главе с М.С. Горбачевым начало свою деятельность с антиалкогольного постановления ЦК КПСС от 7 мая 1985 г. «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма». Конкретные антиалкогольные мероприятия состояли в ограничении доступности алкоголя для населения, в частичном закрытии и перепрофилировании винно-водочных производств, сокращении плантаций хмеля и посевов ячменя для пивного солода, а также в уменьшении площади под винными сортами винограда [1, с. 70–79]. Уже в 1987 г. стало понятно, что провозглашенное «ускорение» развития страны не получилось. Причины провала лежали в глубоких сферах политической и социальной жизни советского государства и общества, а не в низкой исполнительской дисциплине из-за пьянства [2]. Курс сменился на «перестройку» и «гласность». В этих условиях антиалкогольный эксперимент оказался на обочине интересов руководства страны, его непопулярные мероприятия постепенно стали сворачиваться. Несмотря на краткость кампании, она как важный элемент социальной политики того времени затронула многие стороны жизни нашей страны и ее населения [1, с. 80–88]. Не стали исключением и медико-демографические последствия, региональные особенности которых анализируются в данной статье на примере Западной Сибири. Добавим к этому, что значительная часть безвозвратных потерь от травм (убийства, самоубийства, дорожно-транспортные происшествия) происходит на фоне алкогольного опьянения человека. Эта закономерность известна давно, и попытки уменьшить масштабы пьянства предпринимались в нашей стране не только в советский период, но еще и в Российской империи. Алкоголь повышает агрессивность человека, а его воздействие в условиях Сибири и Крайнего Севера более пагубно, чем в средней полосе России.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Использованы данные Госкомстата РФ: форма ЦСУ № 5-а и форма № 5-б «Сведения об умерших по полу, возрасту и причинам смерти» до 1989 г., с 1989 г. – форма С-51 по всем территориям Западной Сибири, а также суммарные данные по Российской Федерации. Были проанализированы данные областных (краевых и городских) бюро судебно-медицинской экспертизы по отдельным территориям Сибири. Расчеты показателей смертности и продолжительности жизни выполнены на основе общепринятых методов [3, с. 217–223, 327–333]. Анализ компонент продолжительности жизни осуществлялся по Е.М. Андрееву [4, с. 42–47], этот же метод использовался для изучения ее элиминационных резервов [5, с. 69–72; 6, с. 49–51].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В стране повсеместно с 1 июня 1985 г. были введены жесткие ограничения на продажу алкогольных напитков, и последствия были синхронны принятым запретительным мерам. Деструктивное поведение людей значительно изменилось. В 1985 г. произошло снижение числа случаев смерти от травм и отравлений по сравнению со средней величиной за предыдущие пять лет: в Кемеровской области – на 12,4 %, в Красноярском крае на – 8,7, в Новосибирской области – на 5,4 %. Более подробно изучение этой проблемы проводилось по данным Новокузнецкого бюро судебно-медицинской экспертизы. В 1985 г. по сравнению с предшествующим периодом (пять лет) в Новокузнецке число случаев насильственной смерти уменьшилось на 18,7 %. Очень важным был следующий факт: число случаев насильственной смерти при наличии алкоголя в крови сократилось на 28,0 %, а при его отсутствии изменений не произошло. В 1986–1987 гг. динамика смертности от травм и отравлений была позитивной, число случаев насильственной смерти в 1986 г. составило 68,4 % от среднего уровня 1979–1984 гг., в 1987 г. – 59,9 %, а в 1988 г. процесс пошел вспять.

Уже по данным 1985 г. можно было сделать вывод о том, что противоалкогольные мероприятия в Новокузнецке значительно снизили величину безвозвратных потерь на фоне присутствия алкоголя в крови, за год была спасена жизнь почти 300 чел. Продолжительность жизни у мужчин Новокузнецка в 1985 г. по сравнению с 1984 г. выросла на один год. При этом 3/4 прироста связаны с уменьшением безвозвратных потерь от травм и отравлений, а 1/4 – от болезней системы кровообращения. В 1986 г. достигнут новый успех – безвозвратные потери от травм на фоне присутствия алкоголя в крови сократились почти вдвое по сравнению с 1984 г., а продолжительность жизни увеличилась еще на два года. Данные факты дали нам основание предложить использовать медико-демографические показатели для оценки эффективности антиалкогольного эксперимента на территории Сибири в условиях слабой еще разработки в то время теоретико-методологических проблем наркологической превентологии [7, с. 127–178].

Продолжительность жизни в Сибири после 1965 г. постоянно снижалась и была ниже уровня РФ. В 1985 г. по сравнению с 1984 г. продолжительность жизни у мужчин в городских поселениях на территории Западной Сибири увеличилась (табл. 1): в Кемеровской области – на 1,3 года, в Томской области – на 1,0, в Омской области – на 0,9, в Алтайском крае – на 0,5 года (табл. 1). Самый высокий уро-

вень продолжительности жизни в 1985 г. был отмечен у мужчин в городских поселениях Томской области (64,1 года), а самый низкий – в Кемеровской области (62,4 года).

Рост продолжительности жизни в 1986 г. был связан, прежде всего, с уменьшением смертности от травм и отравлений. В Западной Сибири наиболее значительные изменения данного показателя произошли в Томской области, где продолжительность жизни у мужчин в городских поселениях по сравнению с 1979 г. увеличилась на 4,2 года, а в сельской местности – на 6 лет. У женщин продолжительность жизни выросла в меньшей степени: в городских поселениях и сельской местности – на 1,8 года. Этот факт объясняется тем, что смертность женщин от травм и отравлений всегда была значительно ниже, чем у мужчин, а средняя продолжительность жизни увеличилась в 1985–1986 гг. прежде всего за счет снижения смертности от этого вида причин. Например, в городских поселениях Томской области у мужчин общий прирост продолжительности жизни (4,2 года) произошел за счет снижения смертности от травм и отравлений – на 3,2 года и от болезней системы кровообращения – на 1 год. Аналогичная ситуация существовала и на большинстве других территорий Сибири – 60–80 % прироста продолжительности жизни было связано со снижением смертности от травм и отравлений. Успехи в увеличении продолжительности жизни не на всех территориях были одинаковыми. Наиболее высокие достижения в Томской области объясняются тем, что здесь гораздо раньше, чем в других регионах, началась активная борьба с пьянством.

Еще один пример – Кемеровская область, где в 1970-е гг. и в начале 1980-х гг. была отмечена значительная негативная динамика указанного показателя. В 1986 г. заметные изменения в продолжительности жизни произошли у городского населения Кемеровской области: у мужчин продолжительность жизни

Таблица 1

Динамика продолжительности жизни населения в Российской Федерации и на отдельных территориях Западной Сибири

Территория	Тип территории	Пол	1979 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.	1989 г.	1991 г.
Алтайский край	Город	М	61,3	62,2	62,7	65,5	64,0	62,9
		Ж	72,5	72,3	73,2	74,2	74,3	72,9
	Село	М	59,6	59,2	61,2	64,8	62,1	62,7
		Ж	72,0	71,6	74,4	74,3	73,4	73,2
Кемеровская область	Город	М	61,0	61,1	62,4	64,9	63,3	62,5
		Ж	71,9	71,8	72,5	73,7	73,6	72,4
	Село	М	57,0	56,4	58,2	61,8	61,2	59,6
		Ж	69,8	68,9	70,5	73,6	72,3	70,6
Новосибирская область	Город	М	61,6	61,7	62,7	64,8	64,3	64,1
		Ж	72,3	72,1	72,7	73,6	74,3	73,5
	Село	М	60,7	60,7	62,0	64,4	62,8	62,7
		Ж	73,4	73,4	74,3	75,4	74,5	72,6
Омская область	Город	М	62,5	62,7	63,6	65,1	64,8	64,4
		Ж	73,1	73,0	73,8	74,7	74,5	73,9
	Село	М	60,4	60,2	61,4	63,5	63,4	63,1
		Ж	71,8	72,3	72,7	74,6	73,6	73,1
Томская область	Город	М	61,9	63,1	64,1	66,1	64,5	63,2
		Ж	72,8	73,6	73,5	74,8	73,6	73,9
	Село	М	58,5	60,0	62,2	64,5	61,6	60,9
		Ж	71,8	71,5	73,6	73,8	72,1	72,4
Тюменская область	Город	М	59,1	61,3	63,9	66,2	65,1	64,0
		Ж	71,7	73,4	74,7	75,7	75,0	73,6
	Село	М	58,4	58,2	60,1	64,0	62,6	60,1
		Ж	70,0	69,2	70,5	73,2	74,3	72,5
Российская Федерация	Город	М	62,4	62,7	63,7	65,4	64,7	64,1
		Ж	73,2	73,3	73,6	74,5	74,6	73,7
	Село	М	59,4	59,2	60,4	63,3	62,6	61,5
		Ж	72,5	72,5	72,9	74,5	74,4	73,1

Составлено по данным Госкомстата РФ, расчеты выполнены авторами.

выросла на 3,9 года и только за счет снижения смертности от травм и отравлений – на 2,5 года. В сельской местности положительные сдвиги были еще большими: продолжительность жизни у мужчин увеличилась на 4,8 года, в том числе за счет снижения смертности от травм – на 3,3 года. Однако достигнутый уровень показателя в сельской местности составлял меньшую величину, чем в 1970 г. При этом необходимо иметь в виду влияние различий социальной структуры населения Томской и Кемеровской областей. Нами на примере крупного промышленного центра Кузбасса изучены особенности безвозвратных потерь в зависимости от уровня образования: чем он ниже, тем выше уровень смертности и больше ее доля с экзогенной детерминацией [8, с. 86–103]. При такой закономерности в худших условиях по потерям продолжительности жизни и должна была оказаться Кемеровская область, где выше доля населения с низким уровнем образования.

В 1987 г. на многих территориях Западной Сибири рост продолжительности жизни значительно замедлился или сменился снижением данного показателя. В 1988–1989 гг. сокращение продолжительности жизни произошло повсеместно. Это связано не только с неэффективностью антиалкогольной борьбы административными методами, но и с общим кризисом в обществе. Медико-демографические последствия таких процессов имеют все признаки предыдущего («застойного») периода: низкий уровень продолжительности жизни связан с высоким уровнем смертности от травм и отравлений. Это убедительно подтверждается на примере Томской и Кемеровской областей – центров типов, в которые входит большинство территорий Сибири и Дальнего Востока (табл. 2).

Основной причиной смертности населения Западной Сибири, как и в целом населения Российской Федерации, являлись болезни системы кровообращения. Однако по сравнению с Российской Федерацией доля этих заболеваний в структуре причин смерти здесь составляла 50,7 % против 55,9 %. А доля новообразований, которые занимали второе место, приблизительно одинакова как в Российской Федерации, так и в Западной Сибири. Значительно большую роль в формировании структуры смертности в данном регионе играли травмы и отравления: их доля достигала 15,1 % против 11,7 % в Российской Федерации. Такие же особенности характерны для структуры смертности населения Восточной Сибири и Дальнего Востока, где доля болезней системы кровообращения была еще ниже, а травм и отравлений – выше, т.е. в этих регионах еще больше преобладала смертность от экзогенных причин [8, с. 86–103].

Специальные расчеты, основанные на использовании метода компонент, позволяющего установить основные резервы увеличения продолжительности жизни, показали, что более низкий ее уровень в изучаемом регионе по сравнению с Российской Федерацией в целом почти на 70 % обусловлен повышенной смертностью от травм и отравлений (в возрастной группе 15–59 лет – почти на 86 %). Значительную роль в сокращении продолжительности жизни в регионе по сравнению с Российской Федерацией играли повышенные уровни смертности от болезней органов дыхания (с ними связано более 10 % общего сокращения показателя) и новообразований (более 9 %). Вместе с тем в трудоспособном возрасте наряду с травмами, отравлениями и заболеваниями органов дыхания большое место в формировании низкого уровня продолжительности жизни принадлежит инфекционным и паразитарным болезням (на смертность от этой причины приходится около 10 % общего сокращения продолжительности жизни в трудоспособном возрасте). Таким образом, основной вывод, который можно сделать на основе использования данного метода, состоит в том, что более низкий уровень продолжительности жизни населения Западной Сибири связан, прежде всего, с повышенным уровнем смертности от травм и отравлений, инфекционных и паразитарных болезней, а также от болезней органов дыхания. Для женщин особое значение имеет повышенный уровень смертности от болезней системы кровообращения.

Изучение смертности населения Западной Сибири от травм и отравлений показывает, что без снижения уровня насильственной смерти, прежде всего у мужчин, на кардинальное улучшение ситуации здесь рассчитывать невозможно. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в возрастной группе 15–34 года более 70 % всех случаев смерти населения Западной Сибири связано с травмами и отравлениями, причем среди мужчин этой возрастной группы – более 77 %. В возрастной группе 35–59 лет на долю этой причины приходится более 1/4 всех смертельных исходов, а среди мужчин еще больше – около 30 %. Изучение структуры смертности внутри этого класса в Западной Сибири показывает, что она формируется прежде всего за счет несчастных случаев на транспорте (более 20 % смертности от травм и отравлений), само-

Таблица 2

Динамика потерь продолжительности жизни от травм и отравлений у мужчин в городских поселениях Томской и Кемеровской областей (величина элиминационных резервов в годах) в 1970–1991 гг.

Область	1970 г.	1979 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.	1991 г.
Томская	4,2	5,6	4,0	3,7	2,6	4,3
Кемеровская	5,0	6,1	5,5	5,0	3,8	6,3

Составлено по данным Госкомстата РФ, расчеты выполнены авторами.

убийств (около 20 %), случайных отравлений (более 14 %) и убийств (около 13 %). Сравнение повозрастных показателей смертности от травм и отравлений обнаружило, что как среди мужчин, так и среди женщин практически по всем видам травм показатели смертности в Западной Сибири выше, чем в Российской Федерации в целом. Имеются общие черты формирования уровней смертности в отдельных возрастных группах: в возрасте 0–14 лет решающую роль играют несчастные случаи на транспорте и случайные утопления, в возрасте 15–34 года – несчастные случаи на транспорте, в возрасте старше 35 лет – самоубийства. Высок уровень смертности мужчин Западной Сибири вследствие случайных отравлений алкоголем, этот показатель в возрастных группах до 45 лет, а в сельской местности до 50 лет превышал уровень смертности от острого инфаркта миокарда. Следует также отметить, что в значительном числе случаев смертельные исходы в результате острого отравления алкоголем квалифицировались как смерть от болезней сердца вследствие тех трудностей, которые связаны с необходимостью лабораторного подтверждения наличия алкоголя в крови на момент смерти. Есть все основания предполагать, что реальный уровень смерти мужчин от этой причины значительно выше [9, с. 57]. В результате описанных выше изменений ситуация с безвозвратными потерями за 1988–1991 гг. вернулась к уровню начала 1980-х гг. Ни одна из поставленных задач эксперимента по сокращению потребления алкоголя и улучшению общественного здоровья до конца не была решена, а достигнутые успехи не были закреплены в долгосрочной перспективе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Радикальные перемены в стране, связанные с «ускорением», а затем и с «перестройкой» и «гласностью», начались с ряда ошибочных шагов, в том числе с антиалкогольного эксперимента. Жесткие ограничительные мероприятия не могли быть оптимальным вариантом антиалкогольной политики. Такой же вывод был сделан ранее из опыта введения «сухого закона» в 1930-х гг. в США. Снижение в нашей стране производства вина и пива стало причиной изменения структуры потребления алкоголя в пользу крепких спиртных напитков. Социально-экономические преобразования в России с 1992 г. сопровождались ростом потребления алкоголя и увеличением зависимых от него заболеваемости и смертности. Однако повторение в той или иной форме антиалкогольного эксперимента 1985 г. не решит ни одной стратегической проблемы здоровья популяции и связанного с алкоголем агрессивного поведения человека. Очевидно, что необходимо повышение уровня культуры и образования населения, изменение менталитета в целом, в том числе укрепление установок на самосохранительное поведение. Только на этой основе в долгосрочной перспективе можно будет снизить уровень потребления алкоголя и связанные с ним избыточные человеческие потери.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Немцов А.В.* Алкогольная история России: Новейший период. М.: Кн. дом ЛИБРОКОМ, 2009. 320 с.

2. *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти (1945–1991). М.: Изд-во РАГС, 1998. 678 с.

3. Демографическая статистика. М.: КНОРУС, 2010. 480 с.

4. *Андреев Е.М.* Метод компонент в анализе продолжительности жизни // Вестник статистики. 1982. № 9. С. 42–47.

5. *Григорьев Ю.А.* Использование метода компонент в анализе продолжительности жизни // Комплексная программа охраны здоровья населения Сибири. Новосибирск, 1985. С. 53–73.

6. *Григорьев Ю.А.* Метод компонент в анализе элиминационного резерва средней продолжительности жизни населения // Медицина и демография. Москва; Новокузнецк, 1984. С. 49–51.

7. *Сидоров П.И.* Наркологическая превентология. М.: МЕДпресс-информ, 2006. 720 с.

8. *Григорьев Ю.А., Соболева С.В.* Экзогенная и эндогенная детерминация смертности в Сибирском федеральном округе // Регион: экономика и социология. 2012. № 2. С. 86–103.

9. *Нужный В.П., Харченко В.И., Акопян А.С.* Избыточное потребление алкоголя в России – весомый фактор риска болезней системы кровообращения и высокой смертности населения (обзор) // Терапевтический архив. 1998. № 10. С.57–64.

REFERENCES

1. *Nemtsov A.V.* The alcohol history in Russia: a modern period. Moscow: LIBROKOM, 2009, 320 p. (In Russ.)

2. *Pikhoya R.G.* The Soviet Union: the power history (1945–1991). Moscow: RAGS, 1998, 678 p. (In Russ.)

3. Demographic statistics. Moscow: KNORUS, 2010, 480 p. (In Russ.)

4. *Andreev E.M.* A component method in the life expectancy analysis. *Vestnik statistiki,* 1982, no. 9, pp. 42–47. (In Russ.)

5. *Grigoryev Yu.A*. Using a component method in the life expectancy analysis. *Kompleksnaya programma okhrany zdorov'ya naseleniya Sibiri*. Novosibirsk, 1985, pp. 53–73. (In Russ.)

6. *Grigoryev Yu.A*. A component method in the elimination reserve analysis of the population average life expectancy. *Meditsina i demografiya*. Moscow, Novokuznetsk, 1984, pp. 49–51. (In Russ.)

7. *Sidorov P.I.* Narcological preventology. Moscow: MEDpress-inform, 2006, 720 p. (In Russ.)

8. *Grigoryev Yu.A., Soboleva S.V.* The mortality exogenous and endogenous determination in the Siberian Federal District. *Region: ekonomika i sotsiologiya,* 2012, no. 2, pp. 86–103. (In Russ.)

9. *Nuzhnyi V.P., Kharchenko V.I., Akopyan A.S.* Excessive alcohol use in Russia is a significant risk factor for the circulatory system diseases and the population high mortality rate (review). *Terapevticheskiy arkhiv*, 1998, no. 10, pp. 57–64. (In Russ.)

Статья принята редакцией 25.12.2017

DOI: 10.15372/HSS20180111
УДК 314.4(470.13)

В.В. ФАУЗЕР, Т.С. ЛЫТКИНА, Г.Н. ФАУЗЕР, И.А. ПАНАРИНА

ДИНАМИКА СМЕРТНОСТИ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ*

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра УрО РАН,
РФ, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26

Статья посвящена изучению уровня и причин смертности населения в различные исторические периоды социально-экономического развития Республики Коми. Показано, что мужская смертность была выше, чем женская, особенно в когортах трудоспособных возрастов. Причины этого кроются как в условиях труда, так и в самосохранительном поведении. Динамика общего коэффициента смертности сельского населения традиционно выше, чем городского. Выделены периоды роста и снижения смертности, дано объяснение пиковым значениям абсолютного числа смертей, колебаниям общего и специального коэффициентов. Высокая смертность мужчин, по мнению авторов, обусловила значительную разницу в продолжительности жизни между полами. Раскрыта взаимосвязь уровня смертности с историческими событиями, состоянием экономики и социальным развитием страны. Показано, что наиболее высокие человеческие потери связаны с периодом становления советского государства: индустриализацией, коллективизацией и голодом 1932–1933-х гг., а также Великой Отечественной войной.

Ключевые слова: Республика Коми, смертность населения, причины смерти, коэффициенты смертности, ожидаемая продолжительность жизни.

V.V. FAUZER, T.S. LYTKINA, G.N. FAUZER, I.A. PANARINA

DYNAMICS OF MORTALITY AND LIFE EXPECTANCY OF THE POPULATION OF THE KOMI REPUBLIC

Institute of socio-economic and energy problems of the North
Komi Science Centre UB RAS
26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russia

*Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016–2018 гг.).

Виктор Вильгельмович Фаузер – д-р экон. наук, профессор, руководитель отдела социально-экономических проблем, заведующий лабораторией демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, e-mail: fauzer@iespn.komisc.ru, http://vvfauzer.ru.

Татьяна Степановна Лыткина – канд. социол. наук, старший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, e-mail: tlytkina@yandex.ru.

Галина Николаевна Фаузер – научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru.

Ирина Александровна Панарина – младший научный сотрудник лаборатории демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, e-mail: i.a.panarina@yandex.ru.

Victor V. Fauzer – Doctor of Economics, Professor, the head of the department of socio-economic problems and the laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre UB RAS.

Tatyana S. Lytkina – Candidate of Sociology, the senior researcher of laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre UB RAS.

Galina N. Fauzer – the researcher of laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre UB RAS.

Irina A. Panarina – the junior researcher of laboratory of demographic and social management, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre UB RAS.

© Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., Панарина И.А., 2018

The article studies levels and causes of the population mortality in different historical periods of social-economic development in Komi Republic. The topic relevance is determined not only by the prolonged lag in the Russian life expectancy from European countries, but also related to regional features of northern territories: climatic conditions, life-style, industrial branch structure, population formation peculiarity and ethnic composition. The article focuses on differences in rural and urban mortality, men and women death rates. Analyzing statistical information, the authors reveal periods of mortality growth and decrease, substantiate peak values of absolute rise of deaths numbers, fluctuations of general and special coefficients. The article proves relationships of mortality with historical events, the country economic-social development. It shows that the highest loss of life associated with the Soviet state formation: industrialization, collectivization, starvation in 1932–1933, and the Great Patriotic War. The mortality rate growth during the late 1970s – early 1980s is of particular interest. Thanks to the well-known anti-alcohol campaign, it was possible to reduce the problem. The country's transition to the market determined the next stage of increasing mortality. The mortality highest rates were recorded in 1993–1996 and 2002–2006. Authors show that male mortality is higher than female one, especially in able-bodied population, the reasons are working conditions and various self-preserving behaviors. The dynamics of the overall mortality rate of the rural population is traditionally higher than the urban one. Rural people are at the risk zone – an increased mortality rate, which along with decreasing birth rate can lead to a significant decline of the indigenous people's number.

Key words: Komi Republic, population mortality, causes of death, death rates, life expectancy.

Уровень смертности населения является одним из важнейших критериев оценки развития общества. Не случайно старость и ее возрастные границы служат предметом обсуждений с давних времен. По мнению Мартина Лютера, «старость – это живая могила», по ироничному определению современного французского писателя Андре Моруа, «старость – дурная привычка, для которой у активных людей нет времени». Согласно представлениям древних китайских мудрецов, царя Соломона, греческого историка Геродота, древнеиндийских создателей системы Упанишад, жизненный путь человека исчислялся в 70–80 лет. В Средневековье и эпоху Возрождения представления о продолжительности человеческой жизни были весьма пессимистичными. Считалось, что старость у женщин наступает к 30 годам, у мужчин – к 50, а 60 лет – предел человеческой жизни [1, с. 136].

В соответствии с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения, ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) выступает не только измерителем собственно уровня смертности, но и характеристикой уровня и качества жизни населения, состояния его здоровья. Согласно Программе действий, принятой на Международной конференции в Каире в 1994 г., все страны должны стремиться к тому, чтобы в 2015 г. ожидаемая продолжительность жизни для обоих полов превысила 75 лет. Однако, согласно прогнозам Росстата, ожидаемая продолжительность жизни в России только к 2030 г. составит 75,09 года, в том числе у женщин – 79,48 и у мужчин – 70,59.

История государственной регистрации смертности ведет отсчет от Декрета о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния от 18 декабря 1918 г. Статистический учет смертности осуществляется на основе врачебных свидетельств о смерти. Пиковые значения чисел умерших отражают переломные вехи в развитии страны. По архивам Комистата нам удалось восстановить полный ряд чисел умерших с 1926 по 2016 г. (табл. 1).

В 1930-х гг. отмечалось повышенное число смертей, вызванное индустриализацией, коллективизацией (раскулачиванием крестьянства), голодом 1932–1933 гг., репрессиями. Наиболее высокие значения числа смертей наблюдаются в 1931, 1933, 1940 г. В 1941 г. произошло уменьшение числа умерших, что было связано с «вывозной смертностью» (значительная часть жителей республики погибла в первый год войны за ее пределами). В 1942–1943 гг. число умерших вновь резко увеличилось в связи с высокой смертностью среди спецконтингента. В послевоенный период особое место занимает 1947 г. – 8539 случаев. Рост числа смертей вызван двумя обстоятельствами: голодом и выходом указов об ответственности за хищение и кражи от 4 июня 1947 г. Первый – об «уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», второй – об «усилении охраны личной собственности граждан», что стало основанием для продолжения сталинских репрессий [2, с. 159]. Очередной рост количества умерших в республике приходится на 1980–1985 гг., снизить который удалось в результате борьбы с алкоголизмом. Однако переход страны к рынку в 1992 г. вызвал новое повышение числа умерших.

Для анализа уровня смертности обратимся к общему коэффициенту смертности (ОКС). Известно, что в конце XIX – начале XX вв. он варьировал в пределах 26–46 ‰, что объясняется низким качеством жизни населения. С 1925 по 1935 г. наблюдается плавное снижение смертности, за исключением 1933 г. В последующие годы (несмотря на отсутствие статистических данных по некоторым годам), вплоть до 1948 г., смертность населения оставалась высокой.

С 1948 по 1965 г. уровень смертности с некоторыми колебаниями постоянно снижался: с 16,6 до 5,6 ‰. Это было связано с отъездом репрессированных народов и началом добровольной миграции трудоспособного населения в осваиваемые районы республики. Отметим, что в этот исторический период ОКС был значительно ниже современного его уровня в таких странах, как Финляндия, Дания и Швеция. В 2016 г. ОКС в перечисленных странах составил 9 ‰. В период с 1958 по 1978 г. общий коэффициент смертности в республике был ниже, чем в современной Канаде – 8 ‰.

С 1965 по 1984 г. ОКС увеличился до 7,9 ‰, или в 1,4 раза. С 1985 по 1992 г. ОКС не имел четко выраженной динамики, но не превышал величины в 10,0 ‰ (верхний допустимый уровень). На него оказали влияние многие факторы: очередные социально-экономические реформы, период застоя и антиалкогольная кампания. В 1985–1987 гг. снижение

Таблица 1

Динамика числа умерших в Республике Коми в 1926–2016 гг., чел.

Год	Все население	Городское	Сельское	Год	Все население	Городское	Сельское	Год	Все население	Городское	Сельское
1926	4383	156	4227	1957	5660	2172	3488	1988	8930	5942	2988
1927	7215	193	7022	1958	4982	2203	2779	1989	8857	5945	2912
1928	4640	182	4458	1959	5209	2276	2933	1990	9321	6463	2858
1929	5261	235	5026	1960	5010	2314	2696	1991	9665	6634	3031
1930	6574	179	6395	1961	5076	2348	2728	1992	11 426	7844	3582
1931	8000	296	7704	1962	5164	2354	2810	1993	14 642	10 140	4502
1932	6249	385	5864	1963	5231	2449	2782	1994	16 074	11 241	4833
1933	10 523	832	9691	1964	5264	2529	2735	1995	15 057	10 674	4383
1934	6349	483	5866	1965	5241	2608	2633	1996	13 674	9285	4389
1935	6254	364	5890	1966	5533	2785	2748	1997	12 244	8254	3990
1936	8959	495	8464	1967	5431	2782	2649	1998	11 545	7813	3732
1937	7929	523	7406	1968	5617	2867	2750	1999	12 253	8346	3907
1938	8933	666	8267	1969	5873	3100	2773	2000	13 594	9503	4091
1939	7730	862	6868	1970	6276	3171	3105	2001	13 968	9578	4390
1940	12 134	1301	10 833	1971	6299	3269	3030	2002	15 265	10 300	4965
1941	11 872	2123	9749	1972	6548	3491	3057	2003	15 810	10 694	5116
1942	16 211	3868	12 343	1973	6761	3594	3167	2004	15 210	10 299	4911
1943	16 663	–	–	1974	6805	3687	3118	2005	15 074	10 220	4854
1944	9284	2562	6722	1975	7284	4009	3275	2006	13 519	9169	4350
1945	6185	1725	4460	1976	7896	4539	3357	2007	12 304	8446	3858
1946	5636	1762	3874	1977	8129	4775	3354	2008	12 270	8248	4022
1947	8539	2628	5911	1978	8423	4985	3438	2009	12 182	8260	3922
1948	6336	2050	4286	1979	8985	5398	3587	2010	11 819	7980	3839
1949	5644	2078	3566	1980	9169	5503	3666	2011	11 065	7549	3516
1950	6002	2382	3620	1981	9103	5553	3550	2010	10 830	7492	3338
1951	6474	2521	3953	1982	8758	5374	3384	2013	10 484	7346	3138
1952	6185	2411	3774	1983	9250	5611	3639	2014	10 621	7374	3247
1953	5944	2372	3572	1984	9486	5863	5863	2015	10 644	7511	3133
1954	6029	2310	3719	1985	9334	5795	5795	2016	10 565	7426	3139
1955	5617	2120	3497	1986	8112	5241	2871				
1956	5252	2074	3178	1987	8544	5501	3043				

Составлено по: Демографический ежегодник Республики Коми. 2017: стат. сб./Комистат. Сыктывкар, 2017. С. 30–31; *Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В.* Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 51.

реального потребления алкоголя на 27 % привело к падению смертности на 12 % среди мужчин и на 7 % среди женщин. Смертность от алкогольных отравлений снизилась на 56 %. Смертность среди мужчин от несчастных случаев и насилия упала на 36 %, от пневмонии – на 40 %, а от сердечно-сосудистых заболеваний – на 9 % [3, с. 105, 109]. Эта кампания спасла более 1,2 млн человеческих жизней в СССР [4]. В 1994–1995 гг., в первые годы рыночной экономики, ОКС соответствовал уровню смертности, характерному для начала 1950-х гг. Таким образом, анализ динамики числа смертей и общего коэффициента смертности с 1920-х гг. наглядно показывает зависимость этих показателей от исторических событий и социально-экономического развития страны (табл. 2).

Общий коэффициент смертности сельских жителей, начиная с 1948 г., всегда был значительно выше городского. Учитывая, что коренные жители Республики Коми живут преимущественно в сельской местности, то при снижении рождаемости это может привести к существенному их сокращению. Принимаемые в последние годы государством меры по поддержке семьи пока обеспечивают положительный естественный прирост всего населения.

Периоды низкой смертности на селе приходятся на 1958–1975 гг. и 1986–1990 гг., когда ОКС был ниже 10 ‰. В 2000 г. уровень смертности сельского населения был таким же, как в начале 1950-х гг. Однако если в тот период отмечалась заметная тенденция к снижению его уровня, то сегодня о снижении смертности на селе говорить не приходится. Основными причи-

Таблица 2

Динамика общего коэффициента смертности населения Республики Коми в 1920–2016 гг., на 1000 чел.

Год	Все население	Городское	Сельское	Год	Все население	Городское	Сельское	Год	Все население	Городское	Сельское
1920	24,2	–	–	1956	7,5	6,1	9,2	1987	6,8	5,9	9,7
1921	26,3	–	–	1957	7,5	5,3	10,2	1988	7,1	6,3	9,6
1922	31,6	–	–	1958	6,3	4,8	8,3	1989	7,1	6,3	9,5
1923	36,0	–	–	1959	6,3	4,6	8,9	1990	7,5	6,8	9,5
1924	27,6	–	–	1960	6,0	4,6	8,2	1991	7,9	7,1	10,3
1925	31,4	–	–	1961	5,9	4,5	8,1	1992	9,4	8,5	12,1
1926	19,4	–	–	1962	5,9	4,4	8,3	1993	12,2	11,2	15,2
1927	28,4	–	–	1963	5,8	4,4	8,0	1994	13,7	12,7	16,7
1930	27,2	27,1	27,2	1964	5,7	4,4	7,8	1995	13,2	12,3	15,7
1931	28,9	29,4	28,9	1965	5,6	4,4	7,5	1996	12,2	11,0	15,8
1932	24,2	17,0	24,9	1966	5,8	4,6	7,9	1997	11,1	9,9	14,7
1933	37,2	34,5	37,5	1967	5,7	4,6	7,6	1998	10,6	9,5	14,0
1934	22,6	18,4	23,1	1968	5,9	4,7	8,0	1999	11,5	10,4	14,9
1935	20,5	13,6	21,2	1969	6,1	5,0	8,2	2000	12,9	12,0	15,9
1939	23,9	31,3	23,2	1970	6,5	5,2	8,5	2001	13,5	12,3	17,1
1940	36,5	38,5	36,3	1971	6,4	5,3	8,4	2002	14,9	13,4	19,6
1941	32,9	45,0	31,0	1972	6,6	5,5	8,6	2003	15,7	14,1	20,5
1942	48,8	73,7	44,1	1973	6,7	5,5	8,9	2004	15,3	13,8	20,2
1943	38,3	59,6	32,4	1974	6,6	5,5	8,9	2005	15,5	13,9	20,5
1944	32,6	33,2	32,3	1975	7,0	5,7	9,7	2006	14,2	12,7	18,9
1945	21,5	20,4	21,9	1976	7,4	6,1	10,2	2007	13,1	11,8	17,1
1946	17,2	–	–	1977	7,5	6,3	10,3	2008	13,2	11,7	18,2
1947	23,7	–	–	1978	7,6	6,4	10,6	2009	13,3	11,8	18,2
1948	16,6	13,3	18,8	1979	8,0	6,7	11,1	2010	13,1	11,5	18,3
1949	14,5	12,5	15,9	1980	8,1	6,7	11,4	2011	12,4	10,9	17,2
1950	13,7	12,8	14,3	1981	7,9	6,7	11,2	2012	12,2	11,0	16,6
1951	14,6	11,7	17,2	1982	7,5	6,3	10,7	2013	12,0	10,8	15,9
1952	12,9	9,8	16,3	1983	7,8	6,5	11,6	2014	12,2	10,9	16,7
1953	11,5	8,5	15,0	1984	7,9	6,6	11,5	2015	12,4	11,2	16,4
1954	10,6	8,0	13,3	1985	7,7	6,5	11,2	2016	12,4	11,2	16,7
1955	8,8	6,9	10,6	1986	6,6	5,7	9,1				

Составлено по: Демографический ежегодник Республики Коми. 2017… С. 30–31; *Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В.* Республика Коми в XX веке. С. 50.

нами высокой смертности здесь являются не только структурные изменения доходов, но и дезорганизация социальной жизни его жителей [5].

В XX в. мужская смертность стала выше женской. Показатель «мужской сверхсмертности» (отношение возрастного коэффициента смертности мужчин к возрастному коэффициенту смертности женщин) во всех возрастах и за все годы был выше, чем у женщин, исключение составил возраст до года в 2000 г., 1–4 года в 2005 г. и 1–9 лет в 2015 г. (табл. 3).

Заслуживает внимания анализ распределения умерших по полу и возрасту в составе трех укрупненных возрастных групп: 0–14, 15–59 и старше 60 лет [6, с. 27–28]. Обратим внимание на такой факт: в 1980 г. на возрастную группу 15–59 лет приходилось 52,4 % всех смертей, в том числе у городского – 56,5 и сельского населения – 46,3 %. То есть положение на селе выглядело более благоприятным. К 2015 г. ситуация меняется в лучшую сторону. Большая часть населения стала умирать после 60 лет – 62,1, в том числе у горожан – 62,7 и селян – 60,4 %. Доля умерших женщин в этой возрастной группе – 77,5, среди городских – 77,6 и у сельских – 77,0 %. У мужчин тоже наметились позитивные сдвиги, меньше стало умирать в возрасте 0–14 лет, чуть менее половины в возрасте 15–59 лет – 49,7 и за пределами трудоспособного возраста – 49,3 %. Распределение умерших по возрастам на селе стало хуже, чем у городского населения (табл. 4).

Особого внимания заслуживает распределение умерших по причинам смерти. В последние десятилетия на три причины смерти приходится более 75 % от общего количества умерших. В 1980 г. от трех ос-

Таблица 3

Динамика показателя мужской сверхсмертности населения Республики Коми в 1980–2015 г.

Возраст, лет	1980 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Всего умерших							
В том числе:	1,28	1,22	1,54	1,43	1,57	1,44	1,36
в возрастедо года	1,14*	1,36	1,82	0,72	1,62	1,20	2,14
1–4		1,14	1,57	1,14	0,71	1,25	0,80
5–9	1,75	6,00	1,20	2,00	1,00	2,00	0,50
10–14	3,50	3,00	2,00	3,00	2,00	1,50	–
15–19	2,50	4,00	3,13	2,88	1,56	2,00	2,00
20–24	4,00	3,71	4,17	3,83	3,62	4,71	3,57
25–29	5,10	3,30	5,00	3,61	3,38	4,17	4,89
30–34	3,39	4,18	3,75	3,62	3,27	3,38	3,29
35–39	3,77	4,50	3,88	3,13	3,14	2,64	3,04
40–44	3,23	4,00	3,37	4,00	3,29	2,85	3,47
45–49	2,51	3,36	2,96	3,46	3,27	3,13	2,72
50–54	2,48	2,73	2,79	2,95	2,80	3,32	3,00
55–59	2,36	3,10	2,95	2,84	2,93	2,99	3,08
60–64	2,37	2,44	2,69	2,74	2,67	3,08	3,13
65–69	2,05	2,07	2,36	2,33	2,40	2,50	2,63
70 и более	1,40	1,29	1,37	1,33	1,56	1,44	1,44

* 0–4 года.

Составлено по: *Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В.* Республика Коми в XX веке… С. 54; Демографический ежегодник Республики Коми. 2009… С. 47; Демографический ежегодник Республики Коми. 2013… С. 58; Демографический ежегодник Республики Коми. 2017… С. 55.

Таблица 4

Распределение умерших по полу и возрасту в Республике Коми в 1980–2015 гг., % к общему числу умерших указанного возраста

Год	Возраст, лет								
	все население			городское население			сельское население		
	0–14	15–59	60 и старше	0–14	15–59	60 и старше	0–14	15–59	60 и старше
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Оба пола									
1980	7,7	52,4	39,9	8,4	56,5	35,1	6,6	46,3	47,1
1990	4,7	42,2	53,1	5,0	44,4	50,6	4,0	37,2	58,8
2000	1,7	42,3	56,0	1,8	45,5	52,7	1,7	34,7	63,6
2005	1,2	49,6	49,2	1,1	50,6	48,3	1,3	47,7	51,0
2010	0,9	43,2	55,9	0,9	42,2	56,9	0,9	45,3	53,8
2015	0,8	37,1	62,1	0,8	36,5	62,7	0,9	38,7	60,4
Мужчины									
1980	7,6	68,2	24,2	8,2	69,4	22,4	6,6	66,2	27,2
1990	5,3	59,0	35,7	5,7	59,8	34,5	4,4	57,0	38,6
2000	1,6	55,9	42,5	1,7	59,2	39,1	1,6	47,6	50,8
2005	1,2	62,4	36,4	1,2	63,0	35,8	1,2	61,2	37,6
2010	0,9	56,4	42,7	1,0	54,9	44,1	0,9	59,4	39,7
2015	1,0	49,7	49,3	0,9	48,8	50,3	0,9	52,0	47,1
Женщины									
1980	7,8	31,9	60,3	8,7	37,2	54,1	6,5	25,4	68,1
1990	4,0	21,4	74,6	4,1	24,2	71,7	3,7	15,7	80,6

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2000	1,9	24,2	73,9	1,9	26,6	71,5	1,8	19,1	79,1
2005	1,1	32,0	66,9	1,0	33,4	65,6	1,3	29,3	69,4
2010	0,8	26,3	72,9	0,8	26,6	72,6	0,9	25,6	73,5
2015	0,7	21,8	77,5	0,7	21,7	77,6	0,8	22,2	77,0

Составлено по: *Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В.* Республика Коми в XX веке… С. 55; Демографический ежегодник Республики Коми. 2009… С. 46–47; Демографический ежегодник Республики Коми. 2013… С. 55–57; Демографический ежегодник Республики Коми. 2017… С. 52–54.

Таблица 5

Коэффициенты смертности населения Республики Коми по основным классам причин смерти в 1980–2016 гг., число умерших на 100 тыс. чел. населения

Причины смерти	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Всего умерших от всех причин	807,0	769,3	749,0	1315,4	1294,2	1549,4	1305,1	1237,6
В том числе:								
от инфекционных и паразитарных болезней	15,8	11,5	7,0	15,9	16,9	25,6	24,0	13,7
от новообразований	90,4	101,7	127,9	138,7	155,0	159,0	178,2	204,8
от болезней системы кровообращения	343,4	365,6	364,0	622,5	619,7	716,7	603,6	551,0
от болезней органов дыхания	64,0	49,5	33,4	59,5	56,0	72,5	52,7	49,2
от болезней органов пищеварения	24,7	22,8	21,9	44,6	42,8	89,0	91,5	100,9
от внешних причин	226,6	165,5	149,3	330,0	285,9	314,1	205,3	159,9
от прочих болезней	42,1	52,7	45,5	104,2	117,9	172,5	149,5	158,1

Составлено по: Демографический ежегодник Республики Коми. 2017… С. 72; *Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В.* Республика Коми в XX веке… С. 59.

Таблица 6

Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Республике Коми в 1959–2016 гг., лет

Население, пол	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2016 г.
Все население									
Оба пола	66,1	67,0	64,7	68,4	61,0	63,5	62,1	66,9	69,5
Мужчины	61,6	61,2	58,6	63,3	54,6	57,8	55,8	60,7	63,6
Женщины	70,7	72,0	70,6	72,9	68,6	70,1	69,5	73,3	75,3
Разность	9,1	10,8	12,0	9,6	14,0	12,3	13,7	12,6	11,7
Городское население									
Оба пола	68,3	68,0	65,5	68,9	61,2	63,9	63,4	68,4	70,5
Мужчины	63,6	62,2	59,6	64,0	54,7	57,9	56,9	62,4	64,6
Женщины	73,1	73,1	71,1	73,2	68,7	70,4	70,6	74,2	76,1
Разность	9,5	10,9	11,5	9,2	14,0	12,5	13,7	11,8	11,5
Сельское население									
Оба пола	63,8	65,5	62,6	66,6	60,1	62,4	58,3	62,2	65,5
Мужчины	59,2	59,9	56,5	61,4	54,1	57,2	52,7	56,1	60,2
Женщины	68,6	70,4	68,9	72,1	68,0	68,8	66,0	70,5	72,1
Разность	9,4	10,5	12,4	10,7	13,9	11,6	13,3	14,4	11,9

Составлено по: Демографический ежегодник Республики Коми. 2017… С. 41; *Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В.* Республика Коми в XX веке… С. 56.

новных причин умерло 81,9 %: от болезней системы кровообращения – 42,6, от внешних причин – 28,1, от новообразований – 11,2 %. В 1990 г. на эти причины пришлось 85,6 %, в 2000 г. – 82,0 %, в 2010 г. – 75,6 % и в 2016 г. – 74,0 % смертей. Снижение доли указанных причин произошло вследствие увеличения числа смертей от болезней органов пищеварения и от прочих болезней: в 1980 г. – 3,1 и 5,2 %, в 1995 г. – 3,4 и 7,9 и в 2016 г. – 8,2 и 12,8 % соответственно (табл. 5).

Выше отмечалось, что ожидаемая продолжительность жизни является комплексной характеристикой качества и уровня жизни населения. Остановимся на ее анализе подробнее. С 1959 по 2005 г. ожидаемая продолжительность жизни населения Республики Коми неуклонно снижалась, исключая период 1995–2000 гг. С 2005 г. началось ее увеличение, что наблюдается и в настоящее время. Однако по-прежнему сохраняется существенная разница между полами – у мужчин она значительно ниже, чем у женщин. Эта разница была максимальной в 1995 г. – 14,0 лет и в 2005 г. – 13,7 года. В 2016 г. разница в ОПЖ между полами сократилась и составила 11,7 года, в том числе у городского населения – 11,5 и у сельского – 11,9 года (табл. 6).

Достигнуть величины ожидаемой продолжительности жизни, рекомендованной Всемирной организацией здравоохранения к 2005 г., превышающей 70 лет, России удалось в 2012 г.: для обоих полов она составила 70,2 года, в 2016 г. – 71,9. Республика Коми пока таких результатов не имеет.

Если сравнить ОПЖ жителей Республики Коми с северными странами, то ситуация не утешительна: в Швеции ожидаемая продолжительность жизни в 2015 г. для обоих полов составляла 82,4, в Канаде – 82,2, Норвегии – 81,8, Финляндии – 81,1 и Дании – 80,6 года. Республика Коми по ОПЖ стоит рядом с Таджикистаном – 69,7, Узбекистаном – 69,4 и Непалом – 69,2 года. А равную с ОПЖ в сельской местности Республики Коми имели Ботсвана, Лаос и Йемен – 65,7 года.

В нашей стране имеется положительный опыт повышения ОПЖ и снижения смертности населения за счет реализации государственных программ, таких как антиалкогольная кампания и приоритетные национальные проекты, в том числе «Здоровье». Их позитивное влияние сказывается и сегодня, особенно на развитии сельской медицины. Но пока таких программ предлагается явно недостаточно.

Нигде в мире снижение смертности не произошло само собой. Успехи Западной Европы, ряда стран Америки и Азии в увеличении ожидаемой продолжительности жизни потребовали мобилизации огромных материальных ресурсов, включая расходы на здравоохранение, охрану окружающей среды, пропаганду здорового образа жизни, развитие научных исследований; одновременно были существенно пересмотрены законодательные акты, связанные с охраной здоровья. Это позволило резко повысить активность самого населения, направленную на оздоровление образа жизни и среды обитания, изменить массовое поведение людей, влияющее на сохранение их здоровья. В конечном счете, изменился весь социальный климат, в котором протекает повседневная жизнь людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., Матлах И.А.* Продолжительность жизни и факторы убыли населения Республики Коми // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ: эл. журн. 2015. № 3. С. 134–150.

2. *Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.* Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ: эл. журн. 2015. № 3. С. 151–168.

3. *Коротаев А.В., Халтурина Д.А.* Российский демографический крест в сравнительном аспекте // Общественные науки и современность. 2006. № 3. С. 105–118.

4. *Немцов А.В.* Алкогольная смертность в России, 1980–1990-е гг. М., 2001. 56 с.

5. *Лыткина Т.С.* Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: дис. … канд. социол. наук. М., 2005. 177 с.

6. *Фаузер В.В.* Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. Сыктывкар, 2007. 40 с. (Научн. докл. / Коми науч. центр УрО РАН; вып. 492).

REFERENCES

1. *Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N., Matlakh I.A.* Life expectancy and factors of population decrease in Komi Republic. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik NITs KPUVI SyktGU (elektronnyi zhurnal),* 2015, no. 3, pp. 134–150. (In Russ.)

2. *Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N.* State management of population migration: from compulsion to encouragement. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik NITs KPUVI SyktGU (elektronnyi zhurnal),* 2015, no. 3, pp. 151–168. (In Russ.)

3. *Korotaev A.V., Khalturina D.A.* The Russian demographic cross in a comparative perspective. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2006, no. 3, pp. 105–118. (In Russ.)

4. *Nemtsov A.V.* Alcohol mortality in Russia, 1980–90-s. Moscow, 2001, 56 p. (In Russ.)

5. *Lytkina T.S.* The economic behavior of the "new poor" in conditions of social transformation: candidate dissertation. Moscow, 2005, 177 p. (In Russ.)

6. *Fauzer V.V.* Demography and labor potential development of Komi Republic. Syktyvkar, 2007, 40 p. (Scientific Reports. Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, iss. 492). (In Russ.)

Статья принята редакцией 25.01.2018

DOI: 10.15372/HSS20180112
УДК 314.14 (571.1/5)

С.В. СОБОЛЕВА, Н.Е. СМИРНОВА, О.В. ЧУДАЕВА

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ*

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
РФ, 630090, Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17

На протяжении 1992–2015 гг. в России наблюдалась тенденция роста заболеваемости населения с некоторой стабилизацией в последние годы. В статье детально в территориальном разрезе рассматривается динамика заболеваний, вносящих основной вклад в показатели смертности населения: болезни системы кровообращения, новообразования и заболеваемость, связанная с травматизмом, отравлениями и несчастными случаями. Показано, что по этим и многим другим основным классам болезней Сибирский федеральный округ занимает наихудшие позиции в стране. Особую озабоченность вызывают значительно более высокие темпы роста заболеваемости детей и особенно подростков по сравнению со всем населением. Сделан вывод о том, что на фоне депопуляции и миграционного оттока снижалось не только количество населения, но и его качество за счет роста заболеваемости и старения. Все вместе это неблагоприятно влияет не только на демографический потенциал и воспроизводство населения, но и на состояние экономики.

Ключевые слова: демографический потенциал, здоровье населения, национальная безопасность, заболеваемость, основные классы болезней, структура смертности, ожидаемая продолжительность жизни, качество населения.

S.V. SOBOLEVA, N.E. SMIRNOVA, O.V. CHUDAEVA

SIBERIAN POPULATION MORBIDITY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN TRENDS

Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS,
17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia

The article objective is to show the dynamics features of population morbidity of the Siberian Federal District and its regions for 1995–2015, carry out a comparative analysis of population morbidity in the Siberian and other Federal Districts, and in Russia as a whole. Multiregional demographic analysis of dynamic series is used as a research tool. Rosstat data are the study information base.

The paper shows that despite the mortality decrease and life expectancy growth in the recent years, the situation with morbidity in the Siberian Federal District and in the country continues to be tense. The Siberian Federal District ranks first in main diseases classes in the country, and first, in those, which make a major contribution to the population mortality and disability. Moreover, the first places in these classes of diseases relate to a younger age population group than the average in Russia, and especially in the Central and North-Western Federal Districts. In future the population ageing may lead to further exacerbating of negative trends

In the Siberian Federal district itself, Altaisky Krai has the negative position with the highest morbidity level, for a long time holding the first places on the incidence of circulatory and oncological diseases.

A special anxiety is much higher growth of the children, and especially, adolescent morbidity in comparison with the whole population. The tendency to deterioration of morbidity indicators among children and adolescents may lead to the health weakening in all population age groups.

---

*Статья подготовлена по плану НИР Института экономики и организации промышленного производства СО РАН в рамках Проекта XI.179.1.1. (0325-2017-0011).

Светлана Владимировна Соболева – д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, soboleva@ieie.nsc.ru.

Наталья Евстафьевна Смирнова – научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Ольга Владимировна Чудаева – научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

Svetlana V. Soboleva – Doctor of Sciences (economics), professor, chief researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS.

Natalia E. Smirnova – researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS.

Olga V. Chudaeva – researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS.

© Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В., 2018

Authors conclude that against the background of depopulation and out-migration there was a decrease in population size and its quality due to morbidity growth and ageing. All together, this affects adversely both the demographic potential and population reproduction, and the economy state and prospects.

Key words: demographic potential, population health, national security, morbidity, main diseases classes, morbidity structure, mortality structure, life expectancy, population quality, population ageing.

Демографический потенциал государства в существенной степени зависит от качественных характеристик населения, из которых важнейшее значение принадлежит его здоровью. Учитывая разнообразие факторов, влияющих на формирование общественного здоровья и его значимость как одного из важнейших ресурсов, можно сказать, что *здоровье – это главный интегральный показатель благополучия территории,* отражающий социально-экономическое положение населения, состояние экологии и медицинской помощи, оказываемой населению, а также генетический груз самого населения, с одной стороны, а с другой – это объективный критерий успешности проводимых политических, социальных и экономических реформ.

Проблемы здоровья населения относятся к проблемам, связанным с национальной безопасностью. Сложившаяся под влиянием длительной депопуляции (рис. 1) демографическая ситуация в Сибирском федеральном округе (СФО) усугублялась миграционным оттоком населения. В результате за период 1989–2017 гг. численность населения на территории СФО сократилась на 1,8 млн чел. Ситуация дополнительно осложнилась негативными тенденциями роста заболеваемости населения [1, 2, 3]. Между тем интересы национальной безопасности требуют сокращения потерь общества за счет укрепления здоровья и снижения заболеваемости, инвалидности и смертности населения. Плохое здоровье населения негативно влияет не только на демографический потенциал, воспроизводство населения, но и на состояние экономики, а также обороноспособность страны. С этих позиций анализ динамики состояния здоровья такой большой и стратегически значимой территории, как СФО, является очень важной и актуальной задачей.

Для характеристики здоровья населения региона (общественного здоровья) традиционно используют показатели медико-демографических процессов, показатели физического здоровья и показатели заболеваемости, травматизма и инвалидности населения. При этом важнейшей составляющей комплексной оценки здоровья населения считается заболеваемость населения.

Заболеваемость населения в широком смысле описывается ее структурой, распространенностью и динамикой зарегистрированных болезней среди населения в целом или в отдельных его группах (возрастных, половых, территориальных, профессиональных и др.).

Рис. 1. Динамика естественного прироста населения СФО в 1980–2016 гг., чел.

Заболеваемость населения определяется на основе данных об обращаемости – по числу случаев заболеваний, выявленных в течение года всеми медицинскими учреждениями или при проведении профилактических осмотров. Отношение числа зарегистрированных случаев заболеваний к среднегодовой численности постоянного населения территории отражает уровень заболеваемости (частоту распространения заболеваний).

Обычно выделяют заболеваемость *первичную* – при установлении больному диагноза впервые в жизни в данном календарном году и *общую,* учитывающую все случаи заболеваний, которые установлены как впервые, так и при повторном (многократном) обращении больного по поводу данного заболевания.

Анализ данных о заболеваемости необходим для выработки управленческих решений с целью совершенствования системы здравоохранения как на федеральном, так и на региональном, и муниципальном уровнях управления, а также для оценки потребности в различных видах ресурсов на разных территориальных уровнях. Кроме того, показатели заболеваемости являются одним из критериев оценки качества работы медицинских учреждений, всей системы здравоохранения.

При этом почему-то власть и общественность, включая научную, уверены, что за плохое здоровье населения несет ответственность только система здравоохранения. И именно ей предъявляют претензии за сложившуюся ситуацию – это большая стратегическая ошибка!

В еще большей степени высокий уровень заболеваемости населения характеризует работу управленческого аппарата как на уровне регионов, так и страны в целом, поскольку, по данным Всемирной организации здравоохранения, здоровье человека более чем наполовину зависит от условий и образа его жизни, а также в значительной степени от состояния окружающей среды, а они, в свою очередь, определяются социально-экономическим условиями, культурными установками и т.д., как результатом управленческой деятельности (или бездеятельности).

Информационную базу исследования составили данные Росстата за 1992–2015 гг.

ПЕРВИЧНАЯ ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СФО

На протяжении 1992–2015 гг. в постсоветской России наблюдалась тенденция роста заболеваемости* населения с некоторой стабилизацией в 2009–2015 гг. (рис. 2). Позиции СФО по заболеваемости ухудшились – с предпоследнего места среди федеральных округов в 1997–1998 гг. до второго-третьего места после Приволжского и Северо-Западного федеральных округов в 2011–2015 гг. С 2000 г. округ превосходил среднероссийский уровень заболеваемости, и в последние годы разрыв увеличивался: в 2010 г. заболеваемость населения в СФО на 5 % превышала среднеросийскую, а в 2015 г. – уже на 9 %. В 2015 г. заболеваемость населения в СФО составила 848 на 1000 чел. населения и выросла с 1992 г. на 32 %, в РФ – на 26 %.

Рис. 2. Динамика заболеваемости населения по федеральным округам РФ в 1992–2015 гг. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения)

*Здесь и далее: зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения.

Рис. 3. Заболеваемость населения в субъектах СФО в 2015 г. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения)

Среди субъектов СФО особо выделяется Алтайский край, где в 2015 г. уровень заболеваемости был на 29 % выше, чем в среднем по СФО (рис. 3). На 12 % выше средних по округу показатели заболеваемости были в Иркутской области и на 9 % – в Омской области. На общем неблагоприятном фоне несколько лучше выглядит ситуация с заболеваемостью в Республике Бурятия и Республике Тыва, а также в Забайкальском крае. Это связано с более молодой возрастной структурой в названных регионах, за счет относительно более высокой рождаемости, в отличие от Алтайского края с самым старым населением в СФО.

В структуре заболеваемости населения СФО в 2015 г. высокую долю занимала болезни органов

Рис. 4. Структура заболеваемости населения СФО в 2015 г. (в скобках данные за 2000 г.), %

дыхания (39,0 %), травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин (11,8 %), болезни нервной системы и органов чувств (9,8 %), мочеполовой системы (6,7 %), а также органов пищеварения (6,7 %) (рис. 4).

Особый интерес вызывает анализ трендов заболеваемости по классам, вносящим наибольший вклад в структуру смертности населения. Среди основных классов причин смертности первое место – около половины всех смертей – приходится на смертность от болезней системы кровообращения. В 2015 г. в СФО она составила 46 % всех смертей (в РФ – 49 %), второе место занимали новообразования – 16 % (в РФ – 16 %) и третье – внешние причины смерти – 12 % (в РФ – 9 %). Таким образом, эти три класса причин смертности в сумме составляли в СФО, как и в РФ, 74 % всех смертей.

ЗАБОЛЕВАНИЯ, ВНОСЯЩИЕ ОСНОВНОЙ ВКЛАД В ПОКАЗАТЕЛИ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

По вкладу в структуру смертности населения абсолютно лидируют *болезни системы кровообращения*. Наиболее быстро в 1995–2015 гг. росла заболеваемость именно болезнями системы кровообращения: всего по РФ она выросла в 2,3 раза, а по СФО – в 2,7 раза, в то время как по другим федеральным округам – в 1,9–2,4 раза (рис. 5). В результате, если в 1995 г. СФО и РФ практически не различались по уровню данной заболеваемости, то в 2015 г. округ превосходил РФ по заболеваемости болезнями системы кровообращения на 14 %. Кроме того, СФО длительное время занимал первое место по уровню этой заболеваемости среди всех округов РФ, однако в 2015 г. его обогнал Приволжский федеральный округ. Тот факт, что при более молодой, чем в федеральных округах центральной части страны, структуре населения, в СФО оказались самые высокие растущие показатели заболеваемости болезнями системы кровообращения, говорит о том, что в Сибири эта заболеваемость более широко распространена среди молодого населения.

За 1995–2015 гг. заболеваемость болезнями системы кровообращения выросла в Кемеровской области в 5 раз, в Республике Хакасия – в 4,2 раза, в 3,9 раза увеличилась она в Новосибирской области, в остальных субъектах СФО рост составил от 1,5 до 3,2 раза. В Алтайском крае рост заболеваемости меньше, чем в среднем по СФО (рост в 1,8 раза за тот же период), из-за начавшегося с 2007 г. снижения заболеваемости по этому классу. Но вследствие изначально высокого значения этого показателя Алтайский край с 1995 г. прочно занимает первое место по заболеваемости болезнями системы кровообращения среди субъектов СФО. Однако, если в 1995 г. Алтайский край превосходил средний уровень заболеваемости по этому классу в округе почти в 2 раза, то в 2010 г. – на 69 %, а в 2015 г. – уже только на 29 %, т.е. разрыв сокращается. В 2014 г. Кемеровская область практически приблизилась к Алтайскому краю по этому классу заболеваемости. Омская область также имеет высокую заболеваемость болезнями системы кровообращения. С 2008 по 2013 г. она занимала второе место (в 2014 г. и 2015 г. – третье). Ситуация выглядела лучше до 2014 г. включительно в Республике Тыва, где заболеваемость по этому классу даже снизилась за рассматриваемый период на 5 %, но в 2015 г. резко выросла. В 2015 г. в Республике Тыва, а также в Том-

Рис. 5. Динамика заболеваемости болезнями системы кровообращения по федеральным округам РФ в 1995–2015 гг. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения)

ской области и Республике Бурятия заболеваемость болезнями системы кровообращения была существенно ниже, чем в среднем по СФО.

Второе место среди причин смертности в России и СФО занимают *новообразования*. За 1995–2015 гг. заболеваемость новообразованиями в СФО возросла в 2,2 раза, в РФ – в 1,7 раза (рис. 6). Округ в 2015 г. превосходил РФ по заболеваемости новообразованиями на 19 %, при этом в 1995 г. значение показателя было даже ниже, чем в среднем по РФ. Положение СФО по отношению к другим округам постоянно ухудшалось, а с 2011 по 2015 г. он был первым среди округов РФ по уровню заболеваемости новообразованиями среди населения.

В самом СФО выделяется в худшую сторону Алтайский край, снова занимающий на протяжении практически всего рассматриваемого периода первое место среди субъектов СФО и превосходящий в 2015 г. средние по округу показатели заболеваемости новообразованиями на 53 %. В Красноярском крае и Иркут-

Рис. 6. Динамика заболеваемости новообразованиями по федеральным округам РФ в 1995–2015 гг. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения)

Рис. 7. Динамика травм, отравлений и некоторых других последствий воздействия внешних причин по федеральным округам РФ в 1995–2015 гг. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения)

ской области: превышение составило, соответственно, 22 и 24 %. Лучше выглядят республики Тыва, Бурятия, а также Забайкальский край, в этих субъектах в 2015 г. показатель заболеваемости новообразованиями был ниже, чем в среднем по СФО.

Что касается третьей основной группы причин смертности, то *заболеваемость, связанная с травматизмом, отравлениями и несчастными случаями,* росла значительно меньшими темпами, чем две предыдущие. В 2015 г. по сравнению с 1995 г. по этому классу заболеваемость в СФО была на 10 % выше, в РФ – на 3 %. В 2011–2015 гг. округ занимал первое-второе места среди всех округов РФ. В 2015 г. заболеваемость по этому классу в СФО на 11 % превосходила среднероссийскую (рис. 7).

В Сибирском федеральном округе первые места по этому классу заболеваемости на протяжении всего периода занимала Кемеровская область. В 2015 г. она превосходила средний по округу показатель на 32 %, в 1995 г. разрыв был еще больше – 38 %. В Республике Хакасия из-за высоких темпов роста, который за указанный период составил 85 %, существенно ухудшилась ситуация с заболеваемостью по данному классу. Выросла она и в Новосибирской области, где рост показателя за этот период составил 34 %. В Омской и особенно в Томской областях заболеваемость по этому классу за рассматриваемый период снизилась. В этих областях, а также в республиках Алтай, Бурятия, Тыва и Забайкальском крае она была ниже, чем в среднем по округу.

Рассмотренные три основных класса заболеваний в сумме увеличили свою долю в структуре заболеваемости населения СФО с 15,8 % в 2000 г. до 17,6 % в 2015 г., из которых 1,6 п.п. прироста приходилось на заболеваемость болезнями системы кровообращения и 0,5 п.п. прироста – на новообразования (рис. 8). В России в 2015 г. на долю этих трех классов приходилось 17,1 % в структуре заболеваемости, в том числе на новообразования – 1,5 %, заболевания системы кровообращения – 4,0 %, травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин – 11,6 %.

Таким образом, на фоне роста заболеваемости в целом в структуре заболеваемости населения СФО выросли доли классов болезней, вносящих основной вклад в смертность и инвалидизацию населения: болезней системы кровообращения и новообразований. То есть заболеваемость повысилась не только количественно, но и качественно.

Особенностью рассматриваемого периода является рост заболеваемости населения, происходящий на фоне сокращающегося с 2006 г. уровня смертности. Всего в 2015 г. по отношению к 2005 г. общая смертность в СФО снизилась на 21 % (в РФ – на 19 %), в том числе от болезней системы кровообращения – на 27 % (в РФ – на 30 %), от внешних причин – на 48 % (в РФ – на 45 %), а от новообразований она увеличилась на 8 % (в РФ – на 2 %). В результате доля смертности от болезней системы кровообращения в структуре смертности уменьшилась в СФО за рассматриваемый период на 4,3

Рис. 8. Соотношение классов заболеваемости, вносящих основной вклад в показатели смертности СФО, % в структуре заболеваемости

Рис. 9. Соотношение основных классов причин смертности в РФ и СФО, % в структуре общей смертности

п.п. (в РФ – на 7,5 п.п.), от внешних причин – на 6,2 п.п. (в РФ – на 4,4 п.п.), а от новообразований – увеличилась на 4,3 п.п. (в РФ – на 3,3 п.п.) (рис. 9).

Таким образом, в отличие от роста вклада в структуру заболеваемости, вклад этих трех основных классов в структуру смертности в сумме снизился.

Сокращение смертности привело к росту ожидаемой продолжительности жизни населения России и СФО. Однако более высокие показатели смертности населения в СФО позволяют занять округу лишь предпоследнее место среди других федеральных округов

Рис. 10. Динамика ожидаемой продолжительности жизни в округах РФ в 1998–2015 гг., лет

в РФ, хуже ситуация только в Дальневосточном федеральном округе. В 2015 г. в СФО этот показатель был ниже среднероссийского на 2 года (рис. 10). Отметим при этом, что абсолютно во всех регионах СФО на протяжении нескольких последних лет ожидаемая продолжительность жизни ниже среднероссийской.

ЗАБОЛЕВАНИЯ, ВНОСЯЩИЕ СУЩЕСТВЕННЫЙ ВКЛАД В СТРУКТУРУ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Что касается заболеваемости по другим основным классам болезней, вносящим существенный вклад в смертность, то по *заболеваниям органов дыхания* СФО не является лидером и имеет меньшие значения этого показателя по сравнению с РФ. Однако на протяжении всего периода 1995–2015 гг. заболеваемость по этому классу увеличивалась в РФ по всем округам, кроме Центрального. Среди субъектов СФО можно выделить Иркутскую область, в которой в 2015 г. болели этими болезнями в 1,2 раза чаще, чем в среднем по округу. Быстрее всего в СФО росла заболеваемость болезнями органов дыхания в Республике Хакасия (рост – 1,8 раза), Новосибирской области (1,5 раза), Республике Алтай и Республике Бурятия (1,4 раза).

Заболеваемость *болезнями органов пищеварения* за 1995–2015 гг. несколько снизилась в целом по стране и в СФО. В этот период СФО имел более высокие показатели по болезням системы пищеварения, чем средние по РФ. Положение округа по отношению к другим субъектам РФ на протяжении всего периода также ухудшалось, и в 2012–2015 гг. разрыв между показателями РФ и СФО достиг максимального значения – 1,6 раза, а округ занял первое место, причем с большим отрывом от остальных округов. В 2015 г. в Алтайском крае положение было в 1,5 раза хуже, чем в среднем по СФО, в Омской области заболеваемость болезнями органов пищеварения в 3 раза превышала среднее значение этого показателя по федеральному округу. Наиболее благополучные на конец данного периода субъекты СФО – Республика Тыва и Новосибирская область. В 3,3 раза выросла за указанный период заболеваемость по этому классу в Республике Хакасия, в 2,6 раза – в Алтайском крае, в 2,4 раза – в Кемеровской области, в 2,3 раза – в Омской области, в 2,1 раза – в Республике Бурятия, в 1,5 раза – в Республике Алтай. Снизилась она в Иркутской области и особенно существенно в Новосибирской и Томской областях и Забайкальском крае.

И только по такому классу, как *некоторые инфекционные и паразитарные* болезни в течение 1995–2015 гг. происходило значительное снижение заболеваемости. В РФ и Сибирском федеральном округе она упала практически на 40 %. С 1995 по 2015 г. СФО превышал среднероссийские показатели по этой заболеваемости, максимальный разрыв наблюдался в 2006 г. (20 %), но в 2015 г. превышение сократилось до 11 % – это уровень 1995 г. В 2006 г. СФО занимал первое место среди округов РФ по данному виду заболеваемости, но затем его положение несколько улучшилось. В субъектах СФО худшее положение отмечалось в Республике Тыва и в Республике Хакасия, наиболее благополучное – в Республике Бурятия и Забайкальском крае.

По многим другим основным классам болезней СФО также занимал первые места в стране. Например, по заболеваемости болезнями эндокринной системы, расстройствам питания и нарушениям обмена веществ; болезням мочеполовой системы; костно-мышечной системы и соединительной ткани; нервной системы и органов чувств.

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Состояние здоровья подрастающего поколения позволяет не только получать характеристику текущей ситуации, но и прогнозировать состояние здоровья населения в будущем. Поэтому особое значение при оценке перспектив здоровья населения имеет анализ заболеваемости детей и подростков.

Численность и доля детей во всем населении в постсоветской России вследствие резкого снижения рождаемости значительно сократилась. При этом детская заболеваемость выросла за 1999–2014 гг.: в РФ – на 35,4 %, в СФО – на 46,6 % при росте заболеваемости всего населения за тот же период, соответственно, на 10,9 % – в РФ и на 26,5 % – в СФО. Подростковая заболеваемость увеличивалась в рассматриваемый период еще более быстрыми темпами, чем у детей: на 69,3 % – в РФ и на 75,4 % – в СФО (рис. 11).

Таким образом, темпы роста заболеваемости детей и особенно подростков существенно превосходили темпы роста заболеваемости всего населения, а это означает, что они еще сильнее превышали темпы роста заболеваемости взрослого населения (18 лет и старше). Это касается и некоторых основных классов заболеваемости, которые вносят наибольший вклад в смертность (см. таблицу). Причем в СФО темпы роста заболеваемости во всех трех рассматриваемых возрастных группах были выше, чем в среднем по России.

Начиная с 2011 г., как по РФ в целом, так и по большинству округов наметилась тенденция стабилизации либо небольшого сокращения заболеваемости детей. В эти же годы ситуация с подростковой заболеваемостью была несколько хуже – этот показатель продолжал расти в РФ и в большинстве округов, включая и СФО.

Среди субъектов СФО наибольший рост заболеваемости детей за 1999–2014 гг. произошел в Забайкальском крае – в 1,9 раза, по подростковой заболеваемости увеличение составило: в Республике Тыва – 3,2 раза, в Забайкальском крае – 2,2 раза, в Красноярском крае – 2,1 раза, в Омской области и Республике Бурятия –

Рис. 11. Динамика заболеваемости всего населения, детей и подростков в 1999–2014 гг. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения соответствующего возраста)

Сравнение динамики по некоторым основным классам заболеваемости детей, подростков и всего населения в СФО в 1999–2014 гг., 2014 г. в % к 1999 г. (зарегистрировано заболеваний у больных с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 чел. населения соответствующего возраста)

Возрастные группы населения	Классы заболеваемости					
	Заболеваемость, всего	Травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин	Болезни органов дыхания	Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения
Все население	126,5	124,1	121,0	78,1	175,9	204,6
Дети	146,6	122,3	160,0	82,0	268,4	119,4
Подростки	175,4	178,4	178,4	94,4	309,1	225,8

1,9 раза. Наименьшими темпами росла заболеваемость детей и подростков в Томской области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на рост ожидаемой продолжительности жизни в последние годы, ситуация с заболеваемостью в стране продолжает оставаться напряженной. Причем увеличение заболеваемости происходило по сравнению с 1995 г., взятым за базу; а этот год характеризуется резким ростом смертности и заболеваемости относительно периода до распада СССР и проведения либеральных реформ в России. Особенно плохо на общем фоне выглядит СФО – второе–третье места среди всех федеральных округов по заболеваемости населения в последние годы, а также устойчивые первые места по многим основным классам заболеваний, и в первую очередь по вносящим наибольший вклад в смертность и инвалидизацию населения.

В СФО резко выделяется в негативную сторону Алтайский край с самым высоким уровнем заболеваемости, на протяжении длительного времени он удерживает первые места по заболеваемости болезнями системы кровообращения и новообразованиям. Причем в СФО первые места по заболеваемости этими двумя классами болезней сочетаются с более молодой возрастной структурой населения, чем в среднем по России, особенно по Центральному и Северо-Западному федеральным округам. Старение населения может еще больше усилить негативные тенденции.

С начала 1990-х гг. отмечается ряд негативных тенденций в состоянии здоровья детей и подростков: резкое увеличение заболеваемости отмечено почти по всем классам, рост числа родившихся больными, рост распространенности врожденных аномалий и частоты наследственной патологии, быстрый переход заболеваний в хроническую форму, увеличении числа сочетанных форм заболеваний, рост числа детей-инвалидов.

Несомненно, наметившаяся и сохраняющаяся тенденция к ухудшению показателей заболеваемости детей и подростков повлечет за собой ухудшение состояния здоровья населения во всех возрастных группах.

Таким образом, на фоне депопуляции и миграционного оттока снижалось не только количество населения, но и его качество за счет роста заболеваемости и старения. Все это создает неблагоприятные условия не только для воспроизводства населения, но и для экономики страны.

Слабое здоровье тесным образом связано с низким уровнем жизни населения, плохими социально-бытовыми и экологическими условиями, хроническим стрессом, которому подвергается население, старением населения и не всегда доступной медициной.

В качестве примера можно привести самый неблагополучный по заболеваемости регион СФО – Алтайский край. Кстати, он вместе с Кемеровской областью является неблагополучным и по демографическому состоянию – только эти два региона из 12 в СФО так и не вышли из депопуляции, а в последние годы естественная убыль в них нарастает. Средний уровень зарплат в Алтайском крае – один из самых низких в стране, ниже, чем в республиках Северного Кавказа, и это – в сибирских условиях.

По оценкам ЮНИСЕФ, несомненной доминантой в формировании нездоровья населения России в современных условиях является снижение социально-экономического благополучия ее жителей, прежде всего семей с детьми, особенно многодетных и неполных. В первую очередь – это бедность, которая связана с повышенным риском заболеваемости, более выраженным воздействием факторов окружающей среды, неудовлетворительным питанием и т.п. Таким образом, бедность опосредованно определяет влияние множества других факторов.

Раньше существовало понятие «сибирское здоровье», означавшее хорошее, крепкое здоровье, с большим запасом прочности. В настоящее время первоначальный смысл этого понятия не соответствует действительности. Уровень здоровья сибиряков – один из самых низких в стране, и по ожидаемой продолжительности жизни, которая считается интегральным показателем здоровья населения, ситуация хуже только в Дальневосточном федеральном округе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Здоровье населения Сибири: риски и их измерители // Регион: экономика и социология. 2010. № 2. С. 223–241.

2. *Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Риски в формировании демографического потенциала Сибири // Регион: экономика и социология. 2011. № 4. С. 98–115.

3. *Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Здоровье населения Сибири // Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В.В. Кулешов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. С. 227–254.

REFERENCES

1. *Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V.* Siberian population health: risks and their indicators. *Region: ekonomika i sotsiologiya,* 2010, no. 2, pp. 223–241. (In Russ.)

2. *Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V.* Risks of the demographic potential formation in Siberia. *Region: ekonomika i sotsiologiya,* 2011, no. 4, pp. 98–115. (In Russ.)

3. *Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V.* Siberian population health. *Perspektivy i riski razvitiya chelovecheskogo potentsiala v Sibiri*. Novosibirsk, 2014, pp. 227–254. (In Russ.)

Статья принята редакцией 25.12.2017

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20180113
УДК 930 (571.16)

В.А. ЕСИПОВА

К ВОПРОСУ О ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ СТАРООБРЯДЦЕВ: ОБ ОДНОЙ РУКОПИСИ ИЗ СОБРАНИЯ ТИУНОВЫХ В ОРКП НБ ТГУ*

Томский государственный университет (ТГУ),
РФ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34

Целью настоящей статьи является рассмотрение вопроса о читательских практиках старообрядцев. Анализируется рукописный сборник XVIII в., написанный астраханским разночинцем Иваном Ивановым; дается характеристика содержания и оформления сборника. Изучаются владельческие записи; установлено, что сборник принадлежал Матрене Тиуновой. Поставлен вопрос об отношении Матрены Тиуновой к старообрядческой семье Тиуновых, проживавшей в скитах Томской области. Выдвинут ряд предположений о бытовании сборника в старообрядческой среде.

Ключевые слова: старообрядчество, рукописная книга, палеография, владельческие пометы, читательские практики, Иванов, Тиуновы, Заимочная библиотека.

V.A. ESIPOVA

ON THE ISSUE OF THE OLD BELIEVERS' READING PRACTICES: A MANUSCRIPT FROM TIUNOV'S COLLECTION IN THE OMBM RL TSU

Tomsk State University,
34, Lenina str, Tomsk, 634055, Russia

The article objective is to consider the Old Believers' reading practices. The repertoire and existence of both Old Russian and Old Believers handwritten miscellanies have attracted the attention of researches for a long time; a special term for the field of philology studying medieval collections – "miscellanology" has recently appeared. A hand-written miscellany allows understanding the readers' interests of the compiler, as well as gives an interesting material to study the process of its existence in the presence of owners' records and litters.

The article deals with a manuscript miscellany of the 18th century written by raznochinetz Ivan Ivanov; nowadays it is stored in the Manuscripts and Book Monuments Department of Tomsk State University Research Library. The paper presents characteristics of the miscellany content and ornamentation. It shows that the manuscript contains texts being read both by the Orthodox, and Old Believers. It is established that the miscellany scriber was not an Old Believer, but later the manuscript appeared in the Old Believer environment and the text was corrected (for example, in the name "Jesus" the first letter was scraped off). The author analyzes ownership records, which show that the miscellany belonged to Matryona Tiunova. The question arises about relations of M. Tiunova and Tiunovs' Old Believer family, who lived in hermitages of the Tomsk region. The base for this assumption is the similarity of M. Tiunova and Maria Fedorovna Tiunova handwritings. The article shows that the spiritual verses copied by M. Tiunova in the manuscript fields existed among the Orthodox environment. The author makes an assumption about the miscellany existence in the

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта №16-14-70001 е(р).

Валерия Анатольевна Есипова – д-р ист. наук, доцент, Томский государственный университет, e-mail: esipova_val@mail.ru.
Valeriya A. Esipova – Doctor of Historical Science, Assistant Professor, Tomsk State University.

© Есипова В.А., 2018

Old Believers surroundings: the manuscript originally was created by a person, who didn`t belong to the Old Believers, but it was also demanded in the Old Believers environment. This fact is another evidence of the complex interaction between the Orthodox and Old Believers peasant cultures, and material for the study of peasant reading practices.

Key words: Old Believers, hand-written book, paleography, owners' litters, reading practices, Tiunovs, Zaimochnaya library.

Репертуар и бытование как древнерусских, так и старообрядческих рукописных сборников неизменно привлекают внимание исследователей на протяжении многих лет; в последние годы появился даже специальный термин для области филологии, изучающей средневековые сборники, – «мисцелланология» [1]. Рукописный сборник позволяет составить мнение о читательских интересах составителя, а также, при наличии владельческих записей и помет, дает интересный материал для исследования процессов его бытования. Недавно в фонд отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ (ОРКП НБ ТГУ) была записана рукопись сборника, имеющая внешние признаки обращения в старообрядческой среде[1]. История сборника, которую позволяют восстановить владельческие записи, весьма интересна и, как представляется, позволяет поставить ряд важных вопросов о читательских практиках старообрядцев и бытовании книги в старообрядческой среде.

Рукопись датируется серединой XVIII в., форматом в 2^0. Ее сохранность не очень хорошая: утрачены переплет, фрагменты ряда листов. Часть листов отделяется от блока, рукопись сильно загрязнена, с обширными затеками; чернила местами угасают и плохо читаются. Текст пытались реставрировать: некоторые листы проклеены по краям бумагой.

Вся рукопись написана одной рукой, однако местами это поздний мелкий полуустав, местами он переходит в скоропись – то убористую, то довольно крупную и размашистую. Писцовая запись сохранилась на нижнем поле л. 21; она начата полууставом, а завершается скорописью: «Выписано ис печатной Псалтири учебныя полудестевой Иосифовскаго выходу царя Алексея Михайловича (далее скоропись. – *В.Е.*) на морском судне … рукою астраханскаго разночинца Ивана Ива…» (рис. 1). Запись размещена после фрагмента «О том же крестом знамении, еже кладем на лица своя. Максим Грек пишет в своей книге. 207 лист, 3 глава».

Следует отметить также изящное и со вкусом выполненное оформление книги, которое включает многочисленные заставки, концовки и инициалы. Возможно, писец рукописи был художником – во всяком случае, записи на концовках выполнены практически тем же почерком. Так, на л 2 об. после окончания текста жития Петра и Февронии нарисован вензель, с двух сторон которого почерком основной рукописи указано: «Венъ / зель»; такая же подпись имеется после концовки на л. 71. Запись на л. 77 об., после подборки выписок из толкового Евангелия, более подробная: вверху подписано «Цвет райский», а ниже, рядом со стилизованным изображением двух птиц, пояснено: «Птицы / райския» (рис. 2). На л. 83, после окончания текста сочинения «О сакраментах», рядом с концовкой, поясняется, что на рисунке изображена «Ветвь плодоносная масличная». Возможно, имелись и другие пояснения, но часть рисунков была сильно обрезана при переплете.

Кратко охарактеризуем содержание сборника. Рукопись открывается оглавлением; далее следует полный текст Апокалипсиса (л. 2 об. – 14), затем помещен блок выписок из Евангелия от Матфея, Иоанна Златоуста, Иоанна Лествичника и других – о посте и молитве (л. 14 об. – 16), а также имеются выписки из Кормчей, Требника, Апостола о вере, пострижении брад, униатах и др. (л. 16 – 19).

Составитель сборника внимательно знакомился с содержанием разных книг Ветхого Завета. В рукописи полностью воспроизведены тексты книги Екклесиаста (л. 66–71) и книги премудростей Соломона (л. 90 – 93 об.); из книги Иисуса Сирахова переписаны главы 19 и 21 (л. 71 об. – 72). Обширный блок выписок из Евангелий помещен на л. 72 об. – 77.

Тексты Иоанна Златоуста также были знакомы составителю. В частности, л. 24 об. – 28 об. занимает обширный блок выписок из толкований Златоуста на Беседы апостольские, на л. 43 – 44 об. – из Маргарита, на л. 50 – 64 об. – полностью переписанный текст «Слова о оглашении к хотящим креститися, и о притчи винограда на ятых делателей», а также выписки из других текстов того же автора. Привлекало внимание составителя и творчество Кирилла Иерусалимского: так, на л. 29 – 33 помещена подборка небольших выписок из его произведений, там же приводятся тексты «О разделении лун», определения астрономии и астрологии и др. Со ссылкой на «Книгу Кирила Иерусалимского» воспроизведен фрагмент из «Прения святаго Илариона со армяны» (л. 33 об.).

Отметим, кроме того, список отреченных книг под заглавием «Книги ложныя, их же не подобает чести и держати православным християном, суть же сии» (л. 33 – 33 об.). Представлены в составе сборника и житийные тексты: например, «Месяца июня в пятый надесять день. Слово о Петре и Февронии, Муромских чюдотворцах» (л. 38 – 42 об.), а на л. 83 об. – 89 об. читается первое слово из Киево-Печерского патерика «О создании церкви святыя Богородицы Печерския» (в рукописи без заглавия), а также другие; имеются небольшие выписки из этого памятника.

Интерес составителя к киевским изданиям проявился и в переписке полного текста произведения Сильвестра (Коссова), митрополита Киевского «О сакраментах или тайнах в посполитости» (л. 78 об. –

[1] Отдел рукописных и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ (ОРКП НБ ТГУ). В-27.976. Сборник старообрядческий. Рукопись середины XVIII в. 93 л.

Рис. 1. Писцовая запись. ОРКП НБ ТГУ. В-27.976. Л. 21

Рис. 2. Концовка. ОРКП НБ ТГУ. В-27.976. Л. 77 об.

83). Как следует из писцовой записи в конце текста, составитель при переписке пользовался пятым изданием книги.

Привлекает внимание ряд выписок, обозначенных составителем «Из Летописца…»; они встречаются в рукописи неоднократно (л. 34 – 36 об., 43 – 44 об., 48 – 49 об.) (рис. 3). Во всех случаях фрагмент заголовка замазан в более позднее время, но на л. 34 под черной краской просматривается первая буква замазанного слова: «Д». Как удалось выяснить при анализе текста, это выписки из «Летописи, повествующей о деяниях от начала миробытия до Рождества Христова» Димитрия Ростовского: о пьянстве, блудниках и др.

Кроме того, в сборнике читается также текст, признанный старообрядцами и печатавшийся неоднократно в московских изданиях первой половины XVII в. (Книга о вере, Кириллова книга, Псалтири и др.) [2, с. 87, примеч. 76]. Это «Ведомо же буди и о сем, яко подобает всякому християнину ведати право, како лице свое крестити крестообразно…» (л. 19 об. – 21, отмечен Дружининым как старообрядческое сочинение [3, № 113, с. 306]).

Таким образом, рукопись содержит сочинения, которые читались как в православной, так и в старообрядческой среде. Отметим, что писец писал имя «Иисус» с двумя «И», однако позже первая буква практически везде была аккуратно выскоблена. Таким образом, можно предположить, что астраханский мещанин Иван Иванов не являлся старообрядцем, однако позже его рукопись попала в старообрядческую среду,

Рис. 3. Правка в заголовке. ОРКП НБ ТГУ. В-27.976. Л. 34.

Рис. 4. Владельческие записи. ОРКП НБ ТГУ. В-27.976. Л. 36

Рис. 5. Рисунок детской руки. ОРКП НБ ТГУ. В-27.976. Л. 49 об.

где и была «отредактирована» в соответствии с взглядами новых хозяев. Свидетельством такого редактирования является также вымарывание имени Димитрия Ростовского над подборками выписок из «Летописи, повествующей о деяниях от начала миробытия…» (л. 43, 48).

Сборник несет на себе многочисленные владельческие записи и пометы, которые могут рассказать о жизни и внутреннем мире его владельцев. Ряд помет и записей позволяет подтвердить принадлежность рукописи представителям семьи Тиуновых. Неоднократно на разных листах встречается фамилия владелицы: на л. 21 об. перед началом текста синим карандашом, скорописью XX в.: «Тиунова»; на полях л. 34 об., 43 об., 79 простым карандашом, скорописью: «Тиун…»; на л. 36 синим карандашом, скорописью на полях и поверх текста многократно: «Тиунова»; фамилия повторена синим карандашом и чернилами на л. 36 об. – 37 об.; на л. 49 об. скорописью, простым карандашом: «Тиунова Матрена Митревна»; на л. 66 простым карандашом между строк, крупными печатными буквами: «Тиунова»; на нижнем поле л. 72 простым и синим карандашом несколько раз: «Тиунова», «Тиунова Матрена»; на л. 72 об.: «Тиунова Матрена Дмитревна». Отметим, что владелица не старалась писать на свободном пространстве бумажного листа: часто записи и маргиналии размещены по краю текста, между строк или вовсе поверх текста (рис. 4).

Помимо упоминания имени владелицы имеются также пометы, позволяющие предположить наличие у владелицы дочери или младшей сестры: на л. 47 об. простым карандашом нарисован контур детской ладони, на ней подписано скорописью: «Катина рука»; на л. 49 об. рисунок контура детской ступни (?), подписан: «Катина стопа» (рис. 5). Кроме того, на л. 37 об. имеется карандашный рисунок с изображением женщины; на л. 47 об. помещен рисунок лошади. Таким образом, рисунки владелицы дают представление

Рис. 6. Рисунок дома. ОРКП НБ ТГУ. В-27.976. Л. 37

о семье и окружающем владелицу мире. Особый интерес вызывает рисунок, изображающий дом (л. 37). Он выполнен простым карандашом, очень тщательно, вычерчен по линейке (рис. 6). Изображение дома выглядит довольно «празднично»: крыльцо, наличники, двускатная крыша.

Имеются в рукописи и пометы другого характера: на л. 2 об., 7, 8, 9 об., 10, 13, 19, 27 об., 33 об. – 34, 36 об. – 37, 42, 47 об, 65 об. – 66, 68, 79, на полях и в тексте, помещены рисунки, записи, напоминающие пробу пера, пересчет дат и арифметические расчеты простым карандашом и фиолетовыми чернилами. На л. 8 на полях простым карандашом, небрежной скорописью XX в. написаны неразборчивые маргиналии. На л. 13 об. имеется рисунок, выполненный простым карандашом и неумело имитирующий по стилю заставки.

Представление о духовном мире владелицы рукописи могут дать тексты духовных стихов, переписанных на пустых местах листов простым и красным карандашом, поздним крупным полууставом; на л. 1 об. – 2: «Напой, християнка, холодной водой страдалца, которой стоит пред тобой…». Это духовный стих «Агасфер» [4, с. 6], исполняемый представителями РПЦ, а не старообрядцами. Чаще он встречается с началом: «Напой, самарянка, холодной водой…», имеются и другие разночтения.

Стих 2.
Люди добры к вам взываю.
Посетите вы меня
В темнице помираю.
Зарешоткой окна оцеф
В темнице изнываю.
Вра згубили вы меня
Очень тяшко я страдаю
Цель найдета на меня.
Черни ворон пролетая

Рис. 7. Владельческие записи: духовные стихи. ОРКП НБ ТГУ. В-27.976. Л. 2

На л. 2 об. начинается следующий духовный стих: «Люди добры, к вам взываю, посетите вы меня. Я в темнице помираю…» (рис. 7); продолжение текста читается на л. 5 об.: «Мне он верно предвещает, что прощуся я с тюрьмой…» и на л. 6 перед началом текста, тем же почерком (с преобладанием красного карандаша): «Отворите мне темницу, я на свет еще взгляну». Стих представляет собой исповедь узника, умирающего в тюрьме; имеются отсылки к известным произведениям подобной тематики; так, в середине текста буквально воспроизведена строка из «Узника» М.Ю. Лермонтова («Отворите мне темницу…»). На л. 55 об. тем же почерком переписано стихотворение В.В. Благовещенского «Вознесение Господне»: «Чрез сорок дней по воскресеньи, с учениками окружон…» [5].

Фамилия владелицы (Тиунова) при первоначальном знакомстве с рукописью дала возможность предположить, что речь идет о ком-то из семьи старообрядцев Тиуновых, проживавших в скитах на севере Томской области, в бассейне р. Кеть. Библиотека Тиуновых («Заимочная» библиотека) уже становилась предметом внимания исследователей (см., напр.: [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]); в настоящее время она хранится в Томском областном краеведческом музее (ТОКМ). Наиболее известная часть этого собрания – рукописи и записки, выполненные на бересте.

Отметим, что почерк записей обсуждаемой рукописи имеет некоторое сходство с почерком записок Заимочной библиотеки, включающей среди прочего записки, адресованные Н. Коноваловой от ее знакомой, Марии Федоровны Тиуновой (рис. 8). М.Ф. Тиунова – дочь Ф.И. Тиунова, одного из жителей скитов, и сестра Петра Федоровича Тиунова, который передал Заимочную библиотеку в музей. В настоящее время в ТОКМ хранятся три письма Марии Федоровны[2], адресованные Наталье Коноваловой, рукой которой выполнен ряд рукописей «Заимочной» коллекции, включая один из дневников [11, 13, 14]. Близкими деталями почерка являются написания букв «ш» и «т» с подчеркиванием и надчеркиванием соответственно; кроме того, характерны нижние выносные петли у букв «д» и «у»: они сильно вытянуты влево. Однако есть и различия: например, буква «д» в рассматриваемой рукописи написана часто с верхней петлей, что не встречается в письмах из ТОКМ.

На настоящий момент нельзя с уверенностью утверждать, что Матрена Дмитриевна Тиунова принадлежала именно к тем Тиуновым, которые являлись насельниками скитов. Возможно, она являлась родственницей М.Ф. Тиуновой – этим можно было бы объяснить сходство почерков.

Отметим содержание записок Марии Тиуновой, адресованных Н. Коноваловой: в одном случае она приводит первый куплет известной песни военных лет «Темная ночь», в другом случае сообщает о своем посещении «картины» (т.е. просмотре кино), причем название одной из «картин» не указано, другая – «Судьба человека» (вышла на экраны в 1959 г.). Мария пишет о сильном эмоциональном воздействии, которое оказал на нее фильм («не смогу тибе описать, я сидела и горика плакала…»[3]).

Упомянутое выше изображение дома на одном из владельческих рисунков обсуждаемой рукописи

[2] ТОКМ 12676/17 – 12676/19.
[3] ТОКМ. 12676/19. Л. 1.

Рис. 8. Письмо М.Ф. Тиуновой к Н. Коноваловой. Томский областной краеведческий музей. 12676/17

могло, казалось бы, дать ключ к вопросу о том, проживала или бывала ли Матрена Тиунова на заимке в бассейне р. Кеть. Однако имеющиеся в диссертации Л.Н. Приль фотографии домов с заимки, где проживали Тиуновы и Коноваловы, не соответствуют этому изображению: заимочные постройки гораздо проще [15, с. 225]; временный характер их архитектуры отмечал и П.Ю. Рачковский по результатам экспедиционного обследования в 1984 г. [16]. Л.Н. Приль высказала предположение, что изображение скорее имело прообразом какую-то постройку в г. Колпашево или другом относительно крупном населенном пункте: это можно заключить именно из конструктивных особенностей постройки[4]. Так, на рисунке у дома имеется имитация украшений под крышей, над окнами и дверью. Следует отметить и записи на крыше нарисованного дома, выполненные вдоль линий, изображающих доски. Карандаш частично стерт, а почерк неразборчив, поэтому в настоящее время удается прочитать лишь фрагменты. Так, справа читается: «…По дороги ветер дуит, в поле литает листопад…», слева: «…будьте начеку, берегите обороноспособность нашей страны…».

Таким образом, в интересах Марии и Матрены Тиуновых обнаруживается определенное сходство: обе они не чужды развлечений (в одном случае – кино и песни, в другом – духовные стихи, бытовавшие в среде как старообрядцев, так и православных); обе уделяют внимание как светской, так и сакральной сторонам жизни. Обращает на себя внимание также наличие военных мотивов в письмах и владельческих пометах: у Марии – это текст песни «Темная ночь», у Матрены – высказывание об обороноспособности страны.

Как видно, обсуждаемая рукопись несет на себе несколько «слоев» информации. Самый ранний из них оставлен непосредственно писцом и составителем сборника; о нем можно сказать лишь то, что он являлся астраханским разночинцем Иваном Ивановым и, вероятнее всего, им же выполнены и элементы орнаментики: заставки, концовки и инициалы. Иван Иванов не был старообрядцем; как минимум, имя Иисуса он писал с двумя «И». Следующий владелец, напротив, старообрядцем являлся с большой долей вероятности, но о нем трудно что-либо сказать, кроме того, что он «привел рукопись в соответствие» со старо-

[4] Выражаю благодарность Л.Н. Приль за заинтересованное и результативное обсуждение ряда положений этой статьи.

обрядческими традициями: первая буква «И» в имении «Иисус» выскоблена на протяжении всей рукописи, вымарано имя Димитрия Ростовского в заглавиях нескольких статей.

Следующая владелица рукописи оставила о себе достаточно много сведений: начиная от своего полного имени (Матрена Дмитриевна Тиунова) и заканчивая изображением своего (?) дома и контурами ладони и ступни своей малолетней родственницы (дочери? сестры?) Екатерины. При всем обилии оставленных ею сведений личность ее все же остается не выясненной. Во-первых, трудно сказать, была ли она сама старообрядкой (иными словами, являлась ли она второй владелицей рукописи, выскоблившей букву «И» в слове «Иисус»). Во-вторых, на настоящий момент невозможно однозначно соотнести Матрену Дмитриевну с известной семьей Тиуновых – владельцами «Заимочной» коллекции, хранящейся в ТОКМ: ничто, кроме сходства отдельных элементов почерка Матрены Дмитриевны с почерком Марии Федоровны Тиуновой, не указывает на их связь. В-третьих, тематика переписанных ею стихов скорее светская либо близкая тем стихам, которые и в настоящее время исполняются православными, но не старообрядцами.

Может сложиться впечатление, что для последней владелицы рукопись не имела особой ценности. Действительно, состояние сборника оставляет желать лучшего, множество владельческих записей и маргиналий нанесено поверх основного текста. Это впечатление может быть верным: не исключено, что владелица просто не понимала текст или не могла читать мелкий почерк при сильно выцветших чернилах; это непросто. С другой стороны, исследователи уже отмечали такое явление, как использование какой-либо книги, понимаемой как семейная ценность, для фиксации важной информации (долговых записей, замечательных дат семейной истории и др.) [17]. Логика здесь заключалась в том, что памятные записки на отдельных листах могли потеряться, а информация, зафиксированная, например, на форзацах большой книги, утратится с меньшей вероятностью.

Еще один вопрос, который можно поставить благодаря рассматриваемому сборнику: о взаимодействии старообрядческой и православной книжной культуры. Получается, что сборник, изначально созданный человеком, который не принадлежал к старообрядчеству, оказался востребован и в старообрядческой среде, только был несколько «подправлен» в соответствии с ее нормами. Этот факт является еще одним свидетельством сложного взаимовлияния православной и старообрядческой крестьянских культур, а также одним из источников для исследования крестьянских читательских практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грицевская И.М.* Чтение и четьи сборники в литературной культуре русских монастырей XV–XVII вв.: дис. … д-ра филол. наук. Новосибирск, 2013. 426 с.

2. *Успенский Б.А.* Крестное знамение и сакральное пространство: почему православные крестятся справа налево, а католики – слева направо? М., 2004. 160 с.

3. *Дружинин В.Г.* Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. Т. XIV, вып. 2. 534 с.

4. Духовные стихи: наглядное пособие для певцов – исполнителей духовных песнопений / [Чунины, и др.]. Ржев, 2013. 65 с.

5. Библия для детей. Стихи русских поэтов на библейские мотивы. М., 2011. 414 с.

6. *Бахтина О.Н.* Сибирская крестьянская библиотека. Новые поступления Томского областного краеведческого музея // Русская книга в дореволюционной Сибири. Государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 139–161.

7. *Бахтина О.Н.* Некоторые проблемы описания рукописей на бересте XX в. // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века): посв. 45-летию науч.-пед. деятельности Е.И. Дергачевой-Скоп / сост. и отв. ред. О.Н. Фокина, В.Н. Алексеев. Новосибирск, 2011. С. 981–988.

8. *Бахтина О.Н., Дутчак Е.Е., Есипова В.А.* Рукописи на бересте в XX веке: сакральные и социальные аспекты крестьянской литературы // Вестник РГНФ. 2011. № 3(64). С. 86–95.

9. *Дутчак Е.Е.* Скитская колонизация Западной Сибири: общее и особенное // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века): посв. 45-летию науч.-пед. деятельности Е.И. Дергачевой-Скоп / сост. и отв. ред. О.Н. Фокина, В.Н. Алексеев. Новосибирск, 2011. С. 949–964.

10. *Есипова В.А., Куклина Т.Э., Данченко А.М.* Рукописи на бересте: проблемы описания и терминологии // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2011. № 1(13). С. 121–127.

11. *Старикова Г.Н.* «Женские записки» старообрядческой коллекции: к проблеме единства содержания и формы текста // Вестник Новосиб. гос. ун-та. История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9. С. 35–39.

12. *Есипова В.А., Куклина Т.Э.* «Заимочная» коллекция: рукописи XX в. на бересте. Томск, 2014. 124 с.

13. *Приль Л.Н.* «Островной летописец» // Труды Том. гос. ист.-архит. музея. Томск, 1995. Т. 8. С. 183–221.

14. *Мальцев А.И.* «Книга пасхалная» – берестяной старообрядческий дневник за 1956–1975 гг. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 263–272.

15. *Приль Л.Н.* Старообрядческие общины Прикетья и Причулымья в конце XIX – 80-х гг. XX в. (опыт реконструкции жизнедеятельности): дис. … канд. ист. наук. Томск, 2002. 233 с.

16. *Рачковский П.Ю.* Типы жилых и хозяйственных построек русских старожилов Среднего Приобья второй половины XIX – начала XX в. // Хозяйственное и культурное развитие Урала и Сибири в XIX–XXI вв. Томск, 2010. Вып. 2. С. 236–242.

17. *Knight J. T.* «Furnished» for Action: Renaissance Book as Furniture // Book History. 2009. Vol. 12. P. 37–73.

REFERENCES

1. *Gritsevskaya I.M.* Reading and collections in the literary culture of Russian monasteries of the XV–XVII centuries: doctor's dissertation. Novosibirsk, 2013, 426 p. (In Russ.)

2. *Uspensky B.A.* The Cross sign and the sacred space: why are the Orthodox baptized from the right to the left, and Catholics – from left to right? Moscow, 2004, 160 p. (In Russ.)

3. *Druzhinin V.G.* Writings of the Russian Old Believers. Saint Petersburg, 1912, vol. XIV, iss. 2, 534 p. (In Russ.)

4. Spiritual verses: a visual aid for singers – performers of spiritual hymns. Rzhev, 2013, 65 p. (In Russ.)

5. The Bible for children. The Russian poets' verses on biblical motives. Moscow, 2011, 414 p. (In Russ.)

6. *Bakhtina O.N.* Siberian peasant library. New receipts of the Tomsk Museum of Local History. *Russkaya kniga v dorevolyutsionnoy Sibiri. Gosudarstvennye i chastnye biblioteki.* Novosibirsk, 1987, pp. 139–161. (In Russ.)

7. *Bakhtina O.N.* Some problems of describing manuscripts on the birch bark of the XX century. *Kniga i literatura v kul'turnom prostranstve epokh (XI–XX veka): posvyashchaetsya 45-letiyu nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti E.I. Dergachevoi-Skop*. Novosibirsk, 2011, pp. 981–988. (In Russ.)

8. *Bakhtina O.N., Dutchak E.E., Esipova V.A.* Manuscripts on birch bark in the XX century: sacral and social aspects of peasants literature. *Vestnik RGNF,* 2011, no. 3, pp 86–95. (In Russ.)

9. *Dutchak E.E.* Skete colonization of West Siberia: general and special. *Kniga i literatura v kul'turnom prostranstve epokh (XI–XX veka): posvyashchaetsya 45-letiyu nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti E.I. Dergachevoy-Skop*. Novosibirsk, 2011, pp. 949–964. (In Russ.)

10. *Esipova V.A., Kuklina T.E., Danchenko A.M.* Manuscripts on birch bark: problems of description and terminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya,* 2011, no. 1, pp. 121–127. (In Russ.)

11. *Starikova G.N.* "Women`s notes" of the Old Believers collection: to the problem of the text content and form unity. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, filologiya,* 2011, vol. 10, no. 9, pp. 35– 39. (In Russ.)

12. *Esipova V.A., Kuklina T.E.* "Zaimochnaya" collection: manuscripts on birch bark of the XX century. Tomsk, 2014, 124 p. (In Russ.)

13. *Pril L.N.* "An island chronicler". *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya.* Tomsk, 1995, vol. 8, pp. 183–221. (In Russ.)

14. *Maltsev A.I.* "Easter book" – a birch bark Old Believer diary for 1956–1975. *Istoriya russkoy dukhovnoy kul'tury v rukopisnom nasledii XVI–XX vv.* Novosibirsk, 1998, pp. 263–272. (In Russ.)

15. *Pril L.N.* The Old Believers communities of Ket' and Chulym regions in the late XIX – 1980s (an experience of life reconstruction): candidate dissertation. Tomsk, 2002, 233 p. (In Russ.)

16. *Rachkovsky P.U.* Types of residential and household buildings of the Russian old residents of the Mid Ob region in the second half of the XIX century and early XX centuries. *Khozyaistvennoe i kul'turnoe razvitie Urala i Sibiri v XIX–XXI vv.* Tomsk, 2010, no. 2, pp. 236–242. (In Russ.)

17. *Knight J.T.* "Furnished" for action: renaissance book as furniture. *Book History,* 2009, vol. 12, pp. 37–73.

Статья принята
редакцией 25.12.2017

DOI: 10.15372/HSS20180114
УДК 94(47).082/.084.6:783.6

А.А. МИХЕЕВА

РЕДАКЦИЯ ПЕВЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Л.А. ГРЕБНЕВА В КОНТЕКСТЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ О «ХОМОНИИ» ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX в.*

Лаборатория археографических исследований
Уральского федерального университета,
РФ, 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51

В статье анализируется попытка выдающего старообрядческого просветителя федосеевского (беспоповского) согласия, организатора типографии на Вятке Л.А. Гребнева (1867–1932) редактировать богослужебные тексты и распевы, упразднив архаичные черты (прежде всего так называемую хомонию). Делается вывод о том, что эта его идея нашла воплощение в русле активизировавшихся на тот момент споров среди беспоповцев о церковном пении. Оценивается место и значение редакции Гребнева в этой полемике. Рассматриваются причины активизации дискуссии о пении в 1880–1930-е гг. Автор настоящего исследования опирается на такие источники, как певческие книги (особое внимание при этом уделяется рукописи Л.А. Гребнева, сохранившей следы его работы над редакцией богослужебных песнопений), материалы старообрядческих соборов, периодические издания конца XIX – начала XX вв. и др.

Ключевые слова: старообрядчество, богослужебное пение, Л.А. Гребнев, вятское староверие, церковно-певческое искусство, знаменное пение, хомония, наонное пение, наречное пение, легализация раскола.

A.A. MIKHEEVA

L.A. GREBNEV'S EDITION OF LITURGICAL TEXTS IN THE CONTEXT OF THE OLD BELIEVER POLEMICS ON "KHOMONIA" IN THE FIRST DECADES OF THE 20TH CENTURY

Laboratory of Archeographical Studies,
Ural Federal University,
51 Lenina av., Yekaterinburg, 620083, Russia

The article objective is to review the polemics of the priestless Old Believers about khomonia in the late XIX – early XX centuries in the context of legalization of the Old Believer schism and cultural modernization. The paper tries to define the place of a liturgical edition prepared by L.A. Grebnev, an Old Believer leader.

Researchers examining these polemics have considered only its individual cases. In contrast, the present article characterizes these debates as a holistic phenomenon and analyzes factors of the polemics intensification at the centuries turn. The paper is built around Grebnev's liturgical version, a scholarly description of which has already been published. This article first analyzes Grebnev's work in the context of priestless polemics about church singing. These debates also touch upon wider problems of identity and adapting tradition in accordance with calls of a changing epoch.

The study is sustained along the lines of intellectual history, has a multidisciplinary character: the methods of the historical discipline are combined with those from musicology. An analysis of Grebnev's work allows us to uncover the author's intent and characterize the way of editing liturgical texts. His plan was compared with the ideas sounded in the priestless polemics. An analysis of modern liturgical performances by Fedoseevtsy

*Статья подготовлена в рамках выполнения проекта № 33.2182.2017/4.6 («Формирование русской культурно-религиозной идентичности: памятники традиционной письменности как символические коды культурной памяти») госзадания МО РФ научным коллективам исследовательских центров и (или) научных лабораторий образовательных организаций высшего образования на 2017–2019 гг.

Анна Антоновна Михеева – аспирант кафедры истории России, младший научный сотрудник лаборатории археографических исследований, Уральский федеральный университет, e-mail: aniutamiheeva@gmail.com

Anna A. Mikheeva – post-graduate student of the chair of Russian History, junior research fellow of the Laboratory of Archaeographical Studies, Ural Federal University.

© Михеева А.А., 2018

and Pomortsy in Vyatka allows us to make some remarks about the development of priestless liturgical chanting and evaluate the alternatives to the debates about khomonia.

The author concludes that the legalization of the Old Believer schism enabled the polemics about chanting. The entry of the Old Believers into public space posed the problem of how they should integrate themselves into the modernizing society while maintaining their authentic character, including their unique chant tradition. According to the educational practice of this time, Grebnev founded a school for teaching the hook-note chanting. In order to make the liturgical language more comprehensible, he sought to remove anachronisms, including khomonia during his editorial work. Thus, he went directly from oral debates to preparing a version of liturgical texts. However, his work along with the polemics themselves were interrupted by the Bolshevik power, which had raised another problem of the Old Believers' survival.

Key words: Old Believers, priestless, liturgical singing, L.A. Grebnev, Vyatka Old Believers, church singing art, Znamenny chant, khomonia, naonnoe singing, narechnoe singing, schism legalization.

Одним из плотно заселенных староверами регионов традиционно была Вятка [1, с. 43], поэтому сюда не раз отправлялись археографы из разных центров. В Вятской коллекции Научной библиотеки МГУ оказался уникальный документ – рукопись на крюках, не предназначенная для исполнения на клиросе или обучения богослужебному пению. Ее описание было опубликовано [2, с. 192–199]. Автор документа – выдающийся деятель федосеевского согласия на Вятке, организатор типографии Л.А. Гребнев (рукопись изобилует автографами и «черными» датами).

Судя по выпискам из певческих книг и собственным записям, Лука Арефьевич в 1928 г. отважился на исправление богослужебных текстов, чтобы упразднить трудные для восприятия архаизмы[1]. При этом он старался сохранить традиционные распевы, которые приходилось изменять, так как мелодия связана с количеством пропеваемых слогов и акцентами. Свои наработки Гребнев, скорее всего, намеревался вынести на обсуждение на несостоявшемся из-за большевистских репрессий Всероссийском федосеевском соборе[2]. Авторские варианты текста и распева озаглавлены «Проэктировка исправл. для предст. В. собору». Сама рукопись хранилась с другими документами и письмами из архива Луки Арефьевича, относящимися к подготовке собора [2].

Предложение Л.А. Гребнева упразднить хомонию не было оригинальным. Известны, в частности, полемические сочинения против хомонии Гавриила Артамонова «О хомовом пении» (1750 г.) [3], Ивана Алексеева (Стародубского) «О песнех и пениях церковных» (1760-е гг.) [4, с. 94 – 95], Андреяна Сергеева «О словах пения церковнаго» (1830-е гг.) [5, с. 285]. Некоторые общины, весьма вероятно, к XX в. уже пели наречно. В «Истории старой веры в Златоусте и в округе и истории некоторых лиц» из собрания ЛАИ УрФУ, например, рассказывается об А. Т. Мельнове: «…учился знаменному пению, и так выучился крепко, что сам распевал по крюкам каноны. Между протчим распел канон Чудотворцу Николе по крюкам наречь ибо был ревнитель наречнаго пения. Так говорил, прильпни язык мой к гортани моему, если я буду петь наон»[3].

В последней четверти XIX в. и особенно в первые десятилетия XX в. проблема хомонии активно обсуждалась на соборах. В Саратове, с которым были связаны вятчане, этот вопрос поднимался на соборе уже в 1882 г. [6, с. 34]. В 1905 г. его обсуждал 3-й Самарский собор [7, с. 138], в 1909 г. – 1-й Всероссийский собор поморцев в Москве [8, с. 38], в 1925 г. – собор в Тарту [7, с. 142]. В 1924 г. Курганский собор поморцев постановил: «На основании Святаго Писания и истории подтверждается решением Саратовского собора 1878 г. и 1-го Всероссийскаго собора пение наонное святое и древнее считать и содержать его в Церкви Христовой. Введение же наречнаго пения пока остерегатся. Из-за етаго не крамолиться и не делиться. В гор. Кургане оставить пение наонное древнее и не волновать Святую Церковь. И представить ето на 3й Всероссийский собор»[4]. В том же духе в 1925 г. Саратовский собор вынес компромиссное решение: «Христианам гор. Саратова, как поющим "на он" так и "на речь", Собор дает отеческий совет установить между собою братские отношения и друг друга не порицать, не гнушаться, по желанию взаимно посещать оба молитвенных храма и не давать повода иноверцам и неверующим клеветать на достояние Христово»[5].

Но не все приходили к таким компромиссам. Безапелляционные решения, к примеру, вынесли некоторые зауральские старообрядческие соборы. Так, Малодубровский собор 1923 г. постановил: «Наречное и разноголосное итальянское пение, произошедшее от Никона патриарха, не принимать. А непокорников от Церкви отлучать»[6]. В том же духе было принято решение на Обуховском соборе 1925 г.: «Церковно зна-

[1] А именно: старинные ударения, некоторые слова и хомонию. О хомонии, или раздельноречии, наонном пении, характерном для беспоповской певческой традиции, см.: [3, С. 79–82; 4, С. 64–65, 74–80; 5, С. 12–14; *Червякова Е.Г.* Феномен раздельноречия в гимнографии древлеправославного богослужения: дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2005].

[2] Решение о его созыве было принято на Саратовском соборе в 1927 г., что зафиксировано в протоколе, экземпляр которого хранился у Луки Арефьевича. – См.: Протокол заседания совещания Совета попечителей с приехавшими отцами, клиром и ревнителями от 30 мая 7435 г. (1927 г., г. Саратов) / Из архива Луки Арефьевича Гребнева. НБ МГУ. Вятская коллекция. № 5. Л. 1.

[3] История старыя веры в Златоусте и в округе и история некоторых лиц. ЛАИ УрФУ. Горнозаводское (II) собр. 27р/844. Л. 5 об.

[4] Курганский собор 1924 г. ноября с 24 по 27. Уложение. Копия. ЛАИ УрФУ. Курганское (V) собр. 22р/641. Л. 96 об.

[5] *Степанов Д.В.* История: раздоры в среде старообрядцев-поморцев в отношении «хомового» пения // Поморцы: сайт старообрядцев г. Саратова. URL: http://historianst.wixsite.com/pomor/blank-2 (дата обращения: 20.05.2017).

[6] Сборник. ЛАИ УрФУ. Курганское (V) собр. 22р/550. Л. 86–86 об.

менное пение признаем только наонное святым и древним, а других не признаем»[7].

Разногласия назревали давно, поэтому важно понять, почему споры о хомонии активизировались в старообрядчестве в рассматриваемый период. Оживление вокруг церковного пения во многом связано с легализацией раскола в 1905 г. Старообрядчество получило возможность открыто проводить обсуждение вопросов веры, публиковать литературу, открывать моленные дома и школы, исповедовать и преподавать свою веру. Это дало толчок обсуждению темы хомонии и активизировало мастеров пения. Имя Л.А. Гребнева можно поставить в один ряд с такими деятелями, как Т.А. Худошин, В.З. Яксанов, А.А. Надеждин, Л.Ф. Пичугин, Д.В. Батов, П.П. Баранин и другие, которых тоже интересовала проблема хомонии. Д.В. Батову, тульскому наставнику поморцев, принадлежит «Копия с письма о хомовознаменном пении»[8]. Т.А. Худошин, выдающийся начетчик, «во время скандала среди старообрядцев-поморцев в отношении церковного пения <…> встал на строну «истинноречного», однако не осуждал и «хомовое», всегда выступал за мир и дружбу среди христиан»[9]. П.П. Баранин, будучи сторонником праворечия, написал книгу «Из истории возникновения церковного пения в древнехристианской церкви» (Ревель, 1931) [9, с. 328].

Легализация староверия и общая модернизация культуры поставили перед старообрядцами насущные вопросы: как позиционировать себя в публичном пространстве и как встроиться в новый мир, при этом спасая свою самобытность? Поэтому важное значение приобрела проблема понятного языка, в том числе языка богослужения. Тот же 1-й Всероссийский собор поморцев широко освещался в прессе. В заметке «Молодые побеги» в «Биржевых ведомостях» отмечалось сочетание в старообрядчестве допетровской старины с либеральными веяниями эпохи: «Насколько глубоко пустили корни у безпоповцев передовыя мысли, показывает и то обстоятельство, что заседания собора происходили открыто, что печать была допущена на собор <…>. …теперь, с провозглашением веротерпимости, застой начинает уступать место прогрессу даже у ревнителей древняго благочестия» [8, с. 22].

Последствием модернизации стало отступление от многих традиций, не только от раздельноречия, что с тревогой отмечалось на соборах. Если раньше сакральное пронизывало все, вплоть до одежды, теперь это казалось не столь важным, вопросы веры отделялись от внешней стороны. Городская, европеизированная культура, охватившая сначала старообрядческую верхушку, получала все большее распространение. Так, миссионер М. Желобов в «Истории раскола в деревне Турек Уржумского уезда Вятской епархии» отмечал: «Турекские федосеевцы и федосеянки без всякого зазора носят немецкое платье, сшитое по последней моде, что федосеевским статутом запрещено. Некоторые из них устраивают великолепные вечера, на которых танцуют под разные музыкальные инструменты»[10].

Между тем именно единство сакрального и профанного отличало староверие, для которого сам обряд, вид прически, платья уже означали принадлежность к «избранному стаду Христову». Каждая буква в молитве, звук в распеве имели принципиальное значение. Поэтому старшее поколение боялось нарушения традиций. Об этом свидетельствует практика религиозной жизни эстонских беспоповцев: «В 1930-е гг. <…> ощущалась тенденция к нарушению традиционного уклада жизни, что неоднократно отмечалось на Всеэстонских старообрядческих съездах. Необходимо было прилагать определенные усилия для поддержания традиций и веры, применять новые методы работы с молодежью, чтобы не утерять своих позиций. Эту цель преследовал работавший с 1932 по 1940 год в Тарту староверческий кружок молодежи под руководством З.А. Кузнецова и Л.Г. Гришакова. В нем молодежь не только слушала доклады и изучала историю старообрядчества, но и под руководством И.С. Кулева обучалась крюковому напеву. В Муствеэ и Кикита были организованы культурно-просветительные курсы»[11].

Осмысленное изучение собственной истории и традиций, в том числе крюкового пения, стало ответом на вопрос, как встроиться в новый мир, не утратив самобытности. Саратовский деятель В.З. Яксанов говорил: «Просвещение старообрядцев <…> — нужда безотлагательная, и чтобы работа начальной старообрядческой школы была плодотворна, чтобы усвоенное в начальной школе не разрушалось в семье, нужно просвещать семью»[12]. В Эстонии начетчики и наставники считали средством привлечения молодежи именно духовное пение: «С 1929 по 1939 годы состоялось 9 съездов <…>. Много внимания уделялось проблемам воспитания молодежи в староверческом духе, привлечению ее к вере с помощью церковной музыки и духовного пения. На тартуском съезде в 1929 г. шла речь об образовании общей для Балтии школы наставников и развитии специального духовного образования для детей старообрядцев»[13].

Интересно, что староверы пошли по пути сохранения старого новыми методами. Ведь школы по типу

---

[7] Сборник. ЛАИ УрФУ. Курганское (V) собр. 22р/550. Л. 79 об.

[8] *Лукьянова Н.* Два светильника благочестия // Русская вера. URL: http://ruvera.ru/articles/batov_nadezhdin (дата обращения: 05.09.2017).

[9] *Степанов Д.В.* Терентий Акимович Худошин // Русская вера. URL: http://ruvera.ru/people/terentiiy_akimovich_hudoshin (дата обращения: 05.09.2017).

[10] *Желобов М.* История раскола в д. Туреке Уржумского у. Вятской губ. // Вятские епархиальные ведомости. 1897. № 14. С. 711.

[11] Введение: Мы остальцы Русской древлеправославной веры // Русские староверы в Эстонии. URL: http://www.starover.ee/ru/ (дата обращения: 05.09.2017).

[12] *Степанов Д.В.* Василий Захарович Яксанов // Русская вера. URL: http://ruvera.ru/people/vasiliiy_zaharovich_yaksanov (дата обращения: 05.09.2017).

[13] *Пономарева Г., Шор Т.* Общины // Русские староверы в Эстонии. URL: http://www.starover.ee/ru/kirik.html (дата обращения: 05.09.2017).

светских (вплоть до открытия в 1912 г. Московского старообрядческого института [10, с. 127]), реформированное пение – это были новые явления. Сказанное характерно и для деятельности Л.А. Гребнева, чья типография издавала много просветительской литературы. Для просвещения и усвоения закона Божьего и традиций старообрядчества он создал школу, где также преподавалось богослужебное пение.

Полемику о хомовом пении активизировало развитие средств коммуникации, хотя староверы и ранее славились своими удивительно отлаженными связями не только по всей России, но и за ее пределами. Вместе с легализацией старообрядчества это привело к некоторой централизации согласий (особенно на фоне политической консолидации буржуазии в начале века, многие представители которой были староверами). На Вятке никогда не существовало влиятельного центра старообрядчества типа Выга, общины здесь были самостоятельны, однако к началу XX в. во многом стараниями Л.А. Гребнева центром притяжения вятского федосеевства стала Старая Тушка. Об аналогичных процессах пишут Г. Пономарева и Т. Шор, отмечая, что «в 1928 г. состоялось два съезда, определивших строение Старообрядческой Церкви Эстонии»[14]. Централизация же поставила вопрос о совместном обсуждении и общем решении ряда насущных вопросов, унификации некоторых практик, в том числе церковно-певческой.

Вносит ли что-то новое в полемику о хомонии Лука Арефьевич Гребнев? Имеется немало документов, содержащих аргументы «за» и «против» раздельноречия. Известны и попытки редактирования гимнографических текстов на речь – в частности, в гектографированных изданиях певческих книг Д.В. Батова [11]. Однако эти издания либо были не известны Гребневу, либо (что более вероятно) он считал батовскую редакцию недостаточно убедительной и хотел учесть практику вятских общин. В любом случае рукопись Гребнева уникальна. В ней приведены выписки из разных книг, в том числе неких наречных, и, возможно, он обращался к наработкам своих единомышленников. Как следует из заголовка записей Гребнева в рукописи, «проэктировка исправл. для предст. В. собору», Лука Арефьевич предполагал выйти на собор с авторской редакцией певческих текстов. Кроме того, Гребнев слыл новатором в самых разных областях – от создания типографии до использования химических препаратов для уничтожения вредителей сада[15]. Поэтому разработка новой, собственной редакции с учетом того, как поют именно на Вятке (в рукописи некоторые образцы распевов фраз для сравнения обозначены как «наречной вятской»), – в характере Луки Арефьевича. К сожалению, он не смог завершить начатое, а сама полемика о церковном пении перед лицом более насущной задачи – выжить и сохранить себя в условиях репрессий и атеистической пропаганды – сошла на нет.

Была ли реформа по избавлению от архаизмов реальной альтернативой в развитии певческого искусства беспоповцев? В некоторых общинах споры о пении привели к настоящему расколу. Например, раздор в саратовских храмах после компромиссного решения собора описал наставник местных староверов П. В. Ершов: «На 28-е я был приглашен ко всенощной в Волковский храм. До 3-й славы 2 кафизмы пение было «на он». Когда пришел Абрам Васильевич, до него двое раза спели Аллилуйя, Аллилуйя слава т*ебе Боже! А на третий раз он спел теб*е и тотчас один головщик с клироса ушел. При таких душевных нестроениях и рвении трудно установить мир»[16].

Сегодня многие беспоповские общины поют не «на он». И.В. Полозова подметила, что саратовские староверы используют только отдельные признаки хомонии, раздельноречное произношение Ъ и Ь редуцируется, и звучание приближается к истинноречному. По ее мнению, «наиболее распространенным признаком хомонии у саратовских старообрядцев является избегание ассимиляции рядом стоящих согласных, где после первого согласного слышен гласный звук как отголосок раздельноречия. В результате возникает эксплозия и появляются вставные фонемы Э, Ы или И: <…> человеколюб**э**че <….>, без**ы**смертный, смер**и**тию и др.» [6, с. 38]. Стоит заметить, что федосеевцы и поморцы на Вятке сегодня поют так же. В их пении слышны дополнительные гласные, но не всегда те и в тех местах, что должны быть в древнерусском хомовом произношении.

Сказать, что получилось бы, прими беспоповцы наречную редакцию певческих книг, невозможно. Однако интересен сам процесс вызревания тенденции, активизации полемики на переломе эпох и то, что новаторские идеи коснулись и Вятки – самодостаточного региона, которого обычно не слишком интересовало мнение остальных общин[17]. В то же время Лука Арефьевич Гребнев, как представляется, собирался предложить на Всероссийском соборе готовую редакцию для всех.

Полемика о хомонии была принципиально важной для староверов на рубеже XIX–XX вв., так как традиционное литургическое произношение – это часть

[14] *Пономарева Г., Шор Т.* Указ. соч. URL: http://www.starover.ee/ru/kirik.html (дата обращения: 05.09.2017).

[15] Письмо В.К. Семибратову от Черезова Зиновия Михайловича. 1982 г., из г. Кременчуг. ЛАИ УрФУ. Кировское (XVII) собр. 164р/4940, 9. Л. 2.

[16] Цит. по: *Степанов Д.В.* История: НВОДС собор 1925 г. // Поморцы: сайт старообрядцев города Саратова. URL: http://historianst.wixsite.com/pomor/blank-6 (дата обращения: 20.05.2017).

[17] Например, на рубеже XIX–XX вв. яблоком раздора между старотушкинскими федосеевцами и московским центром согласия – Преображенским кладбищем – стал вопрос о новоженах. Старотушкинская община позволяла себе мягкое отношение к новоженам, не отлучая их от моленья, разрешая принимать исповедь без развода и т. д. Только после многократных увещеваний и угроз об отлучении тушкинские федосеевцы в 1906 г. признали свое отношение к новоженам греховным и вновь присоединились к москвичам [1, с. 52, 55].

идентичности беспоповцев. Лучшие умы старообрядчества того времени, такие как Л.А. Гребнев, пытались решить проблему адаптации традиции к условиям меняющегося мира с помощью просвещения, использовать новые методы, чтобы сохранить самобытность. Именно поэтому Гребнев предполагал сделать текст богослужения понятным для верующих XX в., проведя наиболее щадящую редакцию древнерусских распевов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Починская И.В.* Из истории старообрядчества Вятского края. Федосеевцы (вторая половина XVIII – начало XX вв.) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 43–84.

2. Материалы к истории старообрядчества: документы из архива Л.А. Гребнева. М., 2016. 236 с.

3. *Казанцева Т.Г.* Послание Гавриила Артамонова «О хомовом пении»: к вопросу о редакциях гимнографического текста в старообрядческих певческих рукописях // Сибирь на перекрестье мировых религий: материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф., посв. памяти... М.И. Рижского. Новосибирск, 2006. С. 176–183.

4. *Казанцева Т.Г.* Апология наречного пения Ивана Алексеева // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 90–118.

5. *Казанцева Т.Г.* «О словах пения церковнаго»: полемическое сочинение Андреяна Сергеева // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 284–309.

6. *Полозова И.В.* Традиции литургического произношения в среде саратовских старообрядцев: прошлое и настоящее // Кабинет фольклора. Статьи, исследования и материалы: сб. науч. тр. Саратов, 2009. Вып. 3. С. 33–40.

7. *Агеева Е.А.* Древлеправославная Поморская Церковь // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ Православная энциклопедия, 2007. Т. 16. С. 135–144.

8. Деяния Первого Всероссийского собора христиан-поморцев, приемлющих брак. М., 2012. 468 с.

9. *Агеева Е.А., Фомина А.Е.* Баранин // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 328.

10. *Майоров Р.А.* Московский старообрядческий институт перед Первой мировой войной // Православие в славянском мире: история, культура, язык. Olsztyn, 2014. Fontes Slavia Orthodoxa I. С. 127–134.

11. *Казанцева Т.Г.* Старообрядческие гектографированные издания певческих книг знаменной нотации // Книга: Сибирь – Евразия. Труды I Международного научного конгресса. Новосибирск, 2016. Т. 2. С. 48–58.

REFERENCES

1. *Pochinskaya I. V.* From the Old Believers History in Vyatka Region. Fedoseevtsy (the Second Half of the XVIII – Early XX Centuries). *Ocherki istorii staroobryadchestva Urala i sopredel'nykh territorii*. Yekaterinburg, 2000, pp. 43–84. (In Russ.)

2. Materials on the Old Believers History: L.A. Grebnev Archive Documents. Moscow, 2016, 236 p. (In Russ.)

3. *Kazantseva T.G.* The Epistle of Gavriil Artamonov "On khomon singing": the Issue of Editions of the Hymnographic Text in the Old Believers Singing Manuscripts. *Sibir' na perekrest'e mirovykh religiy: materialy 3-i mezhregion. nauch.-prakt. konf., posv. Pamiati ... M.I. Rizhskogo*. Novosibirsk, 2006, pp. 176–183. (In Russ.)

4. *Kazantseva T.G.* Ivan Alekseev's Apology of the Narechnoe Singing. *Pamyatniki otechestvennoy knizhnosti: novye teksty, novye interpretatsii*. Novosibirsk, 2007, pp. 90–118. (In Russ.)

5. *Kazantseva T.G.* "On Words of Church Singing": Andreyan Sergeev's Polemic Essay. *Obshchestvennoe soznanie i literatura Rossii: istochniki i issledovaniya*. Novosibirsk, 2008, pp. 284–309. (In Russ.)

6. *Polozova I.V.* Traditions of Liturgical Pronunciation among Saratov Old Believers: Past and Present. *Kabinet fol'klora. Stat'i, issledovaniya i materialy.* Saratov, 2009, iss. 3, pp. 33–40. (In Russ.)

7. *Ageeva E.A.* Ancient Orthodox Pomor Church. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2007, vol. 16, pp. 135–144. (In Russ.)

8. Acts of the First All-Russian Council of Christian Pomortsy Accepting a Marriage. Moscow, 2012, 468 p. (In Russ.)

9. *Ageeva E.A., Fomina A. E.* Baranin. *Pravoslavnaya enysiklopediya*. Moscow, 2002, vol. 4, p. 328. (In Russ.)

10. *Maiorov R.A.* Moscow Old Believer Institute before the First World War. *Pravoslavie v slavyanskom mire: istoriya, kul'tura, yazyk*. Olsztyn, 2014, pp. 127–134. (In Russ.)

11. *Kazantseva T.G.* The Old Believer Hectographed Editions of Singing Books of Znamenny Notation. *Kniga: Sibir' – Evraziia: trudy I Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa*. Novosibirsk, 2016, vol. 2, pp. 48–58. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 25.01.2018

DOI: 10.15372/HSS20180115
УДК 94 (47+57)+217.22

Н.Д. ЗОЛЬНИКОВА

СОЧИНЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ-СТАРОВЕРА А.Г. МУРАЧЕВА «О НАЧЕРТАНИИ» В СВЕТЕ СПОРОВ О ШТРИХ-КОДЕ КАК ПЕЧАТИ АНТИХРИСТА

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева 8

В статье-публикации представлено полемическое сочинение нижнеенисейского старовера А.Г. Мурачева, направленное против популярной до сих пор в народной православной среде теории о компьютере-антихристе, одно из проявлений которой состоит в представлении о штрих-коде как печати антихриста. В 1990-е гг. это представление усваивается староверами-часовенными Нижнего Енисея, а также насельниками Дубчесских скитов – наиболее авторитетного духовного центра часовенных. А.Г. Мурачев позиционирует себя как последнего на Нижнем Енисее защитника истинного православия от проникновения иноверной ереси о штрих-коде, которую он называет «баптистскими выдумками». В подтверждение своих обличений он приводит многочисленные цитаты из Священного Писания, отцов Церкви о вреде чтения еретических книг.

Ключевые слова: староверы, штрих-код, антихрист, Апокалипсис, скиты, конфессональное взаимодействие.

N.D. ZOLNIKOVA

THE ESSAY “ON TRACING” BY AN OLD BELIEVER WRITER A.G. MURACHEV IN THE LIGHT OF DEBATES ON A BAR CODE AS ANTICHRIST’S SEAL DISCUSSION

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article offers to examine a case of modern reaction of a national Orthodoxy representative to the heretical (on his mind) idea of a bar code as the Antichrist’s seal. The essay is based on the original scenario of the world history and its ending. Its author, A.G. Murachev, borrowed the basis of his theory on Roman genesis of modern states and the united proletariat as the Antichrist’s servant from his mentor, Father Simeon, the hegumen of Lower Yenisey Dubches sketes, who died in Stalin’s labor camps after the skete destruction in 1951. His essays with theoretical formulations connected the ancient exegetics of Revelation to John with modern life were preserved and copied out in the sketes and peasant’s surrounding community. A.G. Murachev has significantly developed the ideas of Father Simeon, but without his great authority, hasn’t found many adherers in sketes – the main spiritual center of Old Belief supporters of a priestless sect. Among other disagreements there was one worth mentioning. A.G. Murachev unlike the skete ideologists believed that the end of the world according to a series of evidences was rather remote. In particular, this was the reason why he denied the theory of a computer-Antichrist that got into the Lower Yenisey Old Believers’ society and included the idea of a bar code as the Antichrist antipode’s seal, who, presumbly, had already come to this world. A.G. Murachev inexactly called this theory ‘Baptist tales’, as in the 1970s this theory was distributed by the New Evangelistic Church. The Yenisey scholar treated this theory as something alien to the Orthodoxy, and criticized his coreligionists for their interest towards this unorthodox heresy. The essay analyzed in the article is a perfect sample of manifestation against the transconfessionalism (term introduced by G.L. Freeze). In the meantime, borrowing of ideas from other confessions (Catholicism – through Ukrainian writers and Protestantism) was pointed out for the supporters of a priestless sect by N.N. Pokrovsky, N.D. Zol’nikova, et al. Thus, A.G. Murachev’s paper shows the ambiguousness of the confessional interaction process among the Old Believers.

Key words: Old Believers, bar code, Antichrist, Apocalypse, skete, confessional interaction.

Выдающийся сибирский писатель-старообрядец второй половины XX в. А.Г. Мурачев (1916–2008) был по преимуществу религиозным писателем, хотя ему принадлежат и поразительные по силе литературного таланта мемуары о разгроме в марте 1951 г. в низовьях Енисея старообрядческих Дубчесских скитов, опубликованные в свое время в «Новом мире» [1]. Сам он провел несколько лет в этих скитах как послушник и был последним учеником погибшего в сталин-

Наталья Дмитриевна Зольникова – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nnpokrov@gmail.com.
Natalya D. Zolnikova – Doctor of Historical Sciences, chief researcher, Institute of History SB RAS.

© Зольникова Н.Д., 2018

ском концлагере игумена о. Симеона; защитником и проповедником его заветов А.Г. Мурачев считал себя всю жизнь. Большая часть наследия А.Г. Мурачева – богословские трактаты и полемика, часто тесно связанные. Точно так же и публикуемое ниже сочинение содержит острую полемику с наиболее авторитетным монастырским центром сибирских староверов-часовенных – Дубчесскими скитами 1990-х гг. Идейным обоснованием этой полемики послужила оригинальная богословская теория о мировой истории и конце света, выработанная им в 1960–1990-е гг. Вкратце она такова. От рождества Христова до его второго пришествия должны пройти семь «времен»: первое – до завершения проповеди апостолов, второе – период гонений, заканчивающийся при Константине Великом, третье охватывает примерно 700 лет, когда правили благочестивые цари, четвертое – начало отступления мира под власть сатаны (отпадение католиков, униатов и реформа патриарха Никона). Четвертое время – «царство наложницы сатаны» в России, т.е. реформированной патриархом православной церкви, которое закончилось в 1917 г. После этого началось, по представлениям А.Г. Мурачева, предсказанное пророками и Иоанном Богословом тотальное уничтожение еретической церкви (как считал енисейский книжник – «вавилонской блудницы» Апокалипсиса). Затем, как писал А.Г. Мурачев, наступило пятое время, еще очень далекое от завершения человеческой истории. Это, по его представлениям, время упадка старообрядчества, потери веры и былой высокой нравственности, связанное с утверждением в России, а после Второй мировой войны и в ряде европейских стран, социализма, ориентированного на построение земного царства благополучия. Шестое время – период стихийных бедствий и уничтожения значительной части человечества, когда воцаряется антихрист и проповедуют Илья и Енох. Седьмое время – краткий отрезок мирного существования накануне Страшного Суда небольшого количества уцелевших избранных [2, с. 298–301].

А.Г. Мурачев пришел к убеждению, что современное ему нижнеенисейское старообрядчество часовенного согласия во главе с Дубчесскими скитами является убедительным примером упадка, характерного для «пятого времени». В своих сочинениях 1990–2000-х гг. он обличает отступления староверов от прежних соборных правил и уставов, утвержденных в период игуменства о. Симеона и о. Антония – авторитетных руководителей скитов. Например, в 1970-е гг. было запрещено не только молитвенное, но и бытовое (в еде, общении) «смешение» с так называемыми «кадровыми»: госслужащими и членами профсоюзов. В 1990-е гг. А.Г. Мурачев констатировал повсеместное забвение этих правил, тесную дружбу староверов и их наставников со всевозможным государственным начальством, не принадлежавшим к старообрядчеству. Особенно его возмущали объединения охотников-любителей, между членами которых государство стало разделять охотничьи угодья на участки, которые закреплялись за бригадами или индивидуальными промысловиками. Для тех староверов, которые в подобные объединения не вступали, избегая контактов с государственными служащими (по старым представлениям о. Симеона и о. Антония – слугами антихриста), охота, одно из основных трудовых занятий на севере Красноярского края, стала невозможной. В порыве острого религиозно-социального протеста А.Г. Мурачев назвал одно из таких профессиональных объединений охотников «любительским безбожным обществом предотечи антихриста»[1]. Усвоение скитами чуждой православию теории о штрих-коде как «начертании», т. е. печати антихриста – еще один признак, по убеждению А.Г. Мурачева, отпадения «в нечестие» Дубчесских скитов и окормляемой ими старообрядческой округи.

Представление о штрих-коде как печати антихриста отмечено еще в 1970-е гг. в среде так называемых «новых протестантов», «евангелических христиан». Оно составляло часть теории о мировом компьютере «Зверь», с помощью которого из Брюсселя инфернальные силы якобы пытались подчинить человечество. Штрих-код при этом наносился каждому человеку лазерным лучом как его индивидуальный номер. Теория распространилась по всему миру. Высказано мнение, что ее старообрядческий вариант – перевод отрывков книги «евангелистской проповедницы Мэри Стюарт Рэлф»[2]. Видимо, какой-то журнал с изложением этой теории, проникшей в Россию не только к староверам, но и к прихожанам РПЦ, и попал на Нижний Енисей. О его бесконтрольном, некритическом чтении с возмущением пишет А.Г. Мурачев в публикуемом ниже сочинении, называя изложенную в журнале теорию «баптистским мудрованием».

Сочинение А.Г. Мурачева «О начертании» публикуется не только потому, что представляет собой современное оригинальное произведение крестьянской богословской мысли на актуальную тему, но и по многочисленным просьбам почитателей творчества енисейского книжника. За недостатком места в настоящем журнале сочинение публикуется не полностью, исключено несколько фрагментов: опущены в основном подборки цитат отцов церкви и авторитетных церковных писателей о пагубности чтения христианами еретических книг. Пропущенные фрагменты обозначены квадратными скобками с отточием внутри. Сокращения раскрыты в круглых скобках.

А. Г. Мурачев. О начертании

(л. 62 об.) Когда были наши старцы забраны в тюрму в 1951-м году, целый год сидели следственно, а потом всех разсеяли по лагерям. Отец Симеон говорил братии: «Мне-то не дожить до свободы, а вы освободитесь, вас долго не продержат. Только потом ищите меня в Дупчесе на старом месте, я духом буду там». Так и случилось, он скончался в лагере в 1953-м г., а в 1954-м г. старцы все освободились из лагерей, стали собираться в Дупческую пустыню. По первости все было тихо, скромно и благодатно, а потом год от году стало быть шумнее и роскошнее. Загудели маторы и маторные лотки, появились по технике искусные механники,

[1] Собрание Института истории СО РАН, № 9/97-г, л. 63.

[2] Wolf_Kitses. Компьютер по имени зверь. URL: www.socialkompas.com/2016/03/27/13221/ (дата обращения: 04.12.2017).

которые, естественно, могут быть в писании не горазды. Кому наскучило и надоело жить хозяйством, бросает и едет туда под покровительство старцев и стариц, а потом к ним то дети, то родные посетители, и поток людской ни зимой, ни летом не прерывается туда. Американские християне зачастили, неся вести с округсвета, переполняя слухи старцев и стариц дивесами, в какой роскоше и слабости погрязли сами. А старцы с восхищением слушают расказы и потом разсуж // (л. 63) дают, утверждают и заключают разные фантазы. С 1954 до 1994 года минуло 40 лет благодатнаго времени, как древнему Израилю в пустыне. В 1995-м году Уральское християнство покачнулось в никониянство, у нас в Сибире християнство склонилось в баптистское мудрование по части компьютерных знаков совершенно ложно и неосновательно. Стали утверждать начертание, что самое горестно и бедственно, что скиты неотвратимо и неумолимо уверовали в баптистское лжетолкование о начертании. Вот теперь можно думать, что отца Симеона присутствие и покровительство скитов кончилось, благодать отступила, скоро что-то должно произойти со скитами, на этом не остановятся, еще будут делать какие-то отклонения. Прежде отец Симеон так строго осуждал членов Союза[3], а теперь его братия со членами любительскаго безбожнаго обчества предотечи антихристова еще злее кадровых, более преступнее по части евангельских заповедей, а современные старцы принимают их на исповедь, дают // (л. 63 об.) им святыню, благословляют их на все духовные дела, а они опять благословляют дальше, и уже благословение пошло членское, безблагодатное. Хотя они не отлучены людями, но отлучены святых отец правилами [...] Когда-то лет 5–6 назад отец Виталий* на Индыгином* читает с вероятностью принародно журналишка о начертании, баптистские выдумки. Я только подумал, вот это по твоей мудрости, если истиннаго Писания не знаешь, а он во Апокалипсисе отнюд не разбирается. Тогда мне даже в мысль не пришло, что будет время, что скиты это за догмат примут. От неправильнаго определения времен и от лукаваго понимания сколько в древности произошло смут, самосожжений, самоуморений и прочего, как пишется в Истории Смирнова на 53 странице*, а также и в Туве не от сего ли, т.е. от ложнаго понимания времен применяли самоистребление*. Как нам Писание запрещает, увещевает, умоляет, чтоб не читать еретических книг, чтоб как-нибудь случайно не зара // (л. 64) зиться ими. Показание от Святаго Писания о том, что правоверным християном, а особенно молодым, книг еретических и безбожных не читать. Книга Катихиз(ис) малый, лист 27 оборот. Вопрос. Которая есть пятая заповедь церковная? Ответ: Еретических книг не прочитати, и к сборищам их не ходити, и учения не слушати. Тако же не сущу кому ученому в словопрение с ними не вдаватися и всячески отрицатися их, по писанному, еретика человека по первом и втором наказании отрицайся*. Запрещение 7 собор(а), прав(ило). 9. Аще епископ, или презвитер, или диякон, и всяк от церковнаго чина обрящется, чтый еретическия книги, иже сопротивляются истине, священницы да извергнутся, мирстии же да отлучатся*. Книга Кирил(ла) Иер(у)салимск(ого), лист 24. От странских всех книг уклоняйся. Что ли тебе и чужим словесем, или законом, или лжепророком, и яже убо совращают легчайшия в вере. Что бо не стает в законе Божии, да на те странския кощуны устремляешися. Аще бо повестныя хощеши почитати, то имаши пророки, Иова и приточники, в них же всякая твори ухищрения и большую остроту умную обрящеши. Аще ли песнем хощеши, то имаши // (л. 64 об.) Псалтырь или законно исповедание, преславныи Господа закон. Всех же убо чуждих и диявольских сетей крепко уклоняйся*. Ниже. А в еретическия отреченныя (книги) заповедаша (свт. отцы) отнюд не приницати, еже есть врази Божии, и се мудрование тех, ими же отводят от Бога и приводят бесом в пагубу)* [...]

Какое опасение и отвращение имели свт. отцы от еретическаго писания и учения, теперь по сравнению с ними это в какую низость и безразличие пришли современные старцы, что баптистское мудрование и толкование приняли за сущую истину по части начертания, что противно апокалипсическому Писанию, и святых отец толкованию, и самому событию времен. Апокалипсис поведает о начертании в шестом времени, или сказать, в шестых знамениих, а баптисты, ложно толкуя, приблизили в пятом времени, компьютерные знаки за // (л. 65 об.) начертание невежественно поняли. Помимо Апокалипсиса никто не может правильно судить о временах. А также апокалипсические знамении нужно строго распределять по событию времен и нужно строго верить пророческому Писанию, но отнюд не у баптистов учиться и следовать их толкованию. [...]

Говорит Апокалипсис, глава 13, стих 11: «И видех инаго зверя, восходящаго от земли и имеяше рога два, подобна агнчим, и глаголаше, яко змий. И власть перваго зверя всю творяше пред ним, и творяше землю и вся живущия на ней поклонитися первому зверю, ему же исцелена бысть язва смертная. И сотвори чудеса велика, да и огнь сотворит сходити с небесе на землю пред человеки. И льстит живущыя на земли ради знамений, яже дана быша ему пред зверем творити, глаголя живущым на земли сотворити образ зверю, иже имать язву оружную, и жив бысть. И дано бысть ему дати духобразу зверину, да проглаголет икона зверина и сотворит, да иже аще не поклонятся образу звериному, убиени будут. И сотворит вся малыя и великия, богатыя и убогия, свободныя и работныя, да даст им начертание на десней руце их или на челах их, да никтоже возможет ни купити, ни // (л. 66 об.) продати, токмо кто имать начертание, или имя зверя, или число имени его. Зде мудрость есть, иже имать ум, да почтет число зверино: число бо человеческо есть, и число его шестьсот шестьдесят шесть». Говорит: «Поклонившимся ему даст начертание, т.е. чертежь или надпись: или имя зверя, или число имени его, 666. Только два знака, а старцы вопреки святому Духу стали утверждать три знака: начертание, имя зверя и чис-

[3] Имеется в виду профсоюз.

ло имени его. А Апокалипсис говорит[а]: «Аще кто приложит к сим, наложит Бог на него язв, написанных в книзе сей, и аще кто отимет от словес книги пророчествия сего, отимет Бог часть его от книги животныя» [...] Воистинну баптистское еретическое скверное толкование о ложном начертании, сопроттивное истине. Говорит пророчество, что начертание или написание будет даваться на чело или на десницу поклонившимся антихристу, которое будет в шестом времени, а баптисты совершенно суеверно, лживо поняли электронно-компьютерные знаки за начертание в пятом времени, которые виднеются на всех товарах покупаемых, только не на челах и не на десницах. И вот наши старцы в это уверовали. По правилу вышепоказанному они подлежат отлучению за суеверие, а получается наоборот, они нас невинно хотят отлучать за то, что мы не приемлем баптистское суеверное мудрование о ложном начертании. Где же тут правосудие? Где тут страх Господень, уклоняющий всякаго от зла? Где тут чистая совесть, дар Божий. Как говорится о живых в Евангелии[б]: «И тии не внидоша в претор, да не осквернятся, но да ядят пасху». Жидове жаждущие невинной крови и смерти Христовой, привели Его к Пилату в претор, а сами не зашли в языческий претор, чтоб не оскверниться, они приготовились ясти пасху, т.е. причащаться. Они не считали за грех // (л. 67 об.) мучить, издеваться и распять невиннаго Христа. А теперь и у нас не считают за грех веровать баптистскому суетному толкованию о ложном начертании, и если кто не будет веровать в баптистское ложное начертание, тех отлучать. Спрашивается: если сами отлученые правилами, могут ли отлучать невинных людей? Никак нет [...]

А теперь я вынужден пояснить сон. Виделось мне, что я стою во обители матери Софии с восточной стороны и вижу, что отец Антоний вышел ис келии и идет ко мне в полном облачении, я стою недвижимо. Он подошол ко мне, поклонился до земли, даже священной своей главой задел мою грешничу правую ногу, когда расклонился и сказал: «Афанасий, помогай старцам воспитывать стариц». С этими словами мне в мысль передалось, что нужно помогать отцу Михаилу, и тут я разбудился. Это было в 94-м году. Тогда я задумывался, чем я могу помочь? Я живу в миру так далеко от них, они и сами ежедневно читают Писание. А тогда они еще были не заражены баптистским суеверием о // (л. 68) начертании, а теперь мне стало ясно, чего ради отец Антоний кланялся в ногу, уже было предведение Божие, что старцы уклонятся в баптистское мудрование и стариц совратят в суеверие, это потому, что отец Антоний был для стариц духовным отцом, это его гнетущая жалость и скорбь о том, что его духовные чада уклонятся в суеверие. По Божию проуведению он знал, что не кому не нужно и некто не займется разоблачить эту лесть душепагубную, потому что нужно знать твердо Писание и нужно иметь чистую и необольстимую совесть, несмотря на множество невеждных противников, которые изменили Церкви Христовой и стали членами любительскаго безбожнаго обчества предотечи антихристова. Это не мое достоинство, что[бв] отец Антоний меня обязал[г], а это Божие избрание. Как говорит апостол[д]: «Аще ли иному открыется седящу, первый да молчит»*. А у нас творится напротив, если я последний не верую в ложное начертание, то первые стараются всячески меня злоречить, клеветать и осуждать. А я надеясь на молитвы отца Симеона и отца Антония, решаюсь ради Христа терпеть все, только возложенной отцом Антонием обязанности и подвига не оставлять. // [...] (л. 69) Говорит Христос[е]: «Испытайте Писаний, яко вы мните в них имети живот вечный»*. Теперь у нас идет спорный вопрос о начертании. Требовалось бы попытаться и поискать в Писании более разумнаго смысла, но главенство у нас не считают нужным искаться и пытать, говорят: «В баптистском журнале все ясно, только нужно веровать». А в том же журнале далее баптисты пишут о восхищении церкви, которое должно было быть позапрошлый год 22 октября, но не слышно, что баптисты восхитились, так же, как и все подобно клопам по земле ползают до сего дня. Как кажется рисково, наше главенство доверили свои души баптистскому мудрованию.

Говорит Христос[ж]: «А иже аще соблазнит единаго от малых сих верующих в мя, уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его и потонет в пучине морстей»*. Теперь наши старцы сильно подействовали на окружающих християн, чтоб баптистское мудрование о ложном начертании люди приняли за истину, а жалкие люди действительно доверили свои невинные души, приняли это суеверие за истину. Вместо лекарства выпили яд за неопытность врача, и вместо Царствия Небеснаго, обреченные // (л. 69 об.) во ад, если не покаются. Во основу ставят то, что когда в скиты навезли американских вещей с начертанием, и вот что-то стало мерещить скитяном, якобы из-за начертания, а когда стало сомнение, диявол подстроил ложное заключение и ввел всех в суеверие. Это уже последное отпадение скитов, разве только еще останутся в Туве [...]

Ириней Псковский, на пророка Захарию. Глава 13, лист 141 об. «Кратко рещи, пророк свидетельствует, что когда придет учрежденное время, то беззакония лжепастырей так // (л. 73) будут явны, что все в лице оплюют их и возимеют к ним ненависть и отвращение. Почему хотя и мнятся быть мудрыми и почтения достойными, но и то, и другое отимется от них, ибо клятва Божия падет и на мышцы их, и на очеса десная». Ответ Варсанофия на вопрос Иоанна, стран. 495. «Занимающие престолы священства во всем мире будут вовсе неискусны и не бу-

[а] *На левом поле тем же почерком* Глав[а] 22, стих 18.
[б] *На правом поле* Иоан[н], зач[ало] 59.
[в–г] *Написано над строкой*.
[д] *На правом поле* зач[ало] 157.
[е] *На правом поле* Иоан[н], зач[ало] 17.
[ж] *На правом поле* Матф., зач. 74; Лука, зач. 83.

дут знать художества добродетели. Таковы же будут и предстоятели монашествующих, ибо все будут низложены чревоугодием и тщеславием и будут служить для людей более соблазном, чем образцом, посему добродетель будет пренебрежена еще более, сребролюбие же будет царствовать тогда, и горе монахам, богатеющим златом, ибо таковые будут поношением для Бога и не узрят лица Бога живаго… Посему, сын мой, как я уже сказал прежде, многие, будучи одержимы неведением, падут в пропасть, заблуждаясь в широте широкаго и пространнаго пути».

Книга Григориево видение, лист 100. А се чин иноческий. И еще отлучи Господь от шуих полк велик зело, се же бе чин иноческий, их же видев аз и помрачихся, яко // (л. 73 об.) иже быша Христа ради иноцы, и что се ныне в шуих части учинены быша. Бяху же лица их омрачена и светильники держащее темны и без масла. На выях же их леность и небрежение, якоже птица седящи, нарицаемая типий. Уныние же и нерадение, яко змии висяху. Непокорение же яко железа тяжка и обдержаше хребет их. На них же воззре Господь и разгневася, яко одолеша их страсти и оскверниша второе данное им святое крещение, и обещания своего не сохраниша, и раби быша страстем плотьским в помышлениих своих. И сего ради отрече на них Господь. Они же слышавшее той горький ответ, начаша звати от сердца: Помилуй нас, яко тебе единаго познахом и святому имени твоему служихом день и нощь, и твоим именем бесы изгонихом и пророчествовахом хотящая бытии. И сия глаголющим им, и бысть глас к ним трубою: «Отидите от мене, проклятии, в огнь вечныи, яко не послушасте гласа моего, и аз вас не слушаю». И абие суровии ангели влечаху их нуждею во огнь вечныи и в лютую муку. И рече ми святыи ангел, яко на скончание века иночес // (л. 74) кий чин отнюд в погибель отлучится, яко мало неких возлюбивших труд, и болезнь, и смирение. В конец века сатанину царству наченшуся, страстьми и похотьми и всякими козньми многих привлечет к себе, паче же таковых, иже Христа ради нищеты и смирения ко всем не стяжавших, и того ради таковии отнюд погибнут».

– Собрание Института истории СО РАН, № 9/97-г, л. 62 об.–74 (авторской пагинации). Не позже 1997 г. Ксерокопия автографа А.Г. Мурачева. Археографической описание см.: Описание рукописей XVI–XX вв. из собрания Института истории СО РАН / сост. Т.В. Панич, Л.В. Титова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. С. 34–35.

КОММЕНТАРИИ

Л. 63 об. *...отец Виталий*. – В миру Сычев Викул Мокеевич, черноризец Дубчесского мужского скита.

... на Индыгином. – Пос. Индыгино Туруханского р-на Красноярского края.

... в Истории Смирнова на 53 странице. – Смирнов П.С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. 53.

... и в Туве ...применяли самоистребление. – А.Г. Мурачев вспоминает самоубийства староверов, в том чсиле монашествующих (утопление, уморение голодом и т.д.) в Туве в 1920-е гг., вызванные преследованиями властей.

Л. 64. Книга Катихиз(ис) малый... еретика человека по первом и втором наказании отрицайся. – Собрание краткия науки об артикулах веры. М.: Печатный двор, 20.I.1649. Л. 27 об.

Запрещение 7 собор(а), прав(ило). 9... священницы да извергнутся, мирстии же да отлучатся. – Неточное цитирование; ср.: Кормчая. М.: Печатный двор, 15.06. 1653. Л. 212 об.–213.

От странских всех книг... и диявольских сетей крепко уклоняйся. – Сборник «Кириллова Книга». М.: Печатный двор, 21.04. 1644. Л. 7–7 об.

Л. 64 об. *А в еретическия отреченныя (книги)... приводят бесом в пагубу*. – Сборник «Кириллова Книга». М.: Печатный двор, 21.04. 1644. Л. 8 (2-го счета).

Л. 67. *И тии не внидоша в претор, да не осквернятся, но да ядят пасху*. – Ср.: Ин 18: 28.

Л. 68. *«Аще ли иному открыется седящу, первый да молчит»*. – Кор I 14: 30.

Л. 69. *«Испытайте Писаний, яко вы мните в них имети живот вечный»*. – Ср.: Ин 5: 39.

«*А иже аще соблазнит единаго от малых сих верующих в мя, уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его и потонет в пучине морстей*». – МФ 18:6; ЛК 17:2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Герасимов А.* Повесть о Дубческих скитах // Новый мир. 1991. № 9. С. 91–103.

2. *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.

REFERENCES

1. *Gerasimov A.* A Tale of Dubches Sketes. *Novyi mir*. 1991, no. 9, pp. 91–103. (In Russ.)

2. *Pokrovskiy N.N., Zol'nikova N.D.* Old Believers – Supporters of a Priestless Sect at the Russian East in XVIII–XX centuries. Moscow: Pamyatniki istorich. mysli, 2002, 471 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 21.12.2017

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20180116
УДК 94 (571.513) ″1946/1947″

В.А. КЫШПАНАКОВ

ЗАСУХА И ГОЛОД В ХАКАСИИ. 1946–1947 гг.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
РФ, 655000, г. Абакан, пр. Ленина, 90

В научный оборот вводятся два документа, которые свидетельствуют о тяжелом продовольственном и материальном положении хакасской деревни в первые послевоенные годы. В докладной записке райотдела НКГБ описывается сильный голод, охвативший в начале 1946 г. ряд колхозов Таштыпского района. Его причиной стало фактическое прекращение выдачи колхозникам продовольствия в счет оплаты труда. В докладной записке руководства Хакасской автономной области в Совет министров СССР от 8 февраля 1947 г. сообщается, что недород 1946 г. вновь оставил колхозников без хлеба. По мнению авторов докладной записки, начавшийся голод мог негативно сказаться на результатах весеннего сева и на других хозяйственных кампаниях. Таким образом, голод в хакасской деревне начался еще зимой 1945/46 г. и продолжился в 1946/47 г.

Ключевые слова: аграрная политика государства, сельское хозяйство, колхозы. хлебозаготовки, голод 1946–1947 гг., Хакасия.

V.A. KYSHPANAKOV

DROUGHT AND FAMINE IN KHAKASIA. 1946–1947

N.F. Katanov Khakass State University,
90, Lenina av., Abakan, 655000, Russia

Two documents are introduced into the scientific circulation, which are the evidence of difficult food and material situation in Khakass countryside in the first post-war years. The memorandum of the People's Commissariat of the State Security district department describes a severe famine that struck a number of collective farms in Tashtyp region in early 1946. It was caused by the actual cessation of the food provision to collective farmers as a payment for labor. The note of the Khakass Autonomous Oblast authorities to the Council of Ministers of the USSR on February 8, 1947 reported that the crop failure of 1946 left the collective farmers without bread. According to the memorandum authors, the hunger could have a negative impact on the results of spring sowing and other economic campaigns. Thus, the famine in the Khakass countryside began already in winter of 1945/46 and continued in 1946–1947.

Key words: state agrarian policy, agriculture, collective farms, grain procurements, famine of 1946–1947, Khakassia.

Сверхнормативное изъятие продовольственных ресурсов в деревне приводило к латентному, очаговому или массовому голоду, который сопровождал аграрный строй сталинского социализма на протяжении всего его существования [1, с. 627]. В начале 1930-х гг. форсированная коллективизация привела к массовому голоду, временами и местами переходившему в голодомор. В середине и второй половине 1930-х гг. в условиях относительной стабилизации эконо-

Владимир Алексеевич Кышпанаков – канд. экон. наук, доцент, д-р ист. наук, профессор, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, e-mail: kyshpanakovv@mail.ru.
Vladimir A. Kyshpanakov – Candidate of Economics, Professor, Doctor of Historical Sciences, N.F. Katanov Khakass State University.

© Кышпанаков В.А., 2018

мического положения колхозов голод приобрел преимущественно очаговый характер. Практически каждый год он поражал наиболее неурожайные районы. Затем последовали перманентно голодные военные и послевоенные годы [2, с. 396]. В 1946/47 г. в СССР разразился масштабный голод, охвативший Молдавию, Украину, где было наибольшее число жертв, а также центральные районы страны и частично Сибирь.

Дискуссия между историками о голоде 1946/47 г. в СССР началась в 1990-е гг., но и сегодня она остается незаконченной. Разногласия касаются причин голода: одни видят их во внешних, природных факторах (засухе) и послевоенной разрухе, другие же полагают, что голод вызвала политика государства, а внешние факторы лишь усугубили его масштабы и последствия. Термин «голод» в отечественной исторической литературе применительно к 1946/47 г. впервые встречается в 4-м томе «Истории советского крестьянства» [3, с. 183]. С документальной точностью Б.Г. Бомешко описывает ужасающие картины голода, охватившего послевоенную Молдавию [4]. Освещение темы голода в России нашло подробное отражение в трудах И.М. Волкова, И.Е. Зеленина, В.Ф. Зимы, В.П. Попова [5; 6; 7; 8].

В историческом сибиреведении тема голода и его влияние на демографическую сферу региона находится в центре внимания В.А. Исупова [9; 10]. В.А. Ильиных, рассматривая ход и итоги хлебозаготовительной кампании 1946 г. в Новосибирской области, пришел к выводу, что широкомасштабный голод 1946/47 г. охватил не только недородные регионы, но и относительно урожайную Западную Сибирь. Причиной голода в регионе стало сверхнормативное изъятие хлеба, что должно было частично компенсировать потери государства от недорода в европейской части страны [11, с. 63].

В хакасской исторической литературе тема голода в 1946/47 г. ни в хрущевскую «оттепель», ни в горбачевскую «перестройку» даже в таких крупных коллективных работах, как «Очерки истории Хакасии советского периода» (1963 г.) [12] и «Очерки истории Хакасской областной организации КПСС» (1987 г.) [13], не затрагивалась. Вопрос о голоде в Хакасии в 1946/47 г. во взаимосвязи с ростом смертности населения, особенно детской и младенческой, освещался в монографии В.А. Кышпанакова [14, с. 193–198]. Позднее о голоде, вызванном засухой 1945–1946 гг. и явившемся фактором снижения численности сельского населения Хакасии в первые послевоенные годы, упомянул Е.В. Леонтьев [15, с. 181–182].

Ниже публикуются два документа, хранящихся в Национальном архиве Республики Хакасия в фонде бывшего партийного архива Хакасской автономной области: 1) докладная записка районного отделения Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ) секретарю Таштыпского райкома ВКП(б) об обследовании некоторых населенных пунктов района на предмет материальной обеспеченности населения продуктами питания и одеждой от 18 февраля 1946 г.; 2) докладная записка Совету министров СССР от Хакасского облисполкома и обкома ВКП(б) партии, подписанная первыми лицами области, от 8 февраля 1947 г.

Эти документы являются весьма красноречивыми свидетельствами ужасающего состояния послевоенной деревни, буквально выжатой налогами, податями и повинностями. В первом из них описывается сильный голод, охвативший в начале 1946 г. ряд колхозов Таштыпского района. В докладной записке, составленной сотрудниками райотдела НКГБ, описываются факты истощения крестьян, опухания от голода, употребления в пищу мяса павших животных, болезней на почве недоедания. Некоторые матери в условиях сильного голода бросали своих детей или просили поместить их в детский дом. Причиной голода стало фактическое прекращение выдачи колхозникам продовольствия в счет оплаты труда. Сильная засуха привела к недороду на приусадебных участках. Собранные на них картофель и овощи закончились уже осенью. Особое беспокойство чекистов вызывал отток голодающего населения из деревни. В докладной записке руководства Хакасской АО в Совет министров СССР от 8 февраля 1947 г. сообщается, что недород 1946 г. привел к минимизации выдачи зерна колхозникам. По мнению авторов докладной записки, начавшийся голод мог негативно сказаться на «выполнении очередных хозяйственных задач».

Таким образом, голод в хакасской деревне начался еще зимой 1945/46 г. и продолжился в 1946/47 г.

№ 1
Из докладной записки Таштыпского районного отдела НКГБ секретарю райкома ВКП(б) Инкижекову

с. Таштып 18 февраля 1946 г.

ТАШТЫПСКОЕ РО НКГБ
18 февраля 1946 г.

СЕКРЕТАРЮ ТАШТЫПСКОГО РК ВКП (б)
тов. ИНКИЖЕКОВУ
с. Таштып

Произведенным обследованием некоторых населенных пунктов Таштыпского района установлено, что в этих населенных пунктах в связи с тяжелым положением материальной стороны населения от недостачи продуктов питания, одежды и обуви имеется большое количество населения, которое находится в исключительно тяжелом положении. Имеют место случаи истощения, опухания и на этой почве многочисленные заболевания, кроме того, есть факты, когда по этим же причинам колхозники, в основном демобилизованные из Красной армии, выезжают на производство как внутри района, так и за пределы его.

В основном в этом отношении наиболее неблагополучные населенные пункты выявлены в Карагайском, Чиланском с[ель]советах и других местах. Так, например:

КАРАГАЙСКИЙ с[ель]совет. В колхозе «Аргыс Ленин»[1] наиболее остронуждающимися семьями, где имеют место случаи истощения, опухания и заболевания от недоеданий, относятся следующие:

а) семьи, относящиеся к III-й степени истощения, т.е. в настоящее время имеют отеки на лице, нижних и верхних конечностей:

1. ТОКОЯКОВ Роман – семья состоит из 3 человек.
2. САГАЛАКОВ Мукор – ″ – 3 – ″ –
3. БАРАШКОВ Егор – ″ – 4 – ″ –
4. ТОКОЯКОВ Афанасий – ″ – 6 – ″ –
5. САГАЛАКОВ Николай – ″ – 7 – ″ –
6. ЧИСТЫГБАЕВ Владимир – ″ – 1 – ″ –
7. ТОКОЯКОВА Арина – ″ – 5 – ″ –
8. САГАТАЕВ Иван – ″ – 1 – ″ –

б) семьи, относящиеся ко 2-й степени истощения, не имеющие отеков:

1. САГАЛАКОВА Арина – семья состоит из 5 человек.
2. САГАЛАКОВА Хозачах – ″ – 3 – ″ –
3. САГАТАЕВ Иламор – ″ – 2 – ″ –
4. САГАЛАКОВ Иван – ″ – 7 – ″ –
5. БАРАШКОВА Анна – ″ – 5 – ″ –
7. ТОКОЯКОВ Андрей – ″ – 6 – ″ –
8. ЧИСТЫГБАЕВ Пастун – ″ – 2 – ″ –
9. ТОКОЯКОВА Мария – ″ – 2 – ″ –
10. САГАЛАКОВ Мукок – ″ – 6 – ″ –
11. САГАТАЕВА Кичичек – ″ – 5 – ″ –

в) семьи, относящиеся к 1-й степени истощения:

1. ЧЕБОДАЕВА Вера – семья состоит из 5 человек.
2. ПОЗИКОВА Кизнича – семья состоит из 2 человек.
3. ТОКОЯКОВА Мария – ″ – 3 – ″ –
4. КИЛЬЧИНАЕВА Парасковья – ″ – 4 – ″ –
5. БАРАШКОВА Матик – ″ – 5 – ″ –
6. САГАТАЕВ Маек – ″ – 2 – ″ –
7. САГАЛАКОВА Парасковья – ″ – 3 – ″ –
8. САГАЛАКОВА Кичинам – ″ – 6 – ″ –
9. САГАЛАКОВ Филипп – ″ – 6 – ″ –
10. САГАТАЕВА Анна – ″ – 3 – ″ –
11. САГАТАЕВ Павел – ″ – 5 – ″ –
12. САГАЛАКОВ Андрей – ″ – 6 – ″ –
13. БАРАШКОВА Евдокия – ″ – 3 – ″ –

Исключительно тяжелое положение вышеперечисленных семей колхозников колхоза «Аргыс Ленин» показывает состояние перечисленных семей, установленное в день обследования на 12/II-1946 г.

1. ЧИСТЫГБАЕВ Пастун – в семье 3 человека, сам болеет от недоедания, семья с утра не ели, паек нигде не получают, все голые, в семье трудоспособных нет, старший сын его служит в РККА.

2. САГАЛАКОВ Мукок: в семье 6 человек, жена болеет от недоедания, уже второй день кормятся только соленой водой, паек нигде не получают, все голые.

3. ТОКОЯКОВА Арина – в семье 6 человек, получают паек в месяц 7 кг, в перерыве до получения пайка на следующий месяц по несколько дней питаются только соленой водой, был случай опухания 2-х ребят, сейчас они больные и имеют страшный вид, все они голые. В хозяйстве ничего нет.

Таких семей колхозников в этом колхозе много.

Из колхоза «Аргыс Ленин» самостоятельно уехали на другие места 7 человек колхозников – демобилизованные из Красной армии.

<…>[2]

Чиланский с[ель]совет. В колхозах Чиланского с[ель]совета, в особенности в колхозе им. Буденного, были многочисленные случаи сильного истощения, заболевания от недоедания. Как только некоторым остронуждающимся семьям в этом колхозе было организовано получение ежемесячного пайка от торгующих организаций, то положение этих семей до некоторой степени улучшилось, но наряду с этим в этих же колхозах появились другие семьи, у которых положение в материальном отношении стало такое же, как и у первых. В данное время в этом колхозе имеется около 20 семей колхозников, где на почве недоедания имеют место сильные истощения, опухания и разные заболевания.

---

[1] «Друг Ленина» (на хак. яз.).

[2] Опущена часть документа, в которой перечислены семьи, отнесенные ко 2-й и 3-й «степени истощения» из колхоза «Хызыл чазы» («Красная степь») Карагайского сельсовета.

В некоторых вышеперечисленных семьях, как и в Чиланском, так и в Карагайском с[ель]советах, есть трудоспособные члены семьи, но они ввиду истощения или за неимением одежды и обуви на работу выходить не имеют возможности, тем самым пайком в колхозах не удовлетворяются. По этим же причинам многие ученики этих семей перестали посещать школу.

Произведенные расследованием причин тяжелого материального состояния некоторых семей колхозников в вышеуказанных с[ель]советах, истощения, опухания и разные заболевания, устанавливается, что одной из причин является недоедание и т.е. неимение продуктов питания. Из своих личных подсобных хозяйств эти семьи никакими овощами не располагают, хотя многие из этих семей имеют неплохое подсобное хозяйство, но в связи с засухой урожая сняли в очень малом количестве, который они уже употребили в осенний период. У некоторых семей также имеются коровы, но они недойные. Известно, что за неимением продуктового хлеба колхозы давно перестали авансировать колхозников, если колхоз от государства получает небольшое количество хлеба, то его выдают в основном работникам животноводства и другим колхозникам, занятым на более ответственных участках работы, но одновременно колхозы некоторым семьям отпускают хлеба, но в очень малом количестве, например по 0,5–1 кг на несколько дней, но в связи с тем, что эти семьи овощей не имеют, этим хлебом они питаются самое большое 2–3 дня, больше нигде паек не получают.

В результате таких трудностей в материальном обеспечении имеют место сильные истощения, опухания и т.п. среди населения указанных с[ель]советов. Как указывалось выше, что некоторые семьи в день обследования уже не имели никаких продуктов, а употребляют соленую воду и т.п. Если эти семьи в таком же состоянии будут находиться еще непродолжительное время, то могут быть случаи смертности.

Все вышеприведенные факты самого тяжелого материального положения некоторых семей колхозников в Карагайском и Чиланском с[ель]советах требуют принять по отношению к некоторым семьям срочные меры по оказанию им помощи продуктами питания, одеждой, обувью.

Такие же факты и обнаруживаются в других населенных пунктах района, так, например: в с. Арбаты имеются наиболее остронуждающиеся семьи более 10 человек, такие же семьи имеются и в с. Таштып.

28 января 1946 г. в помещении РОНО были оставлены неизвестные дети: девочки 1933 г., 1939 г. рождения, впоследствии было установлено, что их мать Цибульская Валентина Павловна проживала в с. Таштып, в хозяйстве ничего не имела, получала паек, в связи с недостачей питания своих детей, совершенно раздетых, оставила на произвол судьбы, а сама скрылась. Дети помещены в Таштыпский д[ет]дом.

Есть многочисленные факты, когда в связи с тяжелым материальным положением некоторые матери обращаются с просьбой поместить их детей в детские дома.

Кроме того, по неполным данным только в некоторых населенных пунктах района установлены дети-сироты, которые остро нуждаются в помощи в питании, одежде и обуви.

Таких детей установлено:

В улусе Бутрахты – 3

– ″ – В[ерхнем]-Имеке – 6

– ″ – Мурты – 2.

Некоторые из них помещены в д[ет]домах.

Смертности на почве недоедания и намерения отдельных лиц к самоубийству в связи с тяжелым материальным положением в районе не установлены.

Начальник Таштыпского РО НКГБ – капитан (Глазков)
Оперуполномоченный РО НКГБ – мл. лейтенант (Боргояков)

Национальный архив Республики Хакасия (НА РХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1197. Л. 69–70 об. Заверенная копия того времени. Машинопись. Подписи – машинопись.

К документу приложена сопроводительная машинописная записка (Л. 68), адресованная секретарю Хакасского обкома ВКП(б) Гудилину: «Таштыпский райком партии получил от начальника райотдела НКГБ тов. Глазкова докладную по поводу тяжелого материального положения части населения района. Докладная прилагается. Секретарь Таштыпского райкома ВКП (б) Булатов [подпись – автограф]». В верхнем левом углу записки – штамп Таштыпского райкома ВКП(б) с датой и номером исходящей регистрации. Справа от подписи – штамп «Взято на особый контроль». Внизу – две рукописные пометы: *«В дело. Читал»*. Подпись – автограф секретаря обкома Гудилина; *«По затронутым вопросам в докладной дана информация в ЦК ВКП(б)»*. Подпись – автограф секретаря обкома Гудилина.

№ 2
Докладная записка первого секретаря Хакасского обкома ВКП(б) Ф.И. Афанасьева и председателя облисполкома С.Е. Инкижекова в Совет Министров СССР

г. Абакан 8 февраля 1947 г.

СОВЕТУ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

ДОКЛАДНАЯ
О состоянии с обеспеченностью хлебом в колхозах Хакасской автономной области

Посевная площадь зерновых и зернобобовых (озимых и яровых) под урожай 1946 года составила 116 520 гектаров. Вследствие неблагоприятных климатических условий (засухи) в период вегетации зерновых культур 16 029 гектаров зерновых погибло и к уборке осталось 100 491 га.

По предварительным данным годовых отчетов колхозов, общий намолот (валовой сбор) зерновых со всей убранной площади составил 311 604 центнера в неочищенном виде, или по 3,1 цент[нера] в среднем с каждого убранного гектара.

При очистке зерна отходы составили 60 934 цент[нера], или 19,5 % от валового сбора товарного зерна, осталось 250 670 центнеров, или по 2,49 центн[ера] в среднем с каждого гектара убранной площади.

Из этого количества сдано государству по всем видам постановок[3] 176 102 центнера зерна зачетным весом, или по 1,75 цент[нера] с убранного гектара, засыпано семян зерновых–яровых культур 42 452 центнера, высеяно озимой ржи осенью 1946 года 6901 центнер, скормлено скоту 100 цент[неров] и выдано на трудодни трактористам, комбайнерам и колхозникам всего 25 115 центнеров.

В колхозах области имеется 16 059 дворов (хозяйств). Таким образом, из урожая 1946 года использовано на продовольствие колхозникам, включая и трактористов, в среднем 156 килограммов на колхозный двор, или по 39 кг на едока.

По Ширинскому району средняя выдача на 1 колхозный двор составляет всего лишь 69 кг, Алтайскому – 86 кг, Бейскому – 124 кг. Выдано на трудодень от 65 до 320 граммов.

Это средние показатели обеспеченности колхозов продовольствием. Если к этому вопросу подойти в разрезе колхозов, то большая половина их продовольственного хлеба вовсе не имеет. Многие колхозники питаются отходами трав, что создает очень тяжелое положение как на морально-политическом состоянии людей, а также на выполнении очередных хозяйственных задач.

К весне положение ухудшится, может привести к нежелательным последствиям.

Исходя из вышеизложенного, просим оказать колхозам нашей области продовольственную помощь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА ХАКОБЛСОВЕТА Инкижеков
СЕКРЕТАРЬ ХАКАССКОГО ОБКОМА ВКП(б) Афанасьев

НА РХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1281. Л. 1–1 об. Подлинник. Машинопись. Подписи – автографы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ильиных В.А.* Аграрный строй Сибири в XX веке: этапы трансформации // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. Типология и особенности аграрного развития России и Восточной Европы X–XXI вв. М.; Брянск: РИО Брянск. гос. ун-та, 2012. С. 620–629.

2. *Ильиных В.А., Исупов В.А., Ноздрин Г.А.* Голод // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 396.

3. История советского крестьянства. М.: Наука, 1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 1950-х гг. / отв. ред. И.М. Волков. 499 с.

4. *Бомешко Б.Г.* Засуха и голод в Молдавии в 1946–1947 гг. Кишинев: Штиинца, 1990. 52 с.

5. *Волков И.М.* Засуха, голод 1946–1947 гг. // История СССР. 1991. № 4. С. 3–19.

6. *Зеленин И.Е., Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия // Отечественная история. 1997. № 2. С. 196–198.

7. *Зима В.Ф.* Голод в России 1946–1947 гг. // Отечественная история. 1993. № 1. С. 35–52.

8. *Попов В.П.* Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 37–60.

9. *Исупов В.А.* «Черное пятно» в истории Сибири // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия: История, филология и философия. 1990. Вып. 1. С. 31–33.

10. *Исупов В.А.* Городское население Сибири. От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, 1991. 291 с.

11. *Ильиных В.А.* Хлебозаготовительная кампания 1946 г. в Новосибирской области // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. С. 57–65.

12. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 годы. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1963. 417 с.

13. Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. Красноярск, 1987. 359 с.

14. *Кышпанаков В.А.* Население Хакасии. 1917–1990-е гг. Абакан, 1995. 347 с.

[3] Так в документе. Следует читать: поставок.

15. *Леонтьев Е.В.* Сельское население Хакасии в послевоенные годы (1946–1948 гг.) // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв.: тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1999. С. 180–181.

REFERENCES

1. *Il'inykh V.A.* The agrarian system of Siberia in the XX century: stages of transformation. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 2012. Tipologiya i osobennosti agrarnogo razvitiya Rossii i Vostochnoy Evropy XX–XXI vv.* Moscow, Bryansk, 2012, pp. 620–629. (In Russ.)

2. *Il'inykh V.A., Isupov V.A., Nozdrin G.A.* Hunger. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, 2009, vol. 1, p. 396. (In Russ.)

3. The Soviet peasantry history. Ed. I.M. Volkov. Moscow, Nauka, 1988, vol. 4: Peasants in the years of consolidation and development of socialist society. 1945 – late1950s, 499 p. (In Russ.)

4. *Bomeshko B.G.* Drought and famine in Moldova in 1946–1947. Kishinev, Shtiintsa, 1990, 52 p. (In Russ.)

5. *Volkov I.M.* Drought, famine 1946–1947. *Otechestvennaya istoriya,* 1991, no. 4, pp. 3–19. (In Russ.)

6. *Zelenin I.E., Zima V.F.* Famine in the USSR in 1946–1947: origins and consequences. *Otechestvennaya istoriya,* 1997, no 2, pp. 196–198. (In Russ.)

7. *Zima V.F.* Famine in Russia in 1946–1947. *Otechestvennaya istoriya,* 1993, no. 1, pp. 35–52. (In Russ.)

8. *Popov V.P.* Hunger and public policy (1946–1947). *Otechestvennye arkhivy,*1992, no. 6, pp. 37– 60. (In Russ.)

9. *Isupov V.A.* «Black spot» in the history of Siberia. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Series: History, philology and philosophy,* 1990, vol. 1, pp. 31–33. (In Russ.)

10. *Isupov V.A.* The urban population of Siberia. From catastrophe to revival (late 30s – late 50s). Novosibirsk, Nauka, 1991, 291 p. (In Russ.)

11. Essays on the history of Khakasia Republic of the Soviet period. 1917–1961. Abakan, 1963, 417 p. (In Russ.)

12. Essays on the history of the Khakas regional organization of the CPSU. Krasnoyarsk, 1987, 359 p. (In Russ.)

13. *Il'inykh V.A.* The bakery procurement campaign of 1946 in Novosibirsk Region. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik: 2013*. Irkutsk, 2013, pp. 57–65. (In Russ.)

14. *Kyshpanakov V.A.* The population of Khakasia. 1917–1990s. Abakan, 1995, 347 p. (In Russ.)

15. *Leontiev E.V.* Rural population of Khakasia in the postwar years (1946–1948). *Agrarnoe i demograficheskoe razvitie Sibiri v kontekste rossiiskoy i mirovoy istorii. XVI–XX vv.: tezisy dokladov i soobshcheniy Vserossiiskoy nauchnoy konferentsii.* Novosibirsk, 1999, pp. 180–181. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 01.02.2018

DOI: 10.15372/HSS20180117
УДК 94(57) ″1850/1900″

Н.П. МАТХАНОВА

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЛАСТИ В ЗАПИСКАХ СИБИРСКИХ КАЗАКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск. ул. Николаева, 8

В статье рассматриваются обобщенный образ «начальства» и характеристики чиновников и офицеров, имеющиеся в дневниках и воспоминаниях трех казаков – уроженцев Сибири А.П. Казина, П.В. Белокопытова и Р.К. Богданова. В этих мемуарах отражено мнение не только авторов, но и среды, к которой они принадлежали. Выявлены факторы, влиявшие на содержание изучаемых образов. Участие в военных действиях выводило на первый план боевые качества командиров, казаки-забайкальцы высоко ценили знание хозяйства, чем и обусловлено их неприязненное отношение к «чужим» – армейским офицерам из приезжих. У ближайших командиров отмечалась забота о жизни и безопасности подчиненных, их быте и имуществе, у высокопоставленных деятелей – доступность, умелое руководство регионом, покровительство рядовым казакам. При уважительном отношении к отдельным начальникам и преданности монарху в рассмотренных сочинениях представлена скорее негативная общая характеристика власти. Важную роль играли личностные качества представителей власти, перемена собственного статуса мемуаристов и изменения в общественно-политической ситуации, коммуникативные практики начальства, умение находить общий язык с подчиненными.

Ключевые слова: история казачества, мемуары, освоение Приамурья, представления о власти.

N.P. MATKHANOVA

AUTHORITIES IN SIBERIAN COSSACKS NOTES IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, A. Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article analyzes a unified image of “chiefs” and characteristics of public officials and officers described in diaries and memoirs of three Cossacks, who were born in Siberia: P.V. Belokopytov, R.K. Bogdanov, A.P. Kazin. The memoirs reflect not only individual opinions of the authors, but also point of view of their social community. The author defines factors influencing the features of these images. Participation in military operations put to the forefront the martial qualities of the officers, the Transbaikalian Cossacks highly appreciated the knowledge of lifestyle, which caused a disfavor towards “strangers” – officers who came from other regions. The direct authorities showed much care about their subordinates lives and safety, lifestyle and property. The high-ranking officials showed accessibility, skilful region management, patronage for the common Cossacks. Taking into account the respect to the particular chiefs and loyalty to the monarch, the memoirs analyzed overall authorities’ characteristics, which were mostly negative. Individual peculiarities of these public officials, changes in memoirs authors’ status and social-political environment, chiefs’ communicative practices and ability to get on with subordinates played very important role.

Key words: Cossacks history, memoirs, Amur region development, authorities’ image.

Казаки были заметной составной частью населения Сибири, их история не раз становилась предметом изучения (см., напр.: [1, 2, 3, 4, 5, 6]), но все еще слабо освещены их представления о власти. В статье рассматриваются обобщенный образ «начальства» и образы чиновников и офицеров, представленные в дневниках и воспоминаниях трех авторов. Имеется в виду не художественный и не визуальный образ, а «своеобразие восприятия отдельными

*Исследование подготовлено в рамках гранта РГНФ и Администрации Новосибирской области, № 16-11-54001.

Наталья Петровна Матханова – д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: istochnik_history@mail.ru.
Natalya P. Matkhanova – Doctor of Historical Sciences, Institute of History SB RAS.

© Матханова Н.П., 2018

индивидами или группами тех или иных властных институтов», влиявшее на отношение к данным структурам [7, с. 16]. Все мемуаристы – уроженцы Сибири, «природные казаки»: есаул Сибирского казачьего войска А.П. Казин, писарь и младший урядник, а затем зауряд-сотник Забайкальского казачьего войска П.В. Белокопытов и казак этого же войска, ставший затем станичным атаманом Амурского казачьего войска, Р.К. Богданов. Они участвовали в крупных исторических событиях – присоединении и освоении Приамурья (Белокопытов и Богданов), завоевании Средней Азии (Казин). Об этих событиях повествуется в созданных ими текстах: «Из воспоминаний старого есаула» и «Воспоминания старого есаула Сиб[ирского] каз[ачьего] 1 Ермака Тимоф[еевича] полка» А.П. Казина, «Воспоминания амурского казака о прошлом» Р.К. Богданова, «Дневник» П.В. Белокопытова (подробнее о них см.: [8, с. 8–15, 9, 10, с. 312–315]).

Казин отмечает «небрежное отношение, невнимание, скупость», ошибочную кадровую политику «войскового начальства» [9, с. 32]. Еще хуже выглядят интендантские чиновники – недоброжелательные, стремящиеся к личной наживе, использующие «даровой казацкий труд»[1]. Описывая переселение на Амур в 1857–1858 гг. и жизнь в только что основанных станицах, Белокопытов употребляет при характеристике властей слова «деспотизм» и «произвол»: «Странное дело: загнали на Амур, дали в жертву каким-то деспотам и эгоистам, не имеющим человеческой души, не знающим никакого хозяйства, – что еще после этого может быть хорошего?»; «Боже мой, как мало думают у нас о человеке»; «Ужасно надоел мне здешний деспотизм» [11, с. 39, 40, 45]. И в мемуарах Богданова представлен отрицательный образ «военного начальства» – оно «было очень злое; только и было слышно, что порют розгами и бьют палками» [12, с. 189].

Мемуаристы передают характерное для казаков неприязненное отношение к «чужим» – армейским офицерам, преимущественно приезжим. При этом у Казина предпочтение своих чужим отступает перед авторитетом умелых, храбрых и талантливых командиров. Более того, в записках в карикатурном виде представлен образ полковника С.А. Елгаштина, фигурирующего под именем Елдакова [9]. Но и он передает отрицательное мнение казаков о генерале Д.И. Романовском – из офицеров Генерального штаба, и утверждает, вопреки официальной версии, что тому незаслуженно достались «громкое дело и слава» [9, с. 29–30].

Важной характеристикой, подчеркивающей авторитет командира, является указание – «кавказский герой» (о Н.Н. Головачеве и А.В. Пистолькорсе)[2]. С восторгом и преклонением пишет Казин о М.Д. Скобелеве: «неугомонный и неутомимый», с которым «приходилось таки частенько совершать чуть не двойные переходы» в поисках «неприятеля, о котором уж очень скучал Михаил Дмитриевич», «только начинавший распускать и расправлять крылья молодого орла!»[3]. Восхищают его «славные и геройские дела… с сибирскими казаками» [9, с. 32].

Казаки-забайкальцы критикуют офицеров из приезжих прежде всего за неподготовленность к управлению в хозяйственной сфере, незнание ими местных особенностей. Белокопытов приходит к выводу: «Мне кажется, если бы начальство не вмешивалось в хозяйство казаков и их работы, то дела пошли бы скорее, с большей охотой принимались бы за них и все прочнее бы делалось» [11, с. 40]. Богданов полагал, что казаки могли бы сочетать службу (даже изматывающую почтовую) и хозяйство, но мешали «сумасбродство и неопытность сотенных командиров, которыми… назначались люди молодые, почти со школьной скамьи, неопытные, а если и в зрелом возрасте, то имели склонность к водке» [12, с. 68–71]. К тому же «приехали все фронтовики, хозяйства не понимали» [10, с. 189].

Белокопытова потрясла неосведомленность офицеров, направлявшихся на театр военных действий Русско-японской войны 1904–1905 гг. Они «совершенно не знают, какие народы заселяют Забайкалье… На вопрос мой: “Ужели они никогда не читали о Забайкалье, ведь Сибирь слилась с Россией уже несколько веков прошло?” – они не ответили. На второй вопрос: “Знают ли японцев и вообще имеют ли понятие о Ман[ьч]журии, где им предстоит воевать?” – оказалось тоже очень мало осведомлены» [11, с. 138].

На образ власти и ее отдельных представителей влияли различные факторы. Казин, участвовавший в военных действиях, выводил на первый план боевые, а не хозяйственные качества командиров, подчеркивая профессиональные достоинства – храбрость, стратегический расчет и тактические уловки. Белокопытов и Богданов стали менее суровы в своих оценках после того, как миновали первые, самые трудные годы переселения на Амур. Став офицером, Белокопытов начал не так критически отзываться о начальстве, хотя оказался более требователен к их коммуникативным практикам. Объясняя свой конфликт с командиром, он пишет: «Я не мог выносить, как он оскорблял и теперь еще оскорбляет грубейшим образом товарищей офицеров» [11, с. 76–77].

После выхода в отставку казаки еще выше стали ценить распорядительность и хозяйственность своих начальников, их заботу об имуществе подчиненных. Богданов обвиняет командующего полком в том, что во время страшного наводнения 1872 г. тот в первую очередь спасал свое, а не общественное и не казенное имущество, не организовал работы и даже сам был постоянно пьян и поил казаков [10, с. 227, 230]. Напротив, энергия, «бескорыстные, правильные и умные распоряжения» военного губернатора И.К. Педашенко и командира бригады И.Ф. Петрова спасли голодавших [10, с. 240].

К начальству разного ранга предъявлялись разные требования. У ближайших командиров особо отмечались забота о жизни и безопасности подчиненных, их быте, имуществе[4]. Для Казина М.Д. Скобелев – не только «герой, слава отчизны», но и «отец маленьких людей» [9, с. 32]. У высокопоставленных деятелей администрации –

[1] Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 366. Оп.1. Д. 405. *Казин А.П.* Из воспоминаний старого есаула. Л. 19.

[2] ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 405. *Казин А.П.* Из воспоминаний старого есаула. Л. 13, 16.

[3] Там же. Л. 19, 22.

[4] Там же. Л. 13.

демократизм, забота о подчиненных, умелое руководство регионом, преданность монарху, «справедливый взгляд на сибиряков» (Казин о генерал-губернаторе К.П. фон Кауфмане)[5]. В записках Богданова подробно и эмоционально обрисован образ генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского. Подчеркиваются его энергичность, неутомимость, трудолюбие, доступность для простых казаков: «генерал-губернатор сам выходил к казакам, беседовал со многими, расспрашивал о их быте. Раньше ничего подобного не бывало» [12, с. 189]; «любезно здоровался с солдатами, нередко на ночлегах разделял с ними скудную их трапезу, ел и хвалил плесневые ржаные сухари» [12, с. 190]. Богданов поддерживает уже сложившуюся легенду: «Генерал для солдат был другом, кроме ласки к ним, я никогда ничего не слыхал, зато офицеров, наипаче своей свиты, он почти терпеть не мог и не пропускал без замечаний самых простых упущений, требовал от каждого энергии и благоразумия» [12, с. 190]. Образ получает развитие: «Проводивши графа Муравьева-Амурского, жители лишились отца и покровителя. С его отъездом генерал-губернаторская власть сделалась для черного люда далека и неприступна» [12, с. 198]. Модель поведения Муравьева становится для Богданова эталоном, с которым сверяются другие. Так, критикуя преемников этого выдающегося деятеля, он замечает, что только с вступлением на должность амурского губернатора И.К. Педашенко «высшее начальство стало ездить чаще и присмотр как за распорядителями, так и за казаками сделался правильнее. Казаки почувствовали себя людьми и опять принялись за свое хозяйство» [13, с. 76]. Одобрительный отзыв о генерал-губернаторе А.Н. Корфе основан на том, что тот «не оставил, кажется, ни одного местечка, которое он не посмотрел бы сам лично» [12, с. 199].

В мемуарах представлены конкретные образы отдельных начальников: один «ужасно суетлив», «не дает ни минуты покоя», «рабочим людям не дает отдыха» [11, с. 38], другой – вообще «человек с сердцем тигра», который «оскорблял, как только мог придумать его изобретательный ум» [11, с. 39]. Есть и хорошие офицеры – заботливые, добрые, распорядительные, но о них упоминается мельком и коротко. Р.К. Богданов высоко ценит офицеров, способных меняться, прислушиваться к мнению казаков. Он хвалит Г.Ф. Черняева (из приезжих армейских офицеров), хотя тот причинил немало неприятностей самому мемуаристу и его отцу. Черняев, «как человек благоразумный, не гнушался советами людей ниже его поставленных», учился у урядника – полкового писаря», слушал и верил всем его советам» и через год «показал себя опытным хозяином» [13, с. 58–59]. В действиях И.К. Педашенко особо положительно отмечается тот факт, что он понял необходимость «иметь сотенных командиров из казачьей среды» [13, с. 76].

При уважительном отношении к отдельным начальникам, при бесспорной преданности монарху в рассмотренных сочинениях казаков представлена скорее негативная общая характеристика власти. В них отражено мнение не только авторов, но и среды, к которой они принадлежали. Среди факторов, влиявших на содержание образов начальства, важную роль играли личностные качества представителей власти, перемена собственного статуса мемуаристов и изменения в общественно-политической ситуации, коммуникативные практики начальства, умение находить общий язык с подчиненными.

[5] ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 405. *Казин А.П.* Из воспоминаний старого есаула. Л. 10, 24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев С.М.* Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие (1808–1917 гг.). Омск, 2006. 258 с.

2. *Быконя Г.Ф.* Казачество и другое служилое население Восточной Сибири в XVIII–XIX веках (демографо-сословный аспект). Красноярск, 2007. 416 с.

3. *Ермак Г.Г.* Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России. Вторая половина XIX – начало XX века. Владивосток, 2004. 171 с.

4. История казачества Азиатской России: в 3 т. / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 1995. Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. 252 с.

5. *Недбай Ю.Г.* История Сибирского казачьего войска (1725–1861 гг.): в 3 т. Омск, 2004. Т. 3. 1846–1861. 391 с.

6. *Сергеев О.И.* Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М., 1983. 127 с.

7. *Бессмертный Ю.Л.* Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. 1995. М., 1995. С. 7–17.

8. *Матханова Н.П.* Введение // Записки забайкальских казаков XIX века: П.В. Белокопытов. Дневник. Ю.В. Раевский. Путевые записки: Серия «История Сибири. Первоисточники». Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2016. Вып. XV. С. 5–25.

9. *Матханова Н.П.* Записки есаула Сибирского казачьего войска А.П. Казина // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 3. С. 28–33.

10. *Богданов Р.К.* Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 год [Фрагменты] // Мемуары сибиряков. XIX век / Сост., предисл., коммент., публ. Н.П. Матхановой: Серия «История Сибири. Первоисточники». Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 223–242, 312–318.

11. *Белокопытов П.В.* Дневник // Записки забайкальских казаков XIX века / изд. подг. Н.П. Матхановой: Серия «История Сибири. Первоисточники». Новосибирск, 2016. Вып. XV. С. 25–149.

12. *Богданов Р.К.* Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 год [Фрагменты] // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников / автор-составитель Н.П. Матханова: Серия «История Сибири. Первоисточники». Новосибирск, 1998. Вып. VIII. 412 с. С. 188–199.

13. *Богданов Р.К.* Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 год // Записки Приамурск. отд. ИРГО. Хабаровск, 1900. Т. V, вып. III. 109 с.

REFERENCES

1. *Andreev S.M.* Siberian Cossack army: origin, establishment, development (1808–1917). Omsk, 2006, 258 p. (In Russ.)

2. *Bykonya G.F.* The Cossacks and other servicemen in East Siberia in the XVIII–XIX centuries (a demographic-class aspect). Krasnoyarsk, 2007, 416 p. (In Russ.)

3. *Yermack G.G.* Family and lifestyle of the Cossacks in southern Far East of Russia. Vladivostok, 2004, 171 p. (In Russ.)

4. The Cossacks history of Asiatic Russia: in 3 vols. Ed. V.V. Alekseev. Yekaterinburg, 1995, vol. 2: Second half of the XIX – early XX centuries, 252 p. (In Russ.).

5. *Nedbay Yu.G.* The Siberian Cossack Army history: in 3 bks. Omsk, 2004, bk. 3. 1846–1871, 397 p. (In Russ.)

6. *Sergeev O.I.* The Cossacks at the Russian Far East in the XVII–XIX centuries. Moscow, 1983, 127 p. (In Russ.)

7. *Bessmertnyy Yu.L.* Some considerations on studying the power phenomenon and the concepts of postmodernism and microhistory. *Odissey. Chelovek v istorii. 1995*. Moscow, 1995, pp. 7–17. (In Russ.)

8. *Matkhanova N.P.* Introduction. *Zapiski zabaikal'skikh kozakov XIX veka: P.V. Belokopytov. Diary. Yu.V. Raevskiy. Putevye zapiski*. Novosibirsk, 2016, pp. 5–25. (In Russ.)

9. *Matkhanova N.P.* Memories of A.P. Kazin – an esaul of the Siberian Cossack Army. *Gumanitanye nauki v Sibiri*, 2015, no. 3, pp. 28–33. (In Russ.)

10. *Bogdanov R.K.* Memories of the Amur Cossack about the past since 1849 to 1880 [fragments]. *Memuary Sibiryakov. XIX vek.* Novosibirsk, 2003, pp. 223–242, 312–318. (In Russ.)

11. *Belokopytov P.V.* Diary. *Zapiski zabaikal'skikh kozakov XIX veka: P.V. Belokopytov. Diary. Yu.V. Raevskiy. Putevye zapiski*. Novosibirsk, 2016, pp. 25–149. (In Russ.)

12. *Bogdanov R.K.* Memories of the Amur Cossack about the past since 1849 to 1880 [fragments]. *Graf N.N. Muravyev-Amurskii v vospominaniyakh sovremennikov.* Novosibirsk, 1998, pp. 188–199. (In Russ.)

13. *Bogdanov R.K.* Memories of the Amur Cossack about the past since 1849 to 1880. *Zapiski Priamurskogo otdela IRGO*, 1900, vol. 5, no. 3, 109 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.01.2018

DOI: 10.15372/HSS20180118

«БЕЛАЯ» СИБИРЬ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ, ИЛИ ПОКУШЕНИЕ НА ИСТОРИЮ

***Рецензия на кн.:* Кокоулин В.Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.). Новосибирск: Офсет-ТМ, 2017. 528 с.**

Сама мысль откликнуться на новую публикацию доктора исторических наук В.Г. Кокоулина была обусловлена тем, что современная российская историография давно нуждается в объективной оценке истории «белой» Сибири, тем более через призму борьбы политических партий, и потому рецензируемая книга должна была стать событием научной жизни. Однако, к сожалению, по мере прочтения текста ожидания сменились разочарованием, на смену которому пришло сначала недоумение, а потом и откровенное возмущение. В результате стала понятна та жесткая, а зачастую нелицеприятная критика[1], которой подверглись предшествующие сочинения автора, опубликованные в 2010–2016 гг. [2]

Проблемы данной книги начинаются с историографического введения, которое имеет иллюстративный характер. В частности, первый этап российской историографии представлен в ней лишь констатацией известных фактов и набором цитат из дневников и воспоминаний «белых» и первого публицистического опыта «красных», от авторов которых В.Г. Кокоулин требует невозможного: анализа социально-политических процессов в Сибири и причин поражения «белого лагеря»[3]. Между тем это непосредственная задача автора исследования, который на основании анализа имеющейся литературы просто обязан был выявить болевые точки и указать основные направления научного поиска.

Любопытно, что историографию 1930-х гг. В.Г. Кокоулин представляет себе как набор «социологических и идеологических схем», призванных лишь «иллюстрировать те или иные положения теории классовой борьбы»[4], видимо, полагая собственный опыт историографии аналитическим.

Еще хуже дело обстоит с характеристикой историографии 1950–1980-х гг. В.Г. Кокоулин, ссылаясь на ее обширность и не объясняя методики выборки, буквально выхватывает несколько публикаций из историографического потока лишь с целью заклеймить своих предшественников. Так, оригинальным исследованиям, принадлежащим профессору Ю.В. Журову, автор посвятил четыре страницы своей книги[5] лишь ради того, чтобы продекларировать подчиненность его сочинений определенной «идеологической схеме»[6]. При этом монографии профессоров В.А. Кадейкина и М.Е. Плотниковой[7], давно ставшие классическими, приведены им только как подпорка под эту декларацию[8].

Талантливо написанная книга профессора Г.З. Иоффе, основанная на уникальных источниках и отличающаяся глубиной проникновения в политическую ткань событий[9], подверглась огульной критике за «идеологические штампы» и за то, что искажает «реальную картину»[10]. Конечно, советская историография имела свои, сегодня хорошо известные всем недостатки, а советские историки писали так, как можно было писать в тех объективных условиях. Но это нисколько не умаляет ее достоинств и значения. Оценивать советскую историографию следует не с точки зрения наших сегодняшних знаний, а с позиций того, что она дала нового по сравнению со своими предшественниками. Стремление В.Г. Кокоулина броситься на амбразуру, зная, что там нет пулемета, мягко говоря, неэтично.

Не обошел В.Г. Кокоулин своим «вниманием» и публикации коллег, вышедшие в постсоветское время. Под огонь

---

[1] *Ларьков Н.С.* Количество без качества, или Снова «в кроссовках по истории»: рец. на кн.: Кокоулин В.Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май – ноябрь 1918 г.). Новосибирск, 2014. 548 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 125–128; *Суслов А.Ю.* Рец. на кн.: Кокоулин В.Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май – ноябрь 1918 г.). Новосибирск: Общевойсковая академия вооруженных сил Российской Федерации, 2014. 548 с. // Историческая экспертиза. 2015. № 4 (5). С. 98–104; *Журавлев В.В., Рынков В.М., Симонов Д.Г.* За пределами науки: по страницам имитационной историографии // Российская история. 2016. № 6. С. 229–234; *Кожевин В.Л.* Омск революционный в формате новейшего историописания // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4 (16). С. 213–218.

[2] *Кокоулин В.Г.* Новониколаевск в годы революции, гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск: Офсет, 2010. 324 с.; *Кокоулин В.Г.* Томск в годы революции и гражданской войны (февраль 1917 – декабрь 1919 г.). Новосибирск: Сибирь–Наука XXI век, 2012. 312 с.; *Кокоулин В.Г.* Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск: Офсет, 2013. 456 с.; *Кокоулин В.Г.* Демократическая контрреволюция: Сибирь. Поволжье. Урал (май – ноябрь 1918 г.). Новосибирск: Общевойсковая академия вооруженных сил Российской Федерации, 2014. 548 с.; *Кокоулин В.Г.* Омск в годы революций: власть, политическая борьба и повседневная жизнь (февраль 1917 – май 1918 г.). Новосибирск: Офсет-ТМ, 2016. 404 с.

[3] *Кокоулин В.Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп… С. 4.

[4] Там же. С. 11.

[5] Там же. С. 11–15.

[6] Там же. С. 13.

[7] *Кадейкин В.А.* Сибирь непокоренная: Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны. Кемерово: Кн. изд-во, 1968. 558 с.; *Плотникова М.Е.* Современная советская историография большевистского подполья и партизанского движения в Сибири // Из истории интервенции и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922. Новосибирск, 1985. С. 41–57.

[8] *Кокоулин В.Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп… С. 14.

[9] *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983. 296 с.

[10] *Кокоулин В.Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп… С. 20.

его критики попала лучшая на сегодняшний день монография об А.В. Колчаке, выдержавшая уже несколько изданий, написанная талантливым ученым, бывшим ведущим сотрудником Института российской истории П.Н. Зыряновым[11]. По мнению В.Г. Кокоулина, в выводах П.Н. Зырянова «причудливо перемешены полуправда и недоговоренность», а в итоге «вместо биографии Колчака в социально-политическом контексте Гражданской войны автор воспроизвел его упрощенный портрет, созданный еще эмигрантскими публицистами»[12].

В.В. Журавлева, Л.В. Некрасову и В.М. Рынкова, чьи статьи посвящены деятельности органов государственного управления «белой» власти, В.Г. Кокоулин обвинил в том, что они «анализировали не процессы, протекавшие в исторической реальности, а только бумаготворчество бюрократических структур»[13], Д.Г. Симонова – автора капитальной монографии о «белой» Сибирской армии в 1918 г.[14] – в отсутствии «анализа социально-классового состава армии и ее лозунгов»[15]. Как-то странно читать, что у армии были лозунги!

Но особой «любовью» пронизаны строки, посвященные публикациям профессора В.И. Шишкина, чьи статьи, освещающие историю сибирских эсеровских организаций в период колчаковщины[16], автор назвал статьями-близнецами[17], хотя на самом деле в них поставлены и успешно решены совершенно разные исследовательские задачи. При этом заметим, что одна из статей прошла экспертизу Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», возглавляемого академиком АН СССР И.И. Минцем.

Наконец, совсем «неспортивно» выглядит попытка автора противопоставить результаты научной деятельности В.И. Шишкина «и его последователей», которым, по мнению В.Г. Кокоулина, «не удалось создать серьезных обобщающих работ с основательным анализом колчаковского периода Гражданской войны, ограничиваясь статьями и тезисами докладов, а также пухлыми сборниками всевозможных документов того периода, подобранных по формальным критериям»[18], работам двух других специалистов по истории гражданской войны – А.В. Добровольского и М.В. Шиловского. Противопоставляя названных историков, В.Г. Кокоулин походя высказал свое отношение к документальному наследию, которое и делает историю подлинной наукой. Занимаясь в течение многих лет подготовкой и изданием документов бурятских степных дум, смеем утверждать, что труд археографа – неимоверно тяжелый, востребованный и необходимый. Что же касается пренебрежительного отношения к «пухлым сборникам всевозможных документов», оно для профессионального историка недопустимо.

Вызывает недоумение еще одна историографическая «находка» В.Г. Кокоулина, продемонстрированная им в конце историографического введения. Сетуя на то, что «сегодня просто невозможно перечислить всех тех, кто писал о Гражданской войне», он не удосужился назвать хотя бы монографические сочинения и поднятые в них проблемы, а лишь бегло упомянул два десятка фамилий коллег, «без чьей исследовательской работы было бы невозможно начинать создавать обобщающую работу по истории политической борьбы в Сибири в годы Гражданской войны» [19].

Среди весьма достойных имен мы увидели и фамилию одного из авторов настоящей рецензии. Это тем более удивительно, что еще в своей первой книге В.Г. Кокоулин сетовал на то, что после 1991 г. ряд историков «поднимают на щит адмирала А.В. Колчака, атамана Г.М. Семенова, барона Р.Ф. Унгерна, генерала М.К. Дитерихса», персонально удостоив Л.В. Кураса звания «апологета атамана Семенова»[20]. Следует отметить, что в рецензии на упомянутую книгу В.Г. Кокоулина профессора Кемеровского государственного университета С.П. Звягин и С.В. Макарчук еще десять лет назад обратили внимание на незнание В.Г. Кокоулиным трудов предшественников, на его склонность к навешиванию ярлыков, а также на то, что «автор излишне политизирует и идеологизирует научные споры, развернувшиеся вокруг оценки основных фигур белого движения»[21].

Лелея в себе и гипертрофируя обиды прошлых лет, В.Г. Кокоулин, по сути, превратил историографию в орудие для бичевания предшественников. В результате в рецензируемой книге историографический раздел введения не имеет отношения к основному тексту и не является его органической частью, вводящей читателя в тематику исследования. В ней не указаны достижения и недостатки советской и современной российской историографии, отсутствует даже упоминание публикаций зарубежных коллег, не выделены болевые точки, а главное – нет указания на направления и проблемы, которые являются менее изученными и наиболее важными для современного российского общества и отвечают на вызовы современности.

---

[11] *Зырянов П.Н.* Адмирал Колчак, верховный правитель России. М.: Молодая гвардия, 2006. 637 с.

[12] *Кокоулин В.Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп… С. 33.

[13] Там же. С. 31.

[14] *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т., 2010. 612 с.

[15] *Кокоулин В.Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп… С. 36.

[16] *Шишкин В.И.* Сибирские эсеры и колчаковщина (конец 1918 – начало 1920 г.) // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями: материалы конференции / Под общ. ред. И.И. Минца. М.: Науч. совет АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», 1983. С. 98–110; *Шишкин В.И.* Политические позиции сибирских эсеров в период колчаковщины // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. Новосибирск, 1984. № 14. Вып. 3. С. 8–14.

[17] *Кокоулин В.Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп… С. 17.

[18] Там же. С. 24.

[19] Там же. С. 28.

[20] *Кокоулин В.Г.* Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922). Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. С. 8, 257.

[21] *Звягин С.П., Макарчук С.В.* Политические партии и власть в период социальных катаклизмов: Рец. на монографию и докторскую диссертацию В.Г. Кокоулина [Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922). Новосибирск, 2002. 292 с.] // Сибирь в период гражданской войны: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 6–7 февраля 2007 г.). Кемерово, 2007. С. 116–119.

В предыдущих рецензиях на книги В.Г. Кокоулина уже отмечалось, что в них отсутствует такой компонент любой научной монографии, как характеристика источников, а вся работа с источниками сводится к цитированию или пересказу тех или иных сведений из них, близких по тематике или хронологии. Аналогичным образом автор поступил и в данной книге. Он лишь использует прямое цитирование или пространное изложение текстов, заимствованных из газет, воспоминаний или архивных источников, которым предшествуют разного рода слова-связки, типа «аргументировал(а)», «вспоминал(а)», «заявил(а)», «комментировал(а)», «констатировал(а)», «объяснял(а)», «отмечал(а)», «писал(а)», «разъяснял(а)», «рассказывал(а)» и т.п.

Структура рецензируемой книги и, следовательно, ее основное содержание не раскрывают тему исследования. Продекларировав в названии книги борьбу политических партий с ноября 1918 г. по декабрь 1919 г. как предмет изучения, В.Г. Кокоулин лишь в трех параграфах из шестнадцати обращается к названной теме. Остальные тринадцать параграфов не имеют отношения к борьбе политических партий.

Однако и эти три параграфа можно считать только условно соответствующими тематике книги. Возьмем для примера третий параграф первой главы, который называется «Политические партии и блоки». В нем анализ стратегии и тактики партийных организаций и их практической деятельности в условиях «белой» Сибири подменен многочисленными и пространными цитатами из архивных документов и газет, в которых содержатся сведения совершенно о других вопросах: о деятельности военно-промышленного и биржевого комитетов в Петропавловске, Совета временной комиссии торгово-промышленной организации Омска, об укреплении еврейского капитала, о Барнаульской и Иркутской городских думах и т. п.

На этом фоне автор приводит отрывочные сведения о состоянии отдельных организаций эсеров, меньшевиков и трудовиков, о Всесибирской организации еврейских общин и их реакции на колчаковский переворот. Причем все эти разрозненные организации вкупе квалифицируются им как «политическая система»[22], а мелкобуржуазные партии названы «системной оппозицией»[23]. Высказанные В.Г. Кокоулиным суждения являются образцом мифотворчества, ибо такая система могла быть создана только на единой нормативной основе и функционировать как совокупность взаимодействующих политических партий.

Во втором параграфе второй главы, которая названа «Правящая партия и оппозиция», кадеты безоговорочно именуются «правящей партией»[24]. На наш взгляд, в данном случае В.Г. Кокоулин продемонстрировал непонимание того, что такое система власти. Та или иная политическая партия может считаться правящей лишь в условиях парламентской республики при наличии соответствующей избирательной системы. В условиях же Сибири ноября 1918 – декабря 1919 г. существовал классический образец военной диктатуры, при которой кадетская партия представляла собой не более чем антураж и инструмент в руках диктатора. Об этом достаточно красноречиво говорит обращение самого А.В. Колчака к III конференции партии народной свободы (Омск, 15 – 22 мая 1919 г.), приведенное в рецензируемой книге: «Верю, что партия народной свободы <…> и впредь будет неустанно содействовать мне в работе моей…»[25].

Вызывает возражение попытка В.Г. Кокоулина представить сибирских монархистов как антипод кадетов. В действительности их программные установки и деятельность, по нашему мнению, вполне соответствовали задачам поддержания и укрепления военной диктатуры и в случае реставрации монархии способствовали бы ее легитимации.

Следует отметить тот факт, что в этом параграфе присутствует разрозненный эмпирический материал, характеризующий политическую деятельность сибирских эсеров, меньшевиков, народных социалистов, областников. Значительное внимание автор уделил и партии большевиков в условиях колчаковщины[26]. В книге имеется также глухое упоминание о связи большевиков Иркутска с наступавшей Красной армией и партизанским движением[27]. Однако В.Г. Кокоулин голословно утверждает: «О деятельности местных большевистских организаций имеются весьма скудные сведения»[28].

Между тем библиография по этой проблеме настолько обширна, что заняла бы не одну страницу текста[29]. Свидетельство тому – наличие хорошо фундированных историографических работ сибирских ученых[30]. В.Г. Кокоулин, развивая свое мнение, идет еще дальше и выдвигает свою версию: «Видеть в партизанском движении организующую роль большевиков-подпольщиков или пролетариата нет никаких оснований»[31].

Исходя из такого контекста и его трактовки В.Г. Кокоулиным совершенно непонятными становятся победа партизан на Алтае и поражение белых в Енисейской губернии. Получается, что они произошли как бы сами по себе: никто ничего не организовывал, не возглавлял, не вооружал, не руководил, не разрабатывал операции, не координировал эти

[22] *Кокоулин В.Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп… С. 134.

[23] Там же. С. 108, 238.

[24] Там же. С. 233.

[25] Там же. 235–236.

[26] Там же. С. 251–262.

[27] Там же. С. 438.

[28] Там же. С. 251.

[29] *Кадейкин В.А.* Сибирь непокоренная: большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу…; *Плотников И.Ф.* Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск: Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) в 1918–1920 гг. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 336 с.; и др.

[30] *Шиндин А.М.* Историография Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы Гражданской войны в Сибири // Установление и упрочение Советской власти в Сибири. Вып. 102. Новосибирск: НГПИ, 1974. 61 с.; *Шишкин В.И.* Современная советская историография иностранной военной интервенции и гражданской войны в Сибири: дискуссионные проблемы // Из истории интервенции и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922. Сборник статей / Отв. ред. Ю.И. Кораблев, В.И. Шишкин. Новосибирск: Наука 1985. С. 20–41; *Плотникова М.Е.* Современная советская историография большевистского подполья…; и др.

[31] *Кокоулин В.Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп… С. 195.

операции с наступавшими частями Красной армии, не восстанавливал Совдепы.

По мнению В.Г. Кокоулина, организованные политические силы и различные блоки объявились только в Иркутске где-то в конце лета 1919 г. Причем инициаторами и главными акторами всех политических событий являлись эсеры. Что касается большевиков, то они лишь воспользовались успехами последних[32].

Вызывают удивление подход и трактовка В.Г. Кокоулиным национального вопроса[33]. Во-первых, по непонятной причине главное внимание в соответствующем параграфе книги он уделил Башкирии, которая не входила в состав Сибири. Во-вторых, проигнорировал огромный пласт исследовательской литературы, посвященной национальной проблематике в Сибири в целом и в ее крупнейших регионах. Назовем только капитальные монографии таких известных специалистов, как И.В. Нам[34] и В.И. Федоров[35]. В-третьих, национальное движение башкир, кайсак-киргизов, тюрко-татар Сибири В.Г. Кокоулин рассматривает не через призму программ политических партий, а лишь с точки зрения возможности получения ими национальной автономии и отношения к этому движению колчаковского режима. При этом автор рецензируемой книги проигнорировал деятельность Бурнацкома–Бурнардумы, которые сыграли роль фундамента при создании национальной государственности бурят[36]. Как известно, в дальнейшем лидеры этих общественно-политических структур стояли у истоков монгольской государственности[37].

Вообще, восточный вектор «белой» Сибири и его проводник атаман Г.М. Семенов, сделавший ставку на панмонголизм, совершенно выпали из поля зрения В.Г. Кокоулина. Нельзя забывать о том, что этот вопрос был предметом постоянного внимания со стороны руководства РКП(б) и Коминтерна[38]. Следует отметить, что для В.Г. Кокоулина «белая» Сибирь на востоке по непонятным причинам завершается Иркутском, а далее – terra incognita. Между тем после поражения Верховного правителя, адмирала А.В. Колчака и вплоть до ноября 1920 г. именно Забайкалье оставалось оплотом «белого» движения в Сибири.

Впрочем, две попытки выхода за пределы искусственно ограниченных территориальных рамок в книге прослеживаются. Одна из них связана с миротворческой поездкой делегации во главе с генералом Г.Е. Катанаевым в Читу с целью примирения адмирала А.В. Колчака и Г.М. Семенова[39]. Правда, говоря о результатах этой поездки, автор почему-то ссылается на дневник В.Н. Пепеляева, тогда как эта поездка освещена в дневнике самого Г.Е. Катанаева и в его обширных воспоминаниях, опубликованных более десяти лет тому назад[40].

Кстати, в книге В.Г. Кокоулина атаман Г.М. Семенов представлен как марионетка японских оккупационных войск. Между тем забайкальский атаман был вполне самостоятельной политической фигурой, классическим носителем феномена атаманщины как синонима сепаратизма. Просто политика Японии в рассматриваемый период вполне отвечала интересам самого Г.М. Семенова[41]. В последующем, уже находясь в эмиграции, забайкальский атаман с горечью вспоминал о том, что́ ему так и не удалось воплотить в годы гражданской войны: создать при помощи Японии «Забайкальское царство».

Отметим также, что Гражданская война в Сибири дала истории немало неординарных личностей. К их числу относится небезызвестный командир одного из сибирских партизанских отрядов Г.Ф. Рогов, по поводу которого в советской историографии сломано немало копий. В этой связи у автора рецензируемого сочинения имелась прекрасная возможность не клеймить предшественников, а показать свою эрудицию и высказать собственную позицию по данному вопросу. Но вместо этого он отделался лишь ничего не говорящей констатацией: «Отряд Рогова сыграл значительную роль в разгроме колчаковщины в Сибири, однако его последующие действия в событиях 1920 г. привели к тому, что в советской историографии за ним прочно закрепилась репутация анархиста»[42].

Следует особо подчеркнуть, что книга В.Г. Кокоулина базируется в основном на газетном материале рассматриваемого периода. И на первый взгляд это может показаться если не новым, то во всяком случае оригинальным подходом. Однако, к сожалению, ее содержание изобилует широким набором пространных газетных цитат, характеризующих второстепенные события, но при этом не содержащих сведений по ключевым политическим вопросам. Вполне естественно, что такого рода подход исключает возможность серьезного исторического анализа. Между тем все цитируемые автором газеты являлись не только рупором политических партий, но и богатым историческим источником. Квалифицированный анализ имеющихся в них материалов позволил бы объективно и убедительно охарактеризовать политические партии и группы, их стратегию и тактику, а также их отношение к происходящим событиям.

В заключении монографии В.Г. Кокоулин вспомнил работу В.И. Ленина «Лучше меньше, да лучше», в которой дана оценка общего ущерба, нанесенного советскому госу-

---

[32] *Кокоулин В.Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп… С. 466.

[33] Там же. С. 196–214.

[34] *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.

[35] *Федоров В.И.* Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919): в 2 кн. – 2-е изд. Новосибирск: Гео, 2013. 671 с.

[36] Национальное движение в Бурятии в 1917–1919 гг. Документы и материалы / сост. и науч. ред. Б.Б. Батуев. Улан-Удэ: Изд-во ОНЦ «Сибирь», 1994. 198 с.

[37] Элбек-Доржи Ринчино о Монголии. Избранные труды / сост., ред. Б.В. Базаров, Б.Д. Цыбиков, С.Б. Очиров. Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 1998. 260 с.

[38] Монголия в документах Коминтерна (1919–1934): в 2 ч. / науч. ред. Б.В. Базаров. Ч. I. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.; Ч. II. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 480 с.

[39] *Кокоулин В.Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп… С. 307–308.

[40] *Катанаев Г.Е.* На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. Новосибирск, 2005. 367 с.

[41] *Романов А.М.* Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2013. 324 с.

[42] *Кокоулин В.Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп… С. 292.

дарству в результате интервенции и Гражданской войны[43]. И вслед за В.И. Лениным он зачем-то предпринял крайне неубедительную попытку определить такой же ущерб для Сибири. Однако при этом В.Г. Кокоулин забыл сделать самое главное, ради чего, казалось бы, написана книга: он не сформулировал четко выводы по проделанной работе. Впрочем, таков, видимо, «фирменный» авторский стиль, о котором уже писали до нас. Не только введение, но и заключение не имеют никакого отношения к основному содержанию книги.

Если попытаться обобщенно оценить авторский «подход» В.Г. Кокоулина к изучению проблем Гражданской войны в целом и в «белой» Сибири в частности, то следует указать на тенденциозный историографический анализ и неуважительное отношение к работам предшественников, которые сопровождались навешиванием ярлыков на коллег по цеху, пренебрежительное отношение к документальному наследию, недостоверную реконструкцию исторических событий и мифотворчество вместо стремления докопаться до объективной истины. Если говорить коротко и другими словами, то речь идет не только о низкой персональной профессиональной культуре В.Г. Кокоулина как историка, но и о предпринятых им неоднократных попытках покушения на историю как науку. А это слишком серьезно и категорически недопустимо.

Академик РАН Б.В. Базаров,
д-р ист. наук Л.В. Курас,
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ

DOI: 10.15372/HSS20180119

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИК В ФОКУСЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ (РАЗМЫШЛЕНИЯ О НОВОЙ КНИГЕ Л.А. СИДОРОВОЙ)

Рецензия на кн.: **Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248 с. (Historia Russica)**

Появление новой монографии Л.А. Сидоровой – явление закономерное как для современной ситуации в российской исторической науке, особенно в контексте интеллектуальной истории, так и для основной линии творчества автора на протяжении более 20 лет. Феномен советской исторической науки и советского историка как ее актора в течение более чем трех последних десятилетий привлекает к себе повышенное внимание историографов. На смену обличительному пришел этап «понимающей» историографии, с пристальным вниманием к «трудам и дням» ее основных представителей, к персональным стратегиям поведения в научном сообществе и в большом социуме, индивидуальному видению конвенциональных методологических ориентиров и норм историописания, к специфике научного быта.

Известный историограф, перу которого принадлежат и статьи, и монографии, посвященные советской исторической науке, Л.А. Сидорова одной из первых подняла проблему преемственности трех поколений историков (представителей «старой школы», первого марксистского и послевоенного поколений) и выдвинула идею о синтезе к середине XX в. присущих им подходов к принципам объективного исторического исследования, приоритетов отношения к историческому источнику. Доказательство правомерности этой идеи содержится в ее монографии, вышедшей в 2008 г. (Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008. 294 с.). В этой книге автором был успешно применен генерационный подход, позволивший выявить трансформацию и особенности научного сообщества советских историков, специфику профессионализации в исторической науке.

Важно подчеркнуть, что уже тогда исследовательница убедилась, что политика и идеология не определяли столь жестко, как это казалось очевидным приверженцам тоталитарной концепции, деятельность советских историков и ее результаты. Когнитивные возможности генерационного подхода используются автором и в рецензируемой работе при постановке и решении уже новых исследовательских задач, но за щитом понятия «поколение» автор стремится увидеть индивидуальность. Согласимся с ее оценкой роли индивидуальности историка как хранителя и транслятора научных традиций, обеспечивающего синтез генераций в советской исторической науке и возможности формирования новых поколения историков. Именно это понимание стало для Л.А. Сидоровой основой для выдвижения на первый план при дальнейшем изучении особенностей советской исторической науки раскрытия духовного и научного облика историка в органическом единстве духовно-ментальных черт и практики его научной деятельности.

Автор во введении к новой книге значение заявленной стратегии и полученных результатов оценивает следующим образом: «Индивидуально-личностный подход дал возможность глубже понять мотивы исследовательской работы советских историков, показать их сложный и многообразный духовный и научный мир, опосредованно присутствовавший в их трудах» (с. 8). В фокусе авторского внимания – духовный и научный облик советских историков. Современные словари дают различные трактовки понятия «облик» – и как совокупность внутренних качеств чего-либо, кого-либо, и как совокупность признаков чего-либо. Такая неоднородность понятия задает различные горизонты ожидания.

[43] *Кокоулин В.Г.* Белая Сибирь: борьба политических партий и групп… С. 467.

Забегая вперед, добавим, что методологически принципиален для современного сообщества российских историков (еще более неоднородного и индивидуализированного) главный заключительный вывод Л.А. Сидоровой о третьем пути, выработанном советской исторической наукой и соединившем достижения русской классической историографии и научный потенциал марксистского подхода к изучению истории (с. 198). По мнению исследователя, именно он стал способом существования национальной корпорации историков. В конечном итоге, как мы полагаем, он привел уже в 1990-е гг. к убеждению в праве историка на выбор метода, проблемного поля и исследовательской модели.

Вернемся к структурным и содержательным новациям монографии. Основная часть книги состоит из двух непропорциональных по объему разделов: «Духовный облик» и «Научный облик». Диспропорция может быть частично объяснена прежним смещением исследовательских интересов историографов преимущественно к результатам научной деятельности советских историков. В первом из разделов (с. 11–132) дается характеристика духовного облика и социокультурных факторов, влияющих на его формирование. То есть, по существу, речь идет о совокупности внутренних качеств историка как творческой личности, деятельность которой разворачивается в многослойных контекстах культуры. Среди них вопросы религии, веры и нравственных основ жизни (с. 11–49; впервые именно в таком сочетании они присутствуют в данном историографическом исследовании). Подчеркнем, что автор делает оговорку относительно использования довольно-таки разрозненных свидетельств (обращение к не столь давно опубликованным дневникам и воспоминаниям), поэтому трудно рассчитывать на полное и всестороннее раскрытие этого вопроса. Вместе с тем она фиксирует вытеснение новыми идеологемами прежних опор в мироощущении представителей первой марксистской генерации.

В качестве важного сложносоставного фактора, также существенно влияющего на духовный облик историка, Л.А. Сидорова рассматривает художественную литературу и искусство (с. 50–132), без которых «не могла сформироваться творческая личность историка, развиться исследовательская активность, расшириться горизонты видения научных проблем, способствуя развитию междисциплинарности в научной практике» (с. 50). Ядро фрагмента о художественной литературе, насыщенное примерами отношения историков к классическим произведениям (свидетельствам о культуре XIX в.) и современным им, созданным в рамках советской культуры, а также к книгам периода «перестройки» дает возможность, по мнению историографа, открыть «многие потаённые стороны личности исследователей, идейное богатство и содержание мира их интеллектуальной деятельности» (с. 102). Интересные детали о художественных пристрастиях, дополняющих, а порой способных изменить представления современных исследователей о духовном облике историков разных поколений, содержат фрагменты о роли искусства (театра, музыки, живописи) в формировании личности ученого, его кругозора, о соотнесении его методологических ценностей, официальных идеологических установок и новаторских поисков (как это выясняется, к примеру, с А.М. Панкратовой – поклонницей Камерного театра А.Я. Таирова и даже его защитницей; с И.И. Минцем, любимым поэтом которого был Саша Черный). Увлечение музыкой способствовало выработке умения «слышать» текст, совершенствованию раскрытия содержания исследований по проблемам истории, обогащению творческой палитры историка.

К сожалению, более узко (в том числе хронологически) показано отношение историков к изобразительному искусству, особенно к живописи художников старшего поколения, оказавшихся в условиях утверждения приоритетов соцреалистического канона. Разумеется, специфика привлеченной источниковой базы создавала трудности. Однако возникает вопрос: неужели историки, интересовавшиеся живописью и посещавшие выставки в первые десятилетия XX в., перестали это делать в 1930-е и последующие годы? Несколько странным кажется и отсутствие фрагмента, который раскрывал бы влияние кинематографа на исследовательскую культуру советских историков, хотя Л.А. Сидорова цитирует фразу М.В. Нечкиной из ее монографии «Функция художественного образа в историческом исследовании» (1982) о том, что «литература, музыка, живопись, скульптура, театр, кино создают неизмеримое, совершенно изумительное расширение личного жизненного опыта» (с. 57).

Возможно, Л.А. Сидорова намерена осуществить разработку этого сюжета в дальнейшем, причем особое внимание следовало бы обратить на такую форму научной деятельности советских историков, как консультирование художественных фильмов на исторические темы. К примеру, известен на этом поприще Е.В. Тарле (консультант фильма «Кутузов», режиссер В. Петров, выход на экран в 1944 г.), творчеству которого (в частности, его отношению к Отечественной войне 1812 г.) уделено немало внимания во втором разделе рассматриваемой книги о факторах, влиявших на изменения научного облика советских историков разных поколений (с. 138–143; в том числе освещается противостояние А.М. Панкратовой и Е.В. Тарле).

Во втором разделе исследователя интересуют такие сюжеты, как источник и метод, документальные публикации и полемика вокруг них, научные школы, личные книжные собрания, обсуждаются некоторые атрибутивные признаки профессии историка. Таким образом, личность историка в рецензируемой монографии оказывается «в объективе нескольких камер».

Тема жесткой конфронтации относительно методов исследования между историками «старой школы» и первым марксистским поколением постоянно находится в сфере внимания современных историографов. Обратим внимание на включение новых контекстов в исследование этой проблематики. Л.А. Сидорова, обращаясь к дневниковым записям Н.М. Дружинина, М.В. Нечкиной, С.А. Пионтковского, несмотря на существенные различия между ними, фиксирует потребность в новой методологии в историческом исследовании и в то же время подчеркивает, что неудовлетворенность позитивистской методологией была свойственна не только новому поколения историков, но и многим представителям старой генерации историков и что этот процесс вписывался также в общий историко-культурный контекст первых десятилетий XX в. «Как поэты футуристы группы „Гилея”, – пишет автор, – работающие над познанием поэтического

слова в качестве материала, способного к любой трансформации, мыслили его универсализм „материальным" средством познания основ бытия и переустройства реальности, так и историки ставили проблему исторического источника, исторического факта как важнейших основ методологии истории» (с. 198). Другое дело как это интерпретировалось. Но общая профессиональная платформа, а затем изменение культурного и политического контекстов в конце концов станут основанием для формирования, по терминологии автора, третьего пути, по которому пойдет советская историческая наука, преодолевая степень неприятия «друг друга историками первых советских поколений» (с. 143) и конструируя новый образ науки.

По существу, Л.А. Сидорова конспективно намечает динамику такого конструирования, которая разворачивается в острой конкурентной борьбе, и на первый план в этой схватке за научный капитал могут выходить личные амбиции и травмированная память, что отчетливо прочитывается в цитируемых текстах историков.

Обустройство профессионального мира немыслимо без сохранения традиции и формирования научных школ. Применительно к истории советской исторической науки схоларный пласт исследований находится в стадии своего становления. Представляется продуктивным намеченный подход автора к специфике складывания научных школ в пространстве советской науки и соответственно заслуживает внимания сделанный вывод о влиянии на этот процесс конфликта между историками дореволюционной формации и поколением «красных профессоров». Старая профессура была ограничена в возможностях создавать научные школы, историки-марксисты «не могли стать их учениками, они были нацелены на подготовку своего круга последователей» (с. 184). Велась жесткая борьба за пространство внимания. Следует учесть и репрессивную практику государства – ученичество у «буржуазного спеца» могло обернуться личной драмой. Вспомним судьбу Л.В. Черепнина, для которого посещение домашнего семинара С.В. Бахрушина закончилось обвинением по «Академическому делу» и трехлетним пребыванием в лагере. В ситуации перестройки исторической науки в начале 1950-х гг., когда поколение «красных профессоров» заняло лидирующие позиции, наблюдается тенденция к последовательному формированию научных школ. Этот процесс рассмотрен автором монографии на примере складывания школы А.Л. Сидорова. Пример показательный, но недостаточный для прояснения специфики школ этого периода. У читателя создается впечатление произвольности представленной выборки.

Историков разных поколений сближали некоторые общие черты интеллектуальной культуры. «Большинство из них, – указывает автор, – а тем более яркие их представители – книжники, знатоки литературы как исторической, так и общегуманитарной и художественной» (с. 184). Собирание книг, создание библиотек было одним из атрибутов профессионализма, включением молодых историков в корпоративную культуру. Опираясь на собственные свидетельства историков, автор показывает, какое место занимало собирание книг в профессиональном быте советских историков, в обустройстве коммуникативного пространства. Не удержимся, чтобы не сослаться на приведенное автором монографии свидетельство молодой М.В. Нечкиной о том счастье, которое ей давали «собственные, красивые, толстые, красиво переплетенные книги» (с. 195).

Подводя итог, отметим новизну предлагаемого варианта реконструкции двух взаимосвязанных ипостасей облика советских историков, принадлежащих к разным генерациям. Поддержим вывод Л.А. Сидоровой о том, что советские историки не были безликими «винтиками» социальной системы. Более того, как показывают новейшие исследования по культуре повседневности советской эпохи, тоталитарная концепция оказывается неэффективной при обращении к индивидуально-личностному преломлению советской истории. Высказанные некоторые пожелания, на наш взгляд, следует воспринимать как призыв к активному вспахиванию историографического проблемного поля не только на примере крупных фигур советской исторической науки, но и на материалах региональной, в том числе сибирской историографии – сливки сбиваются из молока… Наконец, особо следует отметить высокий уровень научно-справочного аппарата: четкие примечания с развернутым комментарием, указатель имен. Полагаем, что рецензируемой книге суждена долгая жизнь и не только потому, что она написана прекрасным языком и дает возможность вживания в сложный мир профессии, не только потому, что представляет мозаику хорошо выписанных биографических миниатюр, но и потому, что очерчивает новые проблемные поля и заставляет размышлять о судьбах профессии историка.

В.П. Корзун –
д-р ист. наук, профессор,
Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского,
В.Г. Рыженко –
д-р ист. наук, профессор,
Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ
(Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

• отечественная история;
• историография, источниковедение и методы исторического исследования;
• археология;
• этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

• текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
• индекс УДК;
• данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
• название статьи с англоязычным переводом;
• аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
• ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
• реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректура не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm; http://www.hssiberia.info/ и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: http:// www.sibran.ru/ /journals/GNvSib/.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.